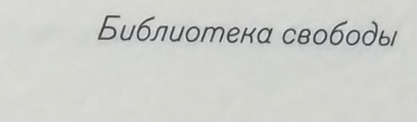
Эдвард Бэнфилд

Моральные основы отсталого общества

INLIBERTY

Библиотека свободы

Edward C. Banfield

The Moral Basis of a Backward Society

Эдвард Бэнфилд

Моральные основы отсталого общества

Москва, 2019

УДК 316.3
ББК 71.05
Б89

Серия «Библиотека свободы» выходит в рамках
издательской программы проекта InLiberty

Книга написана при участии **Лоры Фазано Бэнфилд**

Перевод с английского **Дмитрий Карельский**
Редактор **Петр Фаворов**
Дизайн **Дарья Яржамбек, Юрий Остроменцкий**

В оформлении книги использованы фотографии автора.
Фотография на обложке: Пепи Мерисио, «Бабушка рубит дрова на лестнице», Италия, 1952

Книга издана при поддержке Фонда Фридриха Науманна за свободу (Германия)
Friedrich Naumann STIFTUNG FÜR DIE FREIHEIT

Бэнфилд Э.
Б89 **Моральные основы отсталого общества** / Пер. с англ.
М.: Новое издательство, 2019. — 216 с. — (Библиотека свободы)

ISBN 978-5-98379-242-5

Классика послевоенной политической науки, книга Эдварда Бэнфилда отвечает на вопрос, откуда в обществе берется неспособность объединяться и координировать свои действия, которая приводит к отсутствию политических институтов и экономического развития.

ISBN 978-5-98379-242-5 УДК 316.3
ББК 71.05

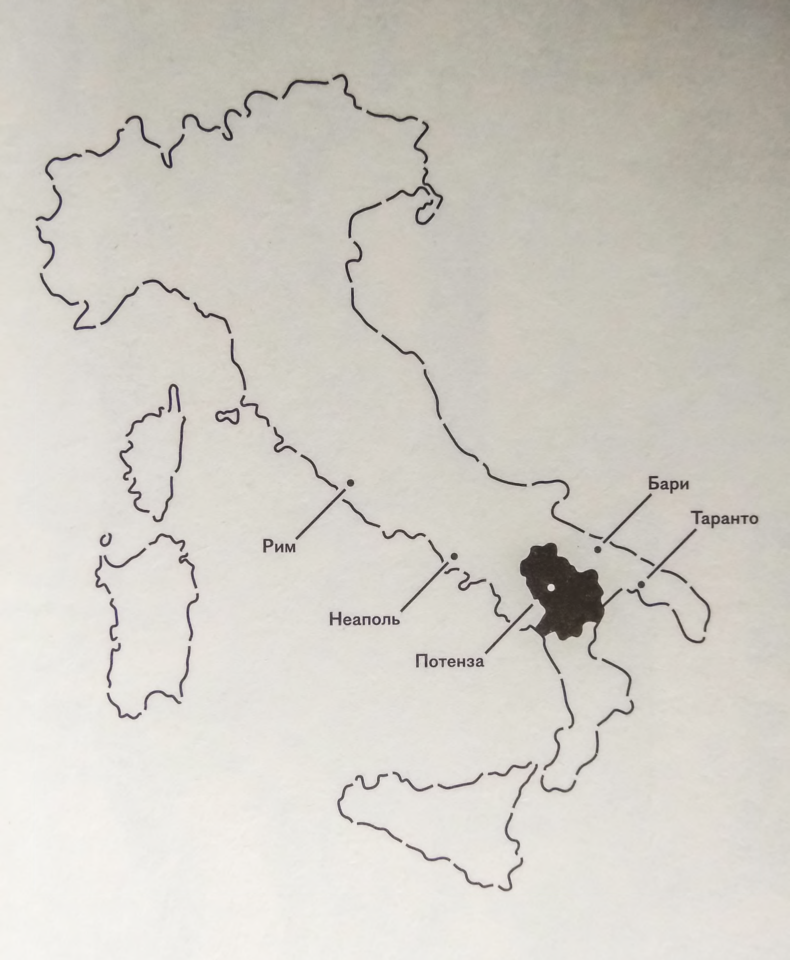
Оглавление

В таком состоянии нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, судоходства, морской торговли, удобных зданий, нет средств движения и передвижения вещей, требующих большой силы, нет знания земной поверхности, исчисления времени, ремесла, литературы, нет общества, а, что хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна.

— Томас Гоббс. Левиафан *

---

* Рус. пер. А. Гутермана (*здесь и далее примечания под звездочкой принадлежат переводчику*).

Бари
Таранто
Рим
Неаполь
Потенза

Введение

В демократических странах умение создавать объединения — первооснова общественной жизни; прогресс всех остальных ее сторон зависит от прогресса в этой области.

— Алексис де Токвиль. Демократия в Америке*

Большинство из живущих на свете людей за всю свою жизнь так и не становятся членами сообщества крупнее семьи или племени. За пределами Европы и Америки согласованное поведение в рамках политического объединения и корпоративной организации — явление редкое и недавнее.

Отсутствие согласованного поведения — важный фактор, препятствующий экономическому развитию на большей части земного шара. У народа, неспособного к организации, не может быть современной экономики. Выражаясь положительно, чем выше желаемый уровень жизни, тем больше необходимость в организации.

Неспособность к организации препятствует также и политическому прогрессу. Успешное самоуправление зависит среди прочего от способности объединять усилия большого числа людей для дел, представляющих общественный интерес. Объединяться в политических целях людям мешают те же самые факторы, что препятствуют их объединению ради экономических целей. «Самой демократической страной в мире, —

* Рус. пер. В.Т. Олейника.

отмечал де Токвиль, — является та из стран, где в наши дни люди достигли наивысшего совершенства в искусстве сообща добиваться цели, отвечающей их общим желаниям, и чаще других применять этот новый метод коллективного действия»[1].

Мы склонны считать само собой разумеющимся, что экономические и политические объединения быстро складываются всюду, где это позволяют технические навыки и природные ресурсы. Если уровень технического развития достаточно высок, чтобы объединение усилий значительного числа людей давало значительную выгоду, откуда-то сами собой берутся капитал и способность к организации, начинают возникать и расти объединения. Это — удобное и широко распространенное представление.

Представление это ошибочно, поскольку не учитывает решающего значения культуры. Люди живут и мыслят очень по-разному, причем образ жизни и мыслей многих из них прямо противоречит требованиям формальной организации. Так, невозможно создать мощное объединение там, где для удовлетворения своих потребностей достаточно протянуть руку и сорвать кокос. Не создашь мощного объединения и там, где никто не станет выполнять приказы или инструкции.

Способность незападных культур достичь высокого уровня организации, без которого невозможны современная экономика и демократическое политическое устройство, вызывает определенные сомнения. Представляется, что лишь одна культура — японская — при полной непохожести на нашу способна к такому уровню организации. Чтобы в Китае, Индии и других слаборазвитых странах индустриализация не осталась явлением исключительно поверхностным, этос этих культур должен допускать внедрение коллективных форм действия.

Способность той или иной культуры к организации нельзя мерить количеством и величиной объединений. Объединение

---

[1] *Tocqueville A. de.* Democracy in America. New York: Knopf, 1945. Vol. II. P. 107 [*Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. Т. 2. С. 379].

может иметь в своем составе много членов и охватывать большую территорию, но при этом почти ничего не делать. При оценке способности культуры к организации наряду с количеством и величиной объединений необходимо принимать в расчет их эффективность, то есть соотношение затрат на деятельность и отдачи от нее. При этом надо также учитывать характер целей и ценностей этих объединений: очевидно, что одно дело — эффективность в достижении простой цели и совсем другое — в выполнение трудной и многосоставной задачи. Так, например, если какая-то культура способна содержать эффективные вооруженные силы, это еще не значит, что ей под силу решение бесконечно более сложной задачи создания индустриального общества, способствующего защите и развитию человеческой личности. Принимая решение этой последней, самой важной и сложной задачи за критерий высокого уровня организации, еще труднее представить, каким образом его достигнет большинство незападных культур, если только в них не произойдет коренных перемен или не проявятся их скрытые пока возможности.

Очевидно, что культура может служить ограничивающим фактором, который определяет степень и характер организованности и тем самым прогресса в менее развитых частях света. Но при этом не очень ясно, в чем именно заключается несовместимость между конкретными культурами или их отдельными аспектами и конкретными формами или степенями организованности. Мы очень мало знаем об этом даже в применении к нашему собственному обществу. Как, например, в рамках нашей культуры влияют на способность к организации различные классовые, этнические и половые особенности?

Эта книга — исследование культурных, психологических и моральных предпосылок возникновения политических и иных объединений. Метод исследования — доскональное изучение факторов, препятствующих коллективным действиям в культуре, не вполне нам чуждой, но тем не менее отличной от нашей и в некоторых отношениях очень сходной с культурами Южного Средиземноморья и Леванта.

В книге рассказывается об одной коммуне на юге Италии. Крайняя бедность и отсталость этой коммуны во многом (но не целиком) объясняются[2] неспособностью ее жителей объединить усилия ради общего блага и вообще ради любой цели, кроме краткосрочного материального интереса нуклеарной семьи. Неспособность к совместным действиям с кем-то, кроме ближайших родственников, обусловлена этосом[3] «аморального фамилизма», сформировавшимся под совокупным влиянием трех факторов: высокой смертности, определенных особенностей системы землепользования и отсутствия института расширенной семьи.

Мы с женой и двумя детьми, которым тогда было восемь и десять лет, прожили в коммуне Монтеграно (название вымышленное, как и все местные топонимы) девять месяцев в 1954–1955 годах. С помощью студента-итальянца моя жена опросила около семидесяти человек, в основном крестьян. (Я итальянским языком вообще не владел и за время пребывания в Монтеграно приобрел в нем лишь зачаточные знания.) Кроме того, мы использовали данные из переписных листов и других официальных источников, из учетных книг и автобиографических записок, которые крестьяне вели по нашей просьбе, а также результаты тематических апперцептивных тестов.

---

[2] Объяснение — это, по словам Юма, место, где разум замирает в удовлетворении. Одни объяснения, рассматриваемые (глава вторая) или предлагаемые (глава восьмая) в этой книге, носят каузальный характер, то есть являются местами, где разум останавливает поиск необходимых предпосылок некоего события. Другие (глава пятая) как минимум на первый взгляд отличаются от первых: они представляют собой места, где разум удовлетворенно замирает, отыскав общие черты в явлениях, вроде бы никак между собой не связанных.

[3] Вслед за Уильямом Самнером «этос» понимается нами как «совокупность характерных обыкновений, идей, стандартов и кодов, посредством которых группа отличается и индивидуализируется по характеру от других групп» (*Sumner W.G.* Folkways: A Study of the Sociological Importance of Usages, Manners, Customs, Mores, and Morals. 1906. P. 36 [*Самнер У.Г.* Народные обычаи: Исследование социологического значения обычаев, манер, привычек, нравов и этики // Рубеж: Альманах социологических исследований. 1998. № 12. С. 29]).

В нашем случае было нерационально применять научные методы выборки — это не оставило бы нам времени на проведение интервью. Поэтому мы не знаем, насколько репрезентативно проведенное нами исследование; нам представляется, однако, что оно вполне репрезентативно в отношении жителей города Монтеграно и достаточно репрезентативно в отношении населения окружающей сельской местности. Мы не имеем данных, чтобы судить, насколько эта коммуна репрезентативна для южной Италии в целом, но по ряду свидетельств, в том, что касается нашего исследования, это «типичный юг», если включать в это понятие остальную Луканию*, Абруцци, Калабрию, внутренние районы Кампании и прибрежные части Катании, Мессины, Палермо и Трапани[4].

Коль скоро мы не хотим ничего «доказывать», а намерены лишь в общих чертах изложить и проиллюстрировать теорию, которую может тщательно проверить любой желающий, нам кажется, что собранных нами данных, какими бы скудными они ни были, вполне достаточно. Во всяком случае, они явно демонстрируют оправданность систематического исследования в этом направлении. До тех пор пока такого исследования не проведено, высказанные нами соображения должны восприниматься исключительно как гипотеза.

Некоторым читателям может показаться, что аморальный фамилизм в том или ином виде присущ любому обществу — американскому не меньше, чем южноитальянскому. На это мы отвечаем, что аморальный фамилизм — это тип поведения

---

* Автор везде использует административное деление, введенное при Муссолини и действовавшее в 1932–1947 годах.

[4] Австралийский демограф Дж.С. Макдональд показал, что уровень эмиграции из этих областей, где «люди связывали свои экономические ожидания исключительно с благополучием собственной нуклеарной семьи», выше, чем из других сельскохозяйственных регионов (то есть из Венето, Эмилии-Романьи, Тосканы, Умбрии и Марке), «где стремление улучшить материальное положение выражается в согласованных совместных действиях» (*McDonald J.S.* Italy's Rural Social Structure and Emigration // Occidente. 1956. Vol. XII. № 5. P. 437–455).

или синдром; общество, в котором наблюдаются *отдельные* симптомы этого синдрома, очевидным образом отличается от общества, в котором *все* такие симптомы налицо. Кроме того, важна степень поражения: несмотря на своекорыстие и беспринципность большинства его членов, общество не становится аморально-индивидуалистическим (или аморально-фамилистическим), если в нем хоть сколько-то силен дух гражданской солидарности или хотя бы «просвещенного» эгоизма.

За проявленное внимание к нашей работе и оказанное ей содействие мы выражаем признательность профессору Манлио Росси-Дориа и доктору Джильберто Марселли из Высшей сельскохозяйственной школы в городе Портичи, а также доктору Джузеппе Барберо и доктору Джузеппе Орландо из римского Национального института сельского хозяйства. Синьор Джованни Джура, ныне живущий в Чикаго, помогал нам в полевой работе в Монтеграно. Доктор Ивано Ринальди из Перуджи провел тематические апперцептивные тесты в Ровиго и снабдил нас сведениями об организации общества в этой провинции.

Мы считаем необходимым поблагодарить отделение общественных наук Чикагского университета, обеспечившее финансирование нашей работы Фондом Форда, и Совет по исследованиям в области общественных наук, также поддержавший нас дополнительным грантом.

Приносим благодарность издательству Farrar, Straus, and Cudahy за разрешение цитировать книгу Карло Леви «Христос остановился в Эболи» и Дональду Питкину за разрешение цитировать его диссертацию «Землепользование и структура семьи в одной итальянской деревне».

Повествование в настоящем времени описывает положение вещей в 1955 году.

Глава 1

Наблюдения и вопросы

Американцам привычна бурная коллективная деятельность, направленная, по крайней мере отчасти, на укрепление благополучия местного сообщества. Так, например, в одном из номеров еженедельной газеты, издаваемой в Сент-Джордже (население 4562 человека), штат Юта, сообщается о целом ряде разнообразных начинаний на пользу общества. Красный Крест проводит кампанию по привлечению новых членов. Для сбора денег на новое общежитие двухгодичного колледжа Клуб деловых женщин и женщин-специалисток устраивает цирковое представление, в котором члены клуба исполнят роли клоунов и дрессированных животных. «Будущие фермеры Америки» (чья цель состоит в том, чтобы «личным и коллективным примером способствовать развитию у занятых в сельском хозяйстве навыков лидерства, сотрудничества и социальной ответственности») устраивают банкет для представителей разных поколений. Местная компания дарит школьному округу многотомную энциклопедию. Торговая палата обсуждает возможность соединить два соседних городка дорогой с твердым покрытием. Идет запись в волонтеры Гражданской противовоздушной обороны. Церковный приход собрал 1393 доллара и 11 центов мелочью для детской больницы в 350 милях от Сент-Джорджа. Фермерский совет округа самолетом отправляет одного из своих членов за 2000 миль в Вашингтон для участия

в дебатах по вопросам аграрной политики. В школах проходят собрания родительских комитетов. «Если вы — ответственный гражданин нашего местного сообщества, — говорится в заметке, — вы состоите в родительском комитете».

Ничего подобного не увидишь в Монтеграно, коммуне с населением 3400 человек в провинции Потенца на юге Италии[1]. Коммуна состоит из городка, белыми пчелиными сотами прилепившегося на вершине горы, и двадцати семи квадратных миль полей и лесов вокруг. Треть населения коммуны живет в мелких хозяйствах, раскиданных у подножья горы и в долине. Остальные обитают в городке, но поскольку в основном это крестьяне и наемные сельскохозяйственные работники, бóльшую часть дня они проводят в полях и на извилистых тропах между городком и долиной.

В Монтеграно, как и в тринадцати других городках, разбросанных на вершинах в пределах видимости, нет своей газеты. Интересные всем новости — «на *пьяццу* привезли продавать рыбу по 100 лир за килограмм» — разносит городской глашатай в форменной кепке и с медным рожком, трубя в который он привлекает внимание публики. Официальные сообщения вывешиваются в государственной лавке, монопольно торгующей солью и табаком, и на доске объявлений в мэрии. Раз в один-два дня автобус привозит несколько экземпляров трех или четырех газет, выходящих в Риме, Неаполе и Потенце; понятно, что о происходящем в Монтеграно в этих газетах почти никогда не пишут, и поэтому их мало кто читает.

Двадцать пять мужчин из высшего класса образуют местное «общество» — у них есть специальная зала, где они собираются

---

[1] Италия разделена на 92 провинции. Провинция Потенца включает в себя 97 коммун и занимает площадь 2527 квадратных миль. Ее население в 1951 году составляло 435 495 человек. Провинции Потенца и Матера образуют область Лукания или, по прежнему названию, Базиликата. Краткое информативное описание физической и социальной географии южной Италии см.: *Dickinson R.E.* The Population Problem of Southern Italy. Syracuse: Syracuse University Press, 1955.

поговорить и сыграть в карты. Это единственное объединение в городе. Ни одному из его участников ни разу не пришло в голову заняться вопросами жизни коммуны или осуществить какое-нибудь «начинание»[2].

Коммерсанты Монтеграно понимают, как важны для них хорошие дороги. Но они и не надеются достучаться до властей, которые решают, какую дорогу отремонтировать. Любой житель Монтеграно может написать письмо в Потенцу провинциальным властям или в тамошнюю газету, но результата это, скорее всего, не даст. Наоборот, чиновники могут возмутиться тем, что кто-то, как им кажется, лезет в их дела.

Организованной благотворительности в Монтеграно нет. В полуразрушенном старинном монастыре монахини, едва сводя концы с концами, содержат приют для девочек. Жители Монтеграно приюту не помогают, хотя все воспитанницы там — из местных семей. Монастырь разваливается, но ни один из множества полубезработных каменщиков ни дня не уделил его восстановлению. Дети в приюте живут впроголодь, но ни один из крестьян или землевладельцев ни разу не пожертвовал им поросенка.

В городке две церкви и два священника: один — сын сицилийского крестьянина, другой — преуспевающего коммерсанта из Монтеграно. Церкви не занимаются благотворительностью, не помогают нуждающимся и никак не участвуют в мирских делах коммуны. Даже в вопросах религии их влияние не слишком велико. Утром по воскресеньям жизнь городка идет будничным чередом: каменщики, как всегда, в семь начинают трудиться на стройке, лавки открыты, земледельцы со своими ослика-

---

[2] Дж.С. Макдональд сообщает мне в частном письме, что в большинстве коммун Калабрии с населением более 2000 человек имеется «общество благородных» (circulo dei civili), а в некоторых и «простонародное общество», но «они служат исключительно для совместного времяпрепровождения. Укромные питейные заведения тоже играют важную роль: там собирается местный преступный мир. Никаких других устойчивых досуговых объединений (помимо семейно-родственных групп) у трудящихся нет».

ми спускаются на работу в долину. Из 3400 жителей коммуны воскресную мессу посещает не более 350 человек. В основном это женщины. Те немногие мужчины, что приходят в церковь, остаются стоять у входа, как бы давая понять, что не так уж они и набожны. На блюдо для пожертвований многие прихожане не кладут ничего, и мало кто жертвует больше полуцента (пяти или десяти лир). Мужчины Монтеграно традиционно настроены антиклерикально. Традиция эта восходит к прошлому веку и более ранним временам, когда церковь имела на юге Италии обширные земельные владения, а ее служители славились жестокосердием и безнравственностью. Сейчас в коммуне Монтеграно ей принадлежит одно небольшое хозяйство, а оба священника, по общему признанию — люди отзывчивые и весьма достойные. Тем не менее многие в Монтеграно упорно считают вообще всех священников стяжателями, лицемерами, а то и кем похуже.

На вопрос, кто больше всех думает об интересах жителей коммуны, кто скорее проявит инициативу в решении вопросов улучшения общественного благосостояния, отдельные представители высшего класса называют барона ди Лонго и полковника Пьенсо — оба живут в Риме и, как считается, пользуются там влиянием. Большинство, однако, говорит, что в Монтеграно никто особенно об общей пользе не задумывается, а некоторые вообще не понимают, что такое забота об общей пользе. Когда интервьюер объяснил молодому учителю, что бывают люди, которые что-то делают ради всех, а не только для самого себя, тот сказал:

> *Никто у нас в городе не горит желанием делать добро всем, кто тут живет. Даже если кажется, что кто-то хочет всем добра, на самом деле он ищет свою выгоду и обделывает свои дела. Ведь и святые — смиренные-смиренные, а о себе не забывали. Чего уж тогда от простого человека ждать?*

По словам другого учителя, мало того что никто не заботится об общем благе, так многие еще и рады помешать успехам другого:

На самом деле, я ни разу не видел такого, чтобы кто-то хотел хорошего для всех. Наоборот, я вижу, как страшно все завидуют чужим деньгам и чужому уму.

В некоторых городах Южной Италии аристократы, по рассказам, безразличны к бедственному положению крестьян и отчаянно ненавидят друг друга. В Монтеграно не так. Первые семьи коммуны нормально ладят между собой, а многие из представителей высшего класса относятся к крестьянам с явным сочувствием. Но при всем своем сочувствии существующее положение вещей они изменить не пытаются.

***

Жизнью коммуны управляют мэр, выборный городской совет и сидящие в Потенце провинциальные чиновники во главе с префектом. Мэр с советом полагают, а префект располагает. Без одобрения из Потенцы не купить даже пепельницу в мэрию; обычно спустя какое-то время решения местных выборных должностных лиц получают оттуда подтверждение, но так бывает не всегда и, разумеется, каждый раз приходится принимать в расчет возможность отказа.

Префекта в Монтеграно представляет секретарь коммуны, кадровый администратор, назначаемый из Потенцы. С помощью двух конторских служащих секретарь занимается повседневными делами коммуны: ведет налоговый учет, регистрирует акты гражданского состояния и по указанию вышестоящего начальства производит выплаты из бюджета.

Мэр избирается на четыре года и жалованья за свою работу не получает. Он представляет коммуну на официальных мероприятиях, руководит муниципальными служащими, выступает законным представителем коммуны в переговорах с третьими сторонами, в ряде ситуаций исполняет функции нотариуса. Выборный городской совет на практике власти почти не имеет. На созываемых мэром заседаниях совета редко собирается кворум.

Выборные городские должности в основном занимают конторские служащие, ремесленники и зажиточные крестьяне, а не представители местной верхушки. Мэр, например — отставной армейский унтер-офицер и мелкий землевладелец. Кроме него, в совете заседают отставной унтер-офицер карабинеров (заместитель мэра), четверо ремесленников и лавочников, пятеро служащих, пятеро учителей, двое крестьян и адвокат. Из всех них только адвокат принадлежит к местному высшему обществу, но и его социальный статус не слишком высок.

Школы находятся вне ведения выборных городских властей. Директор школьного округа, подотчетный непосредственно начальству в Потенце, живет в Монтеграно и управляет школами в нескольких коммунах. К организации общественных работ мэр и совет, как ни странно, тоже не имеют никакого отношения.

Полиция (carabinieri)* также подчиняется не им, а Министерству юстиции в Риме. Местный начальник полиции (maresciallo) тесно сотрудничает с властями коммуны, но от этого не становится для них «своим». Начальника полиции принципиально никогда не назначают в его родной город; ему и его подчиненным не рекомендовано заводить слишком близких отношений с местными. С представителями всех слоев населения карабинеры обычно держат себя ровно, деловито и отстраненно.

***

Итальянская конституция гарантирует каждому ребенку возможность учиться в школе до 14-летнего возраста, однако много где в Италии, в том числе и в Монтеграно, есть только пятилетние школы. Если семья не может отправить ребенка учиться в другой город, он, как правило, заканчивает обучение в 11 или 12 лет.

Одна треть мужчин и две трети женщин, достигших в 1954 году 21-летнего возраста, учились в школе меньше пяти лет.

---

* Здесь и далее автор смешивает карабинеров, которые подчиняются Министерству обороны и Министерству внутренних дел, и полицию, которая подчиняется Министерству юстиции.

Больше пяти классов окончили только пять процентов мужчин и меньше двух процентов женщин[3].

Школьники учатся четыре часа по утрам, шесть дней в неделю с середины сентября до середины июня. Школы скудно оснащены, учителям платят мало, ученики, а зачастую и учителя, пропускают занятия. После пятого класса некоторые дети еле-еле пишут, читают и решают элементарные арифметические задачи. Многие крестьянские дети через пару лет после окончания школы забывают все, чему научились. По словам местного чиновника системы образования, треть выпускников, в основном женщины, за несколько лет полностью разучиваются читать и писать. В то же время ежегодно, начиная с 1948 года, 12 мужчин оканчивают вечернюю школу для взрослых. Благодаря ей за восемь лет 96 человек (две трети из них — крестьяне и наемные сельскохозяйственные работники, а остальные — ремесленники) освоили — или восстановили — умение читать и писать.

До недавнего времени значительная часть детей, живущих за пределами городка, вообще не имела возможности посещать школу. Сейчас появились сельские школы, где занятия проходят в часы, наиболее удобные для семей земледельцев (в некоторых сельских школах уроки начинаются в 6 утра и заканчиваются в 10). В наши дни почти не осталось детей, которые не ходят в школу из-за того, что до нее слишком далеко.

Многие, однако, посещают школу нерегулярно. Школьная администрация, священники и полиция совместными усилиями убеждают родителей каждый день отправлять детей в школу; когда все средства убеждения исчерпаны, родителей злостных прогульщиков могут и оштрафовать. Некоторые крестьяне — потому, скорее всего, что не видят смысла в пяти годах школы при отсутствии возможности продолжить образование, — добровольно отпускают детей на учебу лишь до тех пор, пока они слишком малы для работы в поле.

---

3 Подробности приведены в таблицах 1 и 2 в Приложении А.

По причине плачевного состояния школ и низкой посещаемости, а также из-за того, что система школьного образования плохо работала во время войны, в 1951 году неграмотными были приблизительно 30 процентов жителей Монтеграно в возрасте от 10 до 40 лет. Выше всего (44 процента) неграмотность была среди крестьян, живущих вне города.

Детей ремесленников после окончания пяти классов обычно отдают в подмастерья. Но чтобы не остаться на всю жизнь третьеразрядным специалистом в одной из традиционных профессий — портного, парикмахера, плотника, каменщика или кузнеца — ребенку надо сделать одно из двух: либо поступить в ремесленное училище, недавно открытое в соседнем городке, либо найти место подмастерья в большом городе. В городе он может выучиться на автомеханика, сварщика, мастера по ремонту пишущих машинок или приобрести какую-то другую специальность, которая позволит ему со временем перебраться на север. Но этот второй вариант мало кому доступен — лишь немногие из ремесленников могут себе позволить содержать ребенка вдали от дома. Даже в государственных ремесленных училищах родителям приходится платить за стол и жилье. А найти место подмастерья в большом городе, если там нет родни, мальчишке из Монтеграно практически невозможно.

Тем немногим мальчикам и девочкам, которые поступают в среднюю школу (с шестыми-восьмыми классами), тоже приходится уезжать из дома. Ближайшая средняя школа (media) находится в Бассо. От Монтеграно до Бассо недалеко, но расписание автобуса не позволяет ученикам каждый день ездить на занятия и обратно. Обучение в пансионе по меркам Монтеграно обходится чрезвычайно дорого. В пансионах заправляют представители городского среднего класса, и рассчитаны они на детей из городского среднего класса; так, каждый ученик должен иметь при себе *corredo*, приданое: шесть простыней и шесть наволочек, два одеяла строго определенного качества, две пары «повседневных» и одну — «выходных» туфель и т.д. По словам матери школьника из Монтеграно, *corredo* обходится

приблизительно в 80 долларов, прочие расходы составляют около 25 долларов в месяц. Программа средней школы основное внимание уделяет латинскому и французскому языкам (английский не изучают даже в Миланском университете), истории, литературе и обществознанию, фактически не включая в себя естественно-научных и технических дисциплин. Большинство учащихся средней школы предполагают со временем стать учителями, юристами, государственными служащими или врачами.

***

Роль политических партий в Монтеграно невелика. Фашисты время от времени собирали в городке митинги, на которые заставляли являться всех, кроме крестьян, в большинстве своем еще до зари уходящих в поля. Политические партии в привычном представлении появились здесь только после Второй мировой войны, но ни одна из них не добилась сколько-нибудь прочных позиций.

Так, Коммунистическая партия получила на последних выборах 1956 года 157 голосов, но партийной ячейки у коммунистов в Монтеграно нет. Их местный представитель — портной, который читает ежедневную коммунистическую газету L'Unità, но никаких других связей с партийными структурами не поддерживает. Взгляды его далеки от ортодоксальных:

> *Мы, коммунисты, люди на самом деле не такие плохие. Кроме хлеба и работы, нам больше ничего не нужно. Главное для нас — бороться, чтобы все в городе было по справедливости. Например, кто-то работал на постройке новой мэрии все время, с самого начала и до самого конца. А другие просились на стройку хотя бы на несколько дней, только чтобы на хлеб заработать, но им ничего не досталось. Это было несправедливо. А еще чиновники в мэрии получали посылки из Америки. С кем-то они делились, а с другими нет. Это тоже было несправедливо.*

В конце войны Америка совершила огромную ошибку, уверен портной-коммунист:

Когда Америка оккупировала Италию, она должна была здесь остаться. Так для нас было бы намного лучше.

Директор школьного округа Фармузо — тоже коммунист и даже успел побывать коммунистическим мэром одного из окрестных городков. Он может обсуждать политику в частных, неформальных разговорах, но, будучи должностным лицом, в местных партийных делах участия не принимает. Во время предвыборных кампаний в Монтеграно приезжают коммунистические агитаторы из Бассо, городка побольше, где есть профессиональные партийные функционеры.

На крайне левом фланге наибольшим влиянием пользуется врач, доктор Джино, член Итальянской социалистической партии. Как и большинство врачей на юге Италии, он материалист и социалист по рождению, образованию и убеждениям. (Рассказывают, что отец крестил его именем Франко *Маркс* Джино, причем крестильная рубашка на нем была не белого, а красного цвета.) Доктору Джино принадлежит один из немногих в коммуне виноградников — всего несколько акров, благодаря которым тем не менее он является одним из крупнейших местных землевладельцев.

Как врач и как землевладелец доктор Джино много помогает людям. К тому же он — главный в высшем классе выразитель идеологии, требующей устранения классовых барьеров и справедливого перераспределения богатств. Соответственно, у него есть некоторое количество приверженцев, клиентела из числа крестьян и ремесленников. Некоторые из них думают, что если кому-то из высшего класса и есть дело до благополучия простых людей, то только ему. Другие благодарны доктору Джино за врачебную помощь или надеются получить работу на его винограднике. При желании он мог бы расширить число сторонников и преобразовать их поддержку в политический капитал. Но он слишком горд и слишком индивидуалистичен, чтобы подвергать себя неудобствам и рискам серьезной политической деятельности. «В политике очень много фальши, —

объясняет доктор Джино. — Приходится заводить больше друзей, чем тебе нужно, и держать себя приветливо с людьми, с которыми совсем не хочется быть приветливым. А все потому, что надо постоянно думать об укреплении партии, о том, как привлечь в нее побольше народу». Его не прельщает перспектива в принудительном порядке посещать партийные собрания и выслушивать внушения за неосторожно высказанные мысли: «Боюсь не удержаться и послать их к черту».

В 1945 году, вскоре после окончания войны, доктор Джино преодолел свою неприязнь к политике и попытался создать в Монтеграно отделение Социалистической партии. По его призыву около ста человек собрались на пьяцце и проголосовали за вступление в партию. Но как только из привезенных в Монтеграно бланков заявлений выяснилось, что придется платить взносы, интерес к членству в партии сразу угас. Доктор Джино из своего кармана заплатил по несколько лир за каждого подавшего заявление и никогда больше не пытался ничего организовать. «Я хотел, чтобы трудящиеся объединились, создали профсоюз... или хотя бы группу, чтобы вместе защищать свои интересы. Но это никому не нужно. У людей нет вкуса к совместной деятельности», — говорит он.

Если наличие патрона вроде доктора Джино приводит к возникновению клиентелы, то и наличие потенциальной клиентелы может привести к появлению патрона. Точно так же как кто-нибудь из семейства Рузвельт всегда находит целесообразным примкнуть к лагерю демократов, в каждом южноитальянском городке обязательно найдется хотя бы один человек свободной профессии, вставший на сторону трудящихся. Чтобы добиться положения среди христианских демократов, ему пришлось бы обойти многих других желающих, тогда как в качестве социалиста он вне конкуренции.

Самые сильные позиции в Монтеграно у Христианско-демократической партии, или «партии священников», как ее называют крестьяне. Местные священники и правда проявляют чрезвычайно высокую политическую активность, как на

церковной кафедре, так и за стенами церкви. (Один из них даже ввязался как-то раз в кулачную драку на предвыборном собрании.) Другие видные христианские демократы — адвокат, обаятельный молодой человек, один из самых мыслящих людей в городе, и два отставных унтер-офицера, армейский и карабинер, соответственно, мэр и его заместитель. С учетом распространенного среди жителей коммуны антиклерикализма следует, видимо, полагать, что Христианско-демократическую партию избиратели поддерживают не благодаря, а вопреки ее связям с церковью.

Перед самыми выборами Христианско-демократическая партия раздает избирателям небольшие пакеты с макаронами, сахаром и одеждой — так называемые «подарки из Ватикана». Подаркам из любого другого места избиратели были бы рады не меньше. «Если русские пришлют каждому по 25 бушелей зерна, — говорил кандидат, потерпевший поражение на последних выборах, — люди завтра же проголосуют за то, чтобы выгнать христианских демократов со всех должностей».

Монархическая партия — единственная заметная сила на правом фланге. Ее поддерживают барон ди Лонго, другие землевладельцы и разрозненные представители всех остальных социальных слоев. Местный партийный секретарь — владелец бара, в прошлом унтер-офицер карабинеров. Монархическая партия, по его словам, стоит за порядок, мир, низкие налоги и против революции. «Порядок», в его понимании, — это «уважительное отношение», когда «всякие не разводят лишнюю критику» и когда «каждый несет свое бремя как положено»:

Монархия — лучший государственный строй, потому что король при ней — хозяин страны. Как хозяин дома, который, когда портится электропроводка, ее чинит. Он как отец заботится о своем народе. Своего ребенка ты всегда любишь больше, чем чужих, и делаешь для него тоже больше. Вот так и король заботится о своем народе. Ему хочется, чтобы народ его любил. Сам-то он народ любит. При республике страна — как наемное жилье. Свет погас, и ничего… дом же не твой. Стены идут тре-

щинами — ну и пусть. Наниматель ничего не чинит. То же самое люди, которые управляют республикой. Им не интересно ничего приводить в порядок. Если что-то в стране идет не так, и их за это прогоняют, им и горя мало — карманы-то себе набить успели.

Позиции умеренных социалистов (Итальянской демократической социалистической партии) в Монтеграно слабы. Так называемые неофашисты (Итальянское социальное движение) влиянием не пользуются.

В Монтеграно не редкость внезапные переходы функционеров из одной партии в другую. Через полгода после того как он произнес приведенную выше тираду, секретарь Монархической партии заявил, что стал коммунистом. А еще несколько недель спустя он снова сделался монархистом.

Не менее удивительным представляется непостоянство избирателей. В избирательном округе, к которому относится Монтеграно, одиннадцать коммун. Какие-то победнее, какие-то побогаче, где-то земля находится в руках большего числа собственников, где-то — меньшего. Глядя со стороны, разница между ними не принципиальна — главное, что все они чрезвычайно бедны и изолированы от внешнего мира. При этом электоральное поведение жителей сильно различается от города к городу. Как видно из приведенной ниже таблицы, в 1953 году коммунисты получили в них от 2 до 46 процентов голосов, а на выборах 1956 года — от 2 до 79 процентов.

Электоральное поведение меняется не только от города к городу, но и от выборов к выборам в одном и том же городе. Например, в Аддо, где в 1953 году коммунисты получили больший процент, чем в остальных городах, до того уверенно побеждали христианские демократы, и они же снова победили в 1956-м. В то же время в городе «F» произошел резкий отток избирателей от центра налево. Такие внезапные перемены — не редкость на юге Италии.

Таблица 1. Доля голосов, отданных за левые, центристские и правые партии на региональных выборах 1953 и 1956 годов в избирательном округе, к которому относится Монтеграно, %

		Доля голосовавших за					
		левых		центристов		правых	
Город	**Население**	**1953**	**1956**	**1953**	**1956**	**1953**	**1956**
Монтеграно	*3400*	*23*	*18*	*44*	*62*	*33*	*20*
Аддо	*1039*	*46*	*9*	*28*	*72*	*26*	*19*
Бассо	*6473*	*45*	*36*	*46*	*62*	*9*	*2*
C	*1169*	*26*	*12*	*57*	*35*	*17*	*53*
D	*1100*	*25*	*25*	*55*	*70*	*20*	*5*
E	*894*	*22*	*26*	*52*	*49*	*26*	*25*
F	*1695*	*19*	*79*	*68*	*17*	*13*	*4*
G	*859*	*16*	*21*	*43*	*69*	*41*	*10*
H	*2064*	*8*	*2*	*83*	*68*	*9*	*30*
I	*2196*	*7*	*3*	*80*	*73*	*13*	*24*
J	*2431*	*2*	*5*	*94*	*89*	*4*	*6*

Примечание: «левые» здесь — Коммунистическая и Социалистическая партии, «центристы» — Христианско-демократическая и Демократическая социалистическая партии, «правые» — монархисты и Итальянское социальное движение.

***

В Монтеграно и соседних коммунах, стоит человеку занять выборную должность, как избиратели сразу же ополчаются против него. Недавние сторонники заявляют — часто не без оснований, — что, усевшись в начальственное кресло, новоиспеченный чиновник зазнался, печется только о своей выгоде и берет взятки. На следующих выборах или, если получится, раньше они стараются воздать ему по заслугам. Лучший способ растерять друзей в Монтеграно — получить выборную должность.

Письмо представителя низшего класса Монтеграно своему другу за границу дает хорошее представление об особенностях политической жизни городка:

Мэр Винченцо Спомо в самом деле покинул пост. Это случилось месяца два назад. Но он ушел не потому, что сам захотел, а потому что его уволил городской совет.

Как ты знаешь, в совете было две фракции. Вернее, у христианских демократов там было две фракции, у каждой обо всем было свое мнение, и они никогда не могли между собой договориться. Спомо, как всегда, хотел устроить все так, чтобы вышло, как ему надо. Он думал, что все будет, как при прежней власти, но тут пришлось иметь дело с людьми образованными, у которых своя голова на плечах. Он такого не ожидал.

Так вот совет и заседал. Когда Спомо предлагал что-то такое, что членам совета не нравилось, они раз выступали против, два выступали против, три… пока не добьются своего. И вот как-то на заседании его заставили подать в отставку.

Теперь я тебе кое-что про Спомо расскажу. В городе он никогда никому не нравился. Что хотел, то и делал. Помогал только тем, кому ему самому хотелось помогать. Бумаги, которые присылали сверху, он запирал в стол и даже членам городского совета о них не рассказывал. Это было не просто самоуправство мэра — этого хотели от него те, кто его поддерживал, и если христианские демократы потеряли часть голосов, виноват в этом лично он.

Как я уже говорил, в городском совете были две фракции. Семь человек были за Спомо, а одиннадцать — за нынешнего мэра. Когда Спомо увидел, как разделились голоса, и понял, что проиграл, он молча встал и ушел. Разумеется, новый мэр поднялся и принялся благодарить всех, кто за него голосовал, а члены совета хлопали ему и наперебой приветствовали, пока он жестом не остановил аплодисменты — вот как долго это продолжалось.

С этим новым мэром стало лучше — он всех выслушивает, всем отвечает, хочет, чтобы у рабочих людей была защита.

Посмотрим, как пойдет дальше.

И знаешь, что я обо всем этом думаю? Хорошо, что Спомо лишился власти. А то под конец он совсем раскомандовался, как будто он маршал, а все остальные — его солдаты. Он так и решил, что поставлен командовать жителями Монтеграно. Своих любимцев он возвышал до небес, а тех, кто ему не нравился, сживал со свету. Он считал себя

сверхчеловеком, и кроме ругани мы от него ничего не слышали. Казалось, к нам вернулись времена феодалов.

Что до жителей коммуны, то они относятся к нему по-разному. Те, кому он сделал что-то хорошее, его поддерживают. Кому он ни хорошего, ни плохого не сделал, просто повторяют, что слышат от других. А эти другие, которые высказывают свое мнение, в основном крестьяне и работники.

Как-то утром водитель автобуса и крестьянин сидели в баре. Водитель сказал, что лучшего главы, чем Спомо, для нашего города не найти. Крестьянин ответил, что по самомнению и посулам ему, возможно, и вправду нет равных, но настоящими делами он похвастаться не может. Тогда водитель автобуса добавил, что кроме того, что мэр отлично подходит для своей должности, «его поддерживают многие влиятельные лица — министр сельского хозяйства, префект и другие. Если мэр слетит [разговор происходил до его отставки], префект пришлет своего уполномоченного, и городу придется платить по 5 долларов в день [на содержание этого уполномоченного], а потом Спомо, так как он секретарь местного отделения Христианско-демократической партии, назначат уполномоченным префекта… В конце концов он будет и мэром, и уполномоченным одновременно, а вам придется ему платить».

Крестьянин отвечал, что это все равно обойдется городу дешевле, чем поездки мэра в отпуска и ненужные траты, которые он делает. Спор этот чуть не закончился дракой.

Я даже не говорю о крестьянах из Нино, которым он обещал провести электричество, но ничего не сделал. Теперь они знать не хотят ни про какого мэра и говорят, что не будут больше ни за кого голосовать, потому что все они [политики] думают только о себе.

Про нового мэра пока сказать особенно нечего — слишком мало еще времени прошло. Одно только знаю точно: советники Вива и Лассо добились, чтобы на зиму были организованы общественные работы — они уже начались, — которые продолжатся два месяца. Для них каждый день понадобится сорок человек, которые будут ремонтировать дорогу и городские стены.

Что про все это думают господа, разумеется, неизвестно. Они скрытные и при нас не болтают.

***

В связи с этими наблюдениями за политическим поведением жителей Монтеграно возникает некоторое количество вопросов.

По какой причине они не объединяют усилий для решения насущных местных проблем? Почему, например, ничего не делается, чтобы улучшить ситуацию со школами? Многие из крестьян мечтают, чтобы их дети выбились в люди, поэтому невозможность дать детям образование сильно омрачает им жизнь. Представителям высших слоев она также доставляет неудобства — многие из них хотели бы постоянно жить в Монтеграно, но вынуждены уезжать, так как содержание детей в пансионе обходится слишком дорого. Казалось бы, проблема школьного образования должна стать для жителей коммуны вопросом первоочередной важности, ради решения которого они объединятся в политические партии или предпримут что-то еще в том же роде. В случае если не выйдет добиться от властей постройки средней школы, добровольцы из образованных слоев могли бы преподавать детям дополнительный год или два. Или, в качестве более скромной меры, можно было бы изменить расписание автобуса, чтобы дети из Монтеграно могли ездить в среднюю школу в соседний Бассо. Но ни одна из этих возможностей здесь никогда не рассматривалась.

До ближайшей больницы в Потенце — пять часов на автомобиле. Жители Монтеграно много лет жалуются, что власти никак не построят больницу у них в коммуне. Врач и еще два-три местных жителя писали в Рим, настаивая, что городку необходима больница, но больше для ее появления не делалось и не делается ничего. Никто из кандидатов на муниципальные должности не поднимает «больничный вопрос» в ходе предвыборной кампании, никто не пытается организовать скоординированное давление на власть. Не заходит разговора и о посильных для коммуны временных мерах — о том, например, чтобы оборудовать карету скорой помощи, которая доставляла бы экстренных пациентов из Монтеграно и окрестных городков в больницу в Потенце.

Можно было бы привести еще массу примеров того, как жители Монтеграно ничего не предпринимают для решения насущных проблем, которые в некоторых других странах заставили бы людей сплотиться для совместных действий[4].

Вопрос, почему люди ничего не предпринимают, влечет за собой еще ряд вопросов. Почему политические партии настолько безразличны к местным проблемам? Почему в Монтеграно нет «политической машины» или хотя бы одной устойчивой и дееспособной партийной организации? Чем объясняется, что в очень похожих, на первый взгляд, городах так по-разному распределяются симпатии к левым, центристским и правым партиям? Чем объясняется изменчивость поведения электората от выборов к выборам? Почему, едва заняв выборный пост, должностное лицо теряет доверие сторонников?

Оставшаяся часть книги посвящена поиску ответов на эти конкретные вопросы и, что важнее, на более общий вопрос: в чем причина политической несостоятельности этой коммуны?

---

[4] См., например, рассказ Лоренса Уайли о том, как боролись за доступность школьного образования жители коммуны на юге Франции: *Wylie L.* Village in the Vaucluse. Cambride, MA: Harvard University Press, 1957. P. 223–227.

Глава 2

Готовые ответы

В Монтеграно и вообще в Италии на вопросы, заданные в конце предыдущей главы, обычно дают шесть ответов, каждый из которых по своему очень привлекателен с точки зрения здравого смысла.

1. Большинство жителей Монтеграно страшно бедны. Многие не едят ничего, кроме хлеба, да и того не вдоволь. Даже состоятельные обыватели — бедняки по американским меркам. Городок не может позволить себе ни газеты, ни событий, о которых газета могла бы сообщать. Крестьянин на заре отправляется в поле и возвращается домой уже затемно. Когда крестьянин идет на работу мимо кузницы, кузнец уже должен быть на месте. В настолько бедном обществе на политическую жизнь не остается времени.

2. Крестьянин невежественен, как его осел, а ремесленник едва ли образованнее. Каждый третий мужчина в Монтеграно и две из трех женщин не умеют ни читать, ни писать. Некоторые крестьяне никогда не бывали дальше соседнего городка, до которого от Монтеграно четыре мили. Столь невежественный народ не может иметь понятия о том, чего можно добиться политическими средствами, и не способен осмысленно выбирать между партиями и кандидатами. Крестьяне, пишет Карло Леви, «не были фашистами, как не были бы либералами или социалистами

или кем-нибудь еще, потому что эти дела их не касались, они принадлежали к другому миру и не признавали всего этого. Что им было за дело до правительства, до власти, до государства? Государство, какое бы оно ни было, это „те из Рима“»[1].

3. Политическое поведение отражает классовые интересы и противоречия. Верхи не спешат вести коммуну к прогрессу, поскольку живут за счет эксплуатации крестьян, возможной лишь при условии, что те пребывают в нищете и невежестве[2]. Низшие классы ненавидят высшие и горят желанием поквитаться с ними. Сотрудничество между классами невозможно, притом что без него всякое начинание обречено.

4. Трудящиеся, у которых есть свой, сколь угодно маленький участок земли, стоят за сохранение статус-кво. Те же, кто землей не владеет и потому зависит от крупных работодателей, делают ставку на коллективное действие, единственный реальный проводник которого — Коммунистическая партия. Так, крестьяне Монтеграно, в большинстве своем мелкие землевладельцы, консервативны или политически индифферентны, а крестьяне из окрестностей Бассо, почти поголовно работающие по найму в крупных хозяйствах, поддерживают коммунистов. Таким образом, различия в политическом поведении объясняются особенностями системы землепользования в той или иной местности.

---

[1] *Levi C.* Christ Stopped at Eboli. Harmondsworth, Middlesex, England; New York, N.Y.: Penguin Books, 1982. P. 52 [*Леви К.* Христос остановился в Эболи: Очерки. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. С. 72].

[2] По словам Карло Леви, «настоящий враг, отнимающий всякую свободу и всякую возможность существования для крестьян, — это мелкая буржуазия деревень, морально и физически выродившийся класс, неспособный выполнять свои функции и живущий только мелким грабежом и вырождающимся традиционным феодальным правом. Пока этот класс не будет подавлен и заменен, нечего и думать о решении южной проблемы» (Ibid. P. 176 [Там же. С. 216]). Следует помнить, что наблюдения Леви сделаны во время ссылки, куда его отправили в 1935 году, и что его книга, прекрасно известная высшему классу Монтеграно и других южноитальянских городов, явно произвела на читателей немалое впечатление. Во всяком случае, в 1955 году любопытно было слышать, как ее сочувственно цитируют представители городской верхушки, правда, имея в виду скорее не свой родной город, а другие и особенно в период правления фашистов.

5. За века угнетения у крестьянина выработалось патологическое недоверие к государству и вообще к любой власти. «Для крестьян, — пишет Карло Леви, — государство гораздо дальше, чем небо, и гораздо вреднее, потому что оно против них»[3].

6. Житель итальянского Юга — мрачный фаталист. Он считает, что положение его безнадежно и ему лишь остается терпеливо и безропотно дожидаться новых несчастий[4].

Все эти объяснения очевидным образом предполагают необходимые действия. Если политическая несостоятельность южных коммун объясняется нищетой, значит с ростом доходов повысится и их политическая состоятельность. Если ее причина в невежестве, значит политическая состоятельность вырастет вместе с улучшением доступа к образованию. Если все дело в патологическом недоверии к государству, то его может переломить последовательное развитие системы государственного социального обеспечения. Решением проблемы могло бы стать и предлагаемое Карло Леви подавление и замена класса «сельской буржуазии» или масштабные начинания (вроде *La Cassa per il Mezzogiorno*, «Кассы Юга», государственного фонда развития южных областей), которые убедили бы южан, что их положение не так уж безнадежно, а также, вероятно, некая комбинация одного и другого.

Каждое из приведенных объяснений в чем-то справедливо, но ни одно из них полностью не соответствует фактам и ни одно из них — равно как и все они вместе — не позволяет спрогнозировать, как жители Монтеграно поведут себя в той или иной ситуации.

Крестьянин, действительно, ужасающе беден, но нищета никоим образом не мешала бы ему два или три дня в месяц поработать на благо коммуны, например помочь в ремонте сиротского приюта. Нищетой он оправдывает неделание того, чего бы так и так

---

[3] Ibid. P. 52 [Там же. С. 73].

[4] Ibid. P. 129 [Там же. С. 162].

делать не стал. Крестьянин печально объясняет, что не ходит по воскресеньям к мессе, потому что на заре ему надо быть в поле. Но все его поле — жалкий клочок засеянной пшеницей земли, на котором кроме трех недель в году делать нечего. Практически любой житель Монтеграно мог бы без ущерба для заработка посвящать треть своего времени общественным проектам.

Сходным образом, политическая неискушенность крестьянина не объясняется одним лишь невежеством. Из сорока двух крестьян, которым был задан вопрос, за что *на словах* ратуют коммунисты, только у одного не было собственного мнения на этот счет. Большинство же отвечали вполне вразумительно. Двадцать шесть человек сказали, что коммунисты выступают за равенство; остальные ответы — «за мир, свободу и труд», «чтобы у всех была работа», «против церкви», «чтобы отобрать все у богатых» и так далее — тоже показали, что крестьяне, по большей части, понимают, о чем идет речь. Некоторые — как, например, крестьянин по фамилии Прато, — даже пускались в рассуждения:

> *Они говорят, что разделят всю собственность так, чтобы досталось каждому? Но что они собираются делить в Монтеграно? Если землю, то только ту, что принадлежит барону. А она у него вся разбита на арендаторские хозяйства. Они большие, и их, наверно, можно было бы поделить. Но надо учесть, что с каждого такого хозяйства кормится с десяток семей — это круглый год. А еще прибавить поденщиков, которых в сезон нанимают арендаторы. Кто поручится, что, если землю поделить, всем будет лучше? Кто поручится, что она будет лучше возделываться и прокормит больше народу?*

Большинство крестьян одобряют идею социального равенства. Но они не настолько простодушны, чтобы принимать декларации коммунистов за чистую монету. Четырнадцать из них, отвечая на вопрос о заявляемых коммунистами целях, уточняли: одно дело, что те говорят, и другое — чего в действительности добиваются. Коммунисты, по мнению этих крестьян, используют рассуждения о равенстве, чтобы самим прийти к власти:

Они якобы хотят, чтобы мы все были равны и для этого собираются установить равенство по всей Италии. Но понятно же, что до нас им дела нет, и на самом деле они заботятся о каких-то своих интересах и хотят всем распоряжаться.

Очевидно, что метания избирателей от коммунистов к их противникам и обратно неправильно объяснять тем, что крестьяне будто бы не представляют последствий победы Коммунистической партии. Крестьяне и тем более ремесленники вполне себе их представляют — не хуже, а, возможно, и лучше, чем американский рабочий класс. «Италия, — заметил один из ремесленников, — слишком бедна, чтобы позволить себе роскошь коммунизма».

В истории американского фронтира немало примеров того, как люди не менее, а то и более бедные и невежественные, чем жители Монтеграно, проявляли редкостную способность к самоорганизации и взаимовыручке. Так, например, сто лет назад на месте упомянутого в начале первой главы городка Сент-Джордж была лишь песчано-каменистая пустыня, где жила горстка убогих индейцев, питавшихся грызунами. При всей бедности природных ресурсов итальянского Юга они гораздо богаче тех, что на месте будущего поселения обнаружили мормоны. Но так сложилось, что еженедельная газета в Сент-Джордже, как и во многих других поселениях на линии фронтира, издавалась еще в те времена, когда вся его экономика сводилась к кустарным ремеслам и натуральному сельскому хозяйству, а большинство жителей еле-еле по слогам разбирали напечатанные в ней заметки.

Если бы крестьяне Монтеграно испытывали некую мистическую или сентиментальную привязанность к земле, если бы они жили «в своем особом мире», не видя ничего за его пределами и не желая этот свой мир покидать, их правильнее было бы сравнивать с индейцами, а не с первопроходцами Дикого Запада. Но они, за малым исключением, ненавидят землю, полностью отдают себе отчет в существовании большого человеческого общества и отчаянно хотят быть его частью.

Классовый антагонизм также не объясняет политического поведения жителей Монтеграно. В противном случае следовало бы ожидать, что крестьяне предпримут какие-то совместные действия против высшего класса. Но ничего подобного нет и, видимо, не намечается. Тем не менее отношения между классами и стратами неявным, непрямым, трудно уловимым образом глубоко влияют на состояние общества. Точно так же как нищета и невежество, они задают, так сказать, общие условия формирования причинного фона.

Патологического недоверия к государству крестьяне Монтеграно не питают — оно у них, скорее, «нормальное» и «здоровое». На вопрос: «Что за люди сейчас во власти?» крестьяне обычно отвечают: «Да разные». Вот для примера несколько показательных ответов:

> *Вы про палату депутатов? Там большинство у христианских демократов. Христианские демократы получше других будут — они не только о себе думают… пытаются помочь людям. А остальным только бы своего не упустить.*

> *Вы имеете в виду военных, генералов там всяких, и папу с его кардиналами? Среди них и хорошие люди есть, и плохие.*

> *Главный в правительстве сейчас Пелла. И правильно — Пелла умный. Не был бы умным, его бы не сделали главой правительства. На этом месте всегда только очень умные сидят.*

Иногда крестьянин готов искать помощи у государства. Восемнадцати из них был задан вопрос, что они будут делать, если некто одолжит у них 3 или 4 доллара и откажется отдавать. Все, кроме пятерых, сказали, что отведут должника к начальнику карабинеров. Остальные не стали бы обращаться к правосудию, но не по причине патологического недоверия к государству, а из-за нежелания наживать врагов.

На вопрос, что бы они сделали, узнав, что соседи прячут больного, от которого все могут заразиться опасным заболеванием, двенадцать крестьян ответили, что сообщат врачу (он же — местный санитарный инспектор). Восемь человек не стали бы ничего предпринимать — но опять же не оттого, что патологически не доверяют государству, а потому, что не хотят «унижать» семью больного и совершать поступок, который соседи будут им долго припоминать[5].

Четырнадцати крестьянам (в том числе нескольким женщинам) был задан вопрос: «Что бы вы сделали, если бы увидели, что полицейский избивает человека, который не совершил ничего плохого?» Ответы были такими:

— Попытался бы объяснить полицейскому, что он не прав (четыре ответа)
— Пожаловался бы начальнику карабинеров (три ответа)
— Ничего, потому что представителю закона перечить нельзя (три ответа)
— Врезал бы ему пару раз (четыре ответа)

Страх перед властями не является специфической крестьянской чертой: многие из крестьян их совсем не боятся, тогда как некоторые представители других социальных групп боятся, и еще как. Один из самых высокообразованных жителей Монтеграно, коммунист — директор школьного округа, на вопрос про полицейского, избивающего невинного, ответил, что вмешался бы, только если бы жертвой оказался его друг или родственник. Полицейские, объяснил он, могут отомстить любому, кто вздумает им мешать.

---

5 На вопрос: «Что бы вы сделали, если бы узнали, что кто-то собирается покончить с собой?» большинство ответили, что постараются его отговорить; несколько человек сообщили бы об этом семье потенциального самоубийцы, считанные единицы обратились бы к полиции или к врачу. Священника никто из крестьян не упомянул.

Многие крестьяне видят в государстве друга: по их словам, если они когда-то и получали помощь, то только от него.

Версия, что действовать жителям итальянского юга не дает их мрачный фатализм, не объясняет, почему, все-таки решив что-то предпринять, они поступают так, а не иначе. Не согласуется она и с тем, что при необходимости индивидуального поступка никакие отчаяние и фатализм не мешают крестьянину его совершить. К примеру, многие крестьяне Монтеграно стараются ограничить рост своего семейства, чтобы их дети получили лучшее образование и имели больше возможностей продвинуться вверх по социальной лестнице. Так ведет себя человек, уверенный, что может в важнейших для себя вопросах воздействовать на ход событий. Есть все основания полагать, что пессимизм южан распространяется только на коллективные, а не на индивидуальные действия; южный крестьянин, в таком случае, скорее реалист, чем фаталист.

Электорального поведения жителей Монтеграно приведенные в начале главы версии тоже не объясняют. Часто приходится слышать, что за коммунистов больше голосуют там, где выше демографическая нагрузка на природные ресурсы (то есть где безысходней и распространенней хроническая нищета), ниже уровень образования (в особенности там, где больше неграмотных) и больше процент безземельных работников. Но, судя по данным о Монтеграно и окрестностях, эти факторы никак не сказываются на числе голосующих за коммунистов. Как мы видим в таблице 2, неграмотность выше всего в коммуне, где коммунисты в 1953 году получили меньше всего голосов; там, где популярнее всего коммунисты, плотность населения лишь незначительно выше средней; а доля наемных сельскохозяйственных работников наиболее высока в самых консервативных коммунах.

Надо также отметить, что версии, о которых идет речь, не объясняют метаний избирателей от левых к правым и обратно, и могут даже оказаться несовместимыми с наблюдаемыми фактами. Так, например, в Аддо на одних выборах большинство избирателей проголосовало за христианских демократов, на

следующих — за коммунистов, а потом снова за христианских демократов; при этом, разумеется, в промежутках между выборами уровень благосостояния и грамотности, а также система землепользования в коммуне не менялись.

Таблица 2. [Избиратели Монтеграно и окрестностей, 1953, %]

	Голосование за левых [a]	**Доля неграмотных среди мужчин** [b]	**Плотность населения** [c]	**Безземельные работники** [d]
Монтеграно	*23*	*31*	*48*	*36*
Аддо	*46*	*37*	*55*	*44*
Бассо	*45*	*31*	*73*	*50*
C	*26*	*31*	*49*	*50*
D	*25*	*22*	*42*	*31*
E	*22*	*31*	*31*	*31*
F	*19*	*22*	*47*	*30*
G	*16*	*34*	*57*	*66*
H	*8*	*37*	*44*	*34*
I	*7*	*31*	*45*	*34*
J	*2*	*45*	*24*	*64*

Примечания: a) за коммунистов и социалистов в 1953 году; b) старше шести лет; c) человек на квадратный километр; d) семьи, в которых глава официально числится сельскохозяйственным работником.

Два фактора — бедность и классовый антагонизм — хотя сами по себе и не объясняют политической несостоятельности жителей Монтеграно, важны в качестве исходных условий ее формирования и потому заслуживают подробного рассмотрения. Этому и будут посвящены две следующие главы. Затем мы предложим свое альтернативное объяснение.

Глава 3

Экономика

Монтеграно — один из беднейших уголков западного мира. Это обстоятельство, хотя и не объясняет политическую несостоятельность жителей коммуны, имеет к ней самое непосредственное отношение.

Земля в Монтеграно — это в основном крутые, каменистые, безводные склоны. Она подходит для засева пшеницей с низкой густотой стояния, которую сеют в ноябре и убирают в июне, а также для скудных естественных пастбищ, олив, смоковниц и дубовых рощ. Кое-где источники и ручьи позволяют орошать возделанные участки на склонах холмов. Сколько-то орошаемой земли есть по берегам рек, но непостоянный характер течения — весной реки превращаются в бурные потоки, а летом почти пересыхают — мешает развитию ирригации. Несмотря на малую площадь и низкую продуктивность, поля и рощи — главный источник доходов для Монтеграно. Ни добычи полезных ископаемых, ни сколько-нибудь значительного производства в этой местности нет.

Климат здесь мягкий. Средняя температура января-февраля — около нуля, июля-августа — около тридцати градусов. За год выпадает приблизительно 35 дюймов осадков, большая их часть приходится на декабрь и январь.

Уединенное даже по меркам итальянского юга расположение не способствует процветанию Монтеграно. До ближайшей железнодорожной станции отсюда 40 миль. До Потенцы, административного центра провинции, — 90 миль, а оттуда еще 90 до Бари, города на восточном побережье. Дороги в округе узкие, извилистые, с постоянными крутыми спусками и подъемами. Путь до Потенцы на малолитражном итальянском автомобиле занимает от четырех до пяти часов.

Автобусы останавливаются в Монтеграно четыре раза в день (два раза, проезжая в одном направлении, и два — в обратном) шесть дней в неделю, кроме воскресенья. Они привозят почту, газеты и небольшие партии товаров. До Неаполя автобус идет восемь часов, билет стоит 2 доллара 75 центов.

В Монтеграно пять автомобилей, все они используются в качестве такси; с пассажиров берут от девяти до двенадцати центов за милю в зависимости от расстояния. Для личных нужд никто в коммуне автомобилей не держит.

Время от времени в Монтеграно заезжают грузовики с товарами, удобрениями, строительными материалами, дровам и картофелем. Из посторонних коммуну изредка посещают чиновники, совершающие инспекционные поездки, и жители Потенцы, Бари, Неаполя и Салерно, которые приезжают проведать родных. Случайных туристов в Монтеграно не бывает, появление незнакомой машины — событие, вызывающее всеобщий интерес.

В почтовом отделении работает телеграф, а в здании мэрии установлен таксофон; других телефонных аппаратов в городе нет. В 1955 году радиоприемники были в двух барах и в сорока или пятидесяти домах. В кинозале на сотню мест каждый вечер показывали итальянские и, реже, иностранные фильмы на 16-миллиметровой пленке; билет стоил 16 центов на хорошие места и 10 — на все остальные. Сейчас строится кинотеатр, рассчитанный на демонстрацию фильмов в 35-миллиметровом формате, а радиоприемников с каждым месяцем становится на несколько штук больше.

При нормальном течении жизни (то есть исключая пертурбации военного времени) большинство жителей Монтеграно почти или совсем не контактируют с миром за пределами коммуны. Кроме считанных представителей «высшего класса», большинство из них не пользуются ни автомобильными дорогами, ни какими-то другими средствами коммуникации. Они не ездят на автобусе. Не читают газет. Не ходят в кино. Не слушают радио в барах. Не шлют телеграмм, не звонят по телефону и почти не пишут писем. Многие не всегда могут позволить себе купить почтовую марку, а две трети фактически не умеют читать и писать.

Путешествуют крестьяне из Монтеграно исключительно пешком, ведя в поводу осла с навьюченными на спину большими корзинами. Передвигаются они не по дорогам, рассчитанным на автомобили и потому бесконечно петляющим, чтобы избежать крутых уклонов, а по горным тропам. Повозки никто не использует: проложенные напрямик тропы гораздо удобнее, так как сильно сокращают путь, да и возить на повозках крестьянам особенно нечего. В связи с этим путешествуют они не дальше соседних городков. Многие в жизни не бывали нигде, кроме ближайшей округи, а некоторые женщины и вовсе не покидали пределов Монтеграно.

Жители Монтеграно часто находят себе жен и мужей в соседних коммунах. (В последние годы в Монтеграно заключено 77 браков, причем 7 невест и 26 женихов были пришлыми; все 7 невест и 15 из 26 женихов — уроженцы селений, расположенных в пешей доступности от Монтеграно, и только 2 жениха приехали из самой Потенцы.) Соответственно, у многих местных жителей всегда есть повод сходить в соседний городок — проведать родственников или присмотреть за своим имуществом.

Летом в каждой коммуне проходят двух- или трехдневные ярмарки, приуроченные к *festa* — празднику в честь ее небесного покровителя. На ярмарку сходятся жители пяти-шести селений, расположенных достаточно близко, чтобы оттуда не слишком утомительно было пригнать свинью. Цыгане и другие

торговцы домашним скотом, а также торговцы, продающие с машин мануфактуру, кухонную утварь и прочие хозяйственные товары, приезжают на ярмарки издалека и все лето кочуют с одной на другую.

***

За исключением двух десятков цыганских семей, живущих торговлей скотом, по роду деятельности все население Монтеграно делится на семь групп.

1. *Сельскохозяйственные работники.* Около четверти глав семейств — сельскохозяйственные работники, нанимающиеся обрабатывать поля и, при случае, на общественные работы. Подавляющее большинство таких семей живет в городке, в собственных домах из одной или двух комнат. Половина владеет небольшими земельными наделами площадью в среднем по 3 акра. У многих есть ослы.

2. *Сельские хозяева.* Перепись населения относит к сельским хозяевам крестьян, получающих более половины дохода с собственной или арендуемой земли[1]. Если использовать такой критерий (не слишком подходящий к условиям Монтеграно, где многие владеют клочком земли и поневоле являются «хозяевами», когда не могут найти другой, оплачиваемой работы), они оказываются самой большой профессиональной группой, включающей почти половину населения коммуны.

Только четверть таких крестьян живут в городке, остальные — при собственных хозяйствах в окрестностях. Земли

[1] В сельской местности анкеты заполняет переписчик. Он может либо спросить главу семьи, кем тот хочет записаться — сельским хозяином или работником, — либо заполнить этот пункт по своему усмотрению. В пограничных случаях семья относится к «хозяевам» или «работникам» из соображений не столько экономического, сколько социального статуса (то есть от того, насколько она «уважаемая»); при этом невозможно установить, чье мнение — переписчика или переписываемого — отражено в анкете.

у последних в среднем заметно больше, чем у первых (17 акров против 5); собственно, «городские» крестьяне потому и не живут при своих хозяйствах, что они слишком маленькие. Если «деревенские» владеют более крупными участками и живут зажиточнее, то у «городских» современнее налажен домашний быт и выше уровень образования.

3. *Ремесленники.* В Монтеграно несколько мужских и дамских портных, сапожников, плотников, кузнецов, строителей, пекарей, электриков и парикмахеров, а также один мебельщик, один жестянщик и один часовщик. Ремесленниками числятся главы 76 семей, составляющих чуть меньше 10 процентов населения. Большинство ремесленников работают самостоятельно, лишь у нескольких есть подмастерья или помощники. Приблизительно две трети из них владеют небольшими участками земли. В целом образование и уровень жизни у ремесленников выше, чем у крестьян.

4. *Коммерсанты.* Несколько магазинов предлагают смешанный ассортимент — в основном продукты (макароны и спагетти, хлеб, сыр, консервы, колбасы и копчения), одежду, текстиль, сельскохозяйственный инвентарь и товары для дома. Кроме того, в Монтеграно есть магазин электротоваров, два бара, магазин тканей, печатная мастерская, три мясные лавки и кинотеатр. Большинство коммерсантов — мелкие землевладельцы. В среднем они несколько состоятельнее ремесленников. Двое коммерсантов даже сравнительно богаты: люди способные и энергичные, они нажили капитал при фашистах (во всем Монтеграно только у них имелась лицензия на торговлю табаком, что позже дало им фору на черном рынке), а затем грамотно его вложили.

5. *Служащие.* В Монтеграно базируются чиновники образовательного, налогового и полицейского управлений округа, включающего в себя 17 коммун. Поэтому их здесь необычно много для этих мест: 45 семей, или около пяти процентов на-

селения. Приблизительно каждый третий служащий владеет землей. Среди тех, у кого земли нет, много приезжих, которые не планируют навсегда остаться в Монтеграно. Несмотря на высокий социальный статус, служащие на низкооплачиваемых должностях зарабатывают гораздо меньше наиболее успешных крестьян-собственников, ремесленников и коммерсантов.

6. *Специалисты.* 10 семей возглавляют представители интеллектуальных профессий: врач, аптекарь, два священника, адвокат, директор школьного округа и четверо учителей. Большинство из них владеет небольшими участками земли.

7. *Землевладельцы.* 10 человек в материалах переписи значатся землевладельцами. Некоторым из них принадлежат скромные двадцать-тридцать акров, но два или три поколения назад их семьи владели обширными угодьями, а сами они умудряются неплохо жить, не занимаясь физическим трудом. Принадлежность к землевладельцам — это в большей степени вопрос социального, а не имущественного статуса.

Крупнейший из местных землевладельцев — барон ди Лонго, дипломат, время от времени наведывающийся из Рима собрать плату с арендаторов и проинспектировать положение дел в своих владениях. Барону принадлежат 18 хозяйств, все они сданы в аренду. Их общая площадь — 855 акров, что составляет 15 процентов всей обрабатываемой земли в Монтеграно.

***

Сельское и лесное хозяйство — главные источники дохода жителей Монтеграно. Около 80 процентов крестьян-собственников имеют менее 15 акров земли[2]. Они обычно ведут натуральное хозяйство — на продажу практически ничего не выращивают. У двух-трех продавцов, летом по утрам торгующих сельско-

---

[2] Подробнее о землепользовании и размерах хозяйств см. Приложение А, таблицы 3–5.

хозяйственной продукцией на главной площади Монтеграно, товар в основном привозной, доставленный на ослах из Бассо, где менее гористый рельеф и бóльшие площади орошаемых земель позволяют выращивать овощи и фрукты на продажу. В Монтеграно почти весь урожай овощей и фруктов крестьяне потребляют сами или используют для обмена с соседями.

На все множество таких мелких хозяйств, обеспечивающих (или не обеспечивающих) только собственные нужды, в коммуне приходится меньше обрабатываемой земли, чем на 93 хозяйства, чьи размеры (15 акров и больше) позволяют отнести их к коммерческим.

Крестьяне-собственники используют простую, известную с древности схему севооборота: вся земля делится пополам и каждая половина поочередно засевается то пшеницей, то бобовыми, которые идут на корм скоту. Таким образом, в типичном мелком хозяйстве с 12 акрами земли ежегодно на 6 акрах выращивается пшеница, дающая в среднем 7–10 бушелей зерна с акра[3]. Многим хозяевам химические удобрения не по карману, другие используют их в малых количествах. Как правило, в мелком хозяйстве имеется несколько фиговых деревьев, полностью удовлетворяющих потребность семьи в свежих и сушеных фигах. Если позволяет рельеф, крестьяне высаживают несколько олив; они плодоносят раз в два года. Также на участке обычно растут несколько больших дубов. Глава семейства рубит их нижние ветви и скармливает листву волам и козам, его жена и дети собирают хворост на дрова, а желуди — на корм свинье. Если повезло и неподалеку протекает ручей, хозяин может поливать землю и выращивать к своему столу овощи, чаще всего перец, фасоль, репчатый лук, помидоры (иногда они могут расти и без полива), кукурузу и зелень.

---

[3] В Северной Дакоте в годы, когда выпадает около тринадцати дюймов осадков, средняя урожайность пшеницы — 12 бушелей с акра; при более обильных осадках с акра собирают до 25 бушелей.

Землю обычно пашут на глубину шесть дюймов стальным плугом, запряженным волами. Если участок совсем маленький, а у хозяина не получается найти оплачиваемую работу, он, экономя деньги за счет своего (и членов своей семьи) вынужденно свободного времени, может вскопать поле мотыгами. Убирают урожай вручную, серпами: на маленьких неровных участках жать комбайнами невозможно. Кое-где пшеницу все еще молотят по старинке: гоняют по снопам волов, а затем отделяют зерно от мякины, подбрасывая его лопатами в воздух, но большинство хозяев отвозят урожай на механическую молотилку и платят за обмолот.

В обычный год такое мелкое хозяйство дает продукции приблизительно на 325 долларов[4].

Большинство подобных хозяйств — это не один участок, а от двух до четырех, разбросанных на разной высоте по склону горы, а иногда и на разных ее сторонах. Переходы между участками отнимают много времени и сил, но большинство хозяев считает, что лучше, когда участков хотя бы два — это снижает опасность гибели урожая; так, если град побьет посевы на одном склоне, то на другом они уцелеют. Кроме того, если у хозяина два участка, выше вероятность, что рядом с одним из них окажется источник воды для полива. Названные преимущества ни в коем случае не оправдывают настолько распространенное разделение земли на мелкие, разрозненные участки; оно сложилось в основном в результате применения наследственного права и воспринимается крестьянами как неизбежное зло.

Коммерческие хозяйства — то есть те, что занимают больше 15 акров, — поставляют на местные рынки некоторое количество оливкового масла и вина. В большинстве таких хозяйств есть козы и овцы, но коровы — только в одном. Во всех имеется по нескольку кур или индеек, но на птицеводстве ни одно не специализируется. Почти все без исключения владельцы ком-

---

[4] Из расчета 64 бушеля пшеницы по 3,5 доллара за бушель (225 долларов); еще 100 долларов — стоимость всей остальной продукции.

мерческих хозяйств используют химические удобрения и применяют двухлетний севооборот, чередуя пшеницу с бобовыми.

Поскольку ручной труд считается унизительным, те землевладельцы, которым это не грозит голодом, нанимают для работы на своем участке других людей. Так что почти во всех хозяйствах, достаточно больших, чтобы производить продукцию на продажу, землю возделывают или наемные работники (salariati), или — гораздо чаще — издольщики (mezzadri). Владелец с издольщиком обговаривают, какие культуры сажать и как в целом организовать работу хозяйства. Издольщик решает все повседневные хозяйственные вопросы и выполняет все работы, обеспечивая при этом половину удобрений, семян, скота и сельхозинвентаря. Вся продукция хозяйства — за исключением огородных овощей, которые чаще целиком предназначаются владельцу земли, — делится поровну. Обычно издольщик заключает с владельцем хозяйства письменный двухлетний договор. Работая в крупном хозяйстве, он может зарабатывать больше, чем имел бы в качестве владельца мелкого. Часто, однако, на условиях издольщины арендуется хозяйство, способное прокормить одну-единственную семью; в таком случае хозяйская половина продукции дополняет доходы, получаемые землевладельцем из других источников, а издольщику приходится как-то обходиться только своей половиной.

Кроме отдельных государственных учреждений, выдающих крестьянам (но только тем из них, у кого больше семи с половиной акров земли!) кредиты на приобретение удобрений и прочих материалов, других источников коммерческого кредитования у них нет. Ближайший банк (отделение Banco di Napoli) расположен в Бассо, но в Монтеграно он дел не ведет. Местные коммерсанты могут выдать полугодовой кредит на удобрения под 10 процентов. Двое или трое наиболее состоятельных из них время от времени одалживают крестьянам суммы в пределах 100 долларов — это делается «из дружеского отношения» к любимым клиентам. При этом заимодавцы не требуют залога и берут два с половиной процента годовых,

столько же, сколько выплачивается при помещении денег на почтово-сберегательные счета.

***

Сельскохозяйственный работник Карло Прато, вполне зажиточный для своего рода занятий, на протяжении 1955 года записывал все семейные доходы и расходы[5]. Ему принадлежит неровный участок неплодородной земли площадью два с половиной акра, с которого он собирает 10 бушелей пшеницы. Кроме того, на арендованном орошаемом огороде Прато выращивает фасоль, перец, томаты и зелень, которых его семье хватает на пять месяцев. В среднем в пользовании сельскохозяйственных работников, владеющих землей, находятся примерно такие участки. При этом приблизительно у половины работников своей земли нет. Семья Прато держит осла и свинью — так же как и восемь из десяти семей сельскохозяйственных работников. Семья находится на той стадии — Карло Прато 43 года, его жене 36, их дочери Марии 16, а сыну Пеппино 14, — когда никто из ее членов не слишком мал и не слишком стар, чтобы работать; поэтому доходы ее сейчас выше, чем были когда-либо в прошлом и, скорее всего, чем будут впредь.

За год Прато работал по найму 180 дней и заработал 114 долларов наличными и 90 долларов натурой, в основном в виде бесплатного питания на работе. Его заработок составлял 60 процентов семейного дохода. Синьора Прато работала очень мало — отчасти по причине нездоровья, а отчасти потому, что для нее не было работы. Пеппино время от времени работал помощником каменщика — это приносило 65 центов в день, но на работе его не кормили. Дочь Карло, Мария, по мере возможности подрабатывала служанкой, получая за 10- или 12-часовой рабочий день 33 цента и трехразовое питание[6].

---

[5] Данные его записей приведены в таблицах 6 и 7 Приложения А.

[6] Столько платят взрослым служанкам. Часто для работы по дому нанимают девочек лет двенадцати, которые живут в семье и всегда готовы выполнить хозяйское

Прато далеко не всегда знал, будет ли у него работа через неделю, но в целом ему везло. В декабре и январе он давил оливковое масло в хозяйстве крупного землевладельца в одной из соседних коммун. Живя вместе с другими работниками при маслобойне и работая с двух ночи до девяти вечера, он получал трехразовое питание, 25 центов и пол-литра масла (стоимостью 35 центов) за каждый день. Когда эта работа закончилась, он какое-то время просидел без дела. Затем подошла его очередь быть нанятым на общественные работы, и Прато определили в команду, занятую починкой дороги. Там он получал один доллар и бесплатный обед за семичасовой рабочий день, но путь на работу занимал у него три часа, а с работы домой — два (дорога обратно лежала под гору). На конец июня и весь июль, когда в Монтеграно убирают пшеницу, Прато за хорошую плату — доллар в день плюс плотные завтрак, обед и ужин — нанимался к нескольким местным землевладельцам. Следующие три месяца работы у него практически не было, и он проводил время, ковыряясь на своем клочке земли.

Имей он такую возможность, Прато работал бы по найму каждый день, кроме праздников. То же самое относится к Марии и Пеппино. Синьора Прато, несмотря на слабое здоровье, без труда управлялась бы с делами по дому и на принадлежащем семье крошечном участке. Таким образом получается, что семья Прато была безработной на 60 процентов.

Прато живут в собственном доме с одной комнатой. (Жилье — непременная часть приданого, поэтому у большинства семей сельскохозяйственных работников есть свой дом, из них около половины однокомнатные, а половина — двухкомнатные. Такой дом, как у Прато, можно снять за 4 доллара в месяц.) Четвертую часть комнаты занимает громадная «супружеская» кровать: матрас набит кукурузной шелухой, на нем расстелено искусно вышитое покрывало и лежат четыре огромные белые

поручение. Им платят 4,84 доллара в месяц наличными и изредка «дарят» что-нибудь из одежды.

подушки. Рядом с кроватью — койка Пеппино. (Мария ночует у бабушки, через два дома на той же улице.) Из остальной мебели — несколько стульев, стол и два похожих на гроб сундука, один для зерна, другой для «полотна» (на деле в нем хранятся хлопчатобумажные постельные принадлежности). На зиму под потолок подвешивают сушеные помидоры и перцы, вяленые дыни и колбасы. Остальное мясо после забоя свиньи, в основном в виде колбас и сосисок, хранится в глиняных кувшинах, залитое растопленным свиным жиром или рассолом. Сеток на окнах и двери нет, поэтому, несмотря на то что Монтеграно раз или два за лето обрабатывают ДДТ, дом кишит мухами.

Воду члены семьи Прато берут из уличной колонки муниципального водопровода, расположенной в двух-трех сотнях футов от их дома. Ничего похожего на туалет у них нет, по нужде они обычно отходят на определенное место в нескольких шагах от двери. (Дом Прато стоит на окраине Монтеграно, а то им пришлось бы ходить дальше — до какого-нибудь укромного проулка, где можно облегчиться, никому не мешая.)

Электричества у них нет. Жилище освещается масляной лампой. Для того чтобы испечь хлеб, синьора Прато жжет в печи хворост, выметает золу и кладет тесто прямо на раскаленные камни. Остальную пищу она готовит на открытом огне очага.

Завтракает Прато около девяти утра, поработав перед этим два или три часа. Его завтрак состоит из большого ломтя хлеба и пригоршни оливок или томатов. В полдень он ест более или менее то же самое. Ужин, который бывает в восемь или девять вечера, — единственная за день трапеза, за которой может собраться вся семья. Вечером на стол подают хлеб, суп из свежей или сушеной фасоли, немного колбасы, если она еще осталась (свинью забивают в декабре, мяса обычно хватает до июня-июля), и фрукты — свежие или сушеные.

Раз в месяц — обычно по праздникам — на столе появляются вино, сыр, рыба или мясо. По семейной приходно-расходной книге видно, сколько Прато тратят за год на продукты, не считая зерна и муки:

Макароны и спагетти (220 фунтов)	*16,85 доллара*
Вино (7 галлонов)	*3,16*
Картофель	*2,00*
Мясо (11 фунтов)	*2,00*
Оливковое масло (2 кварты)	*1,29*
Сахар (7,5 фунта)	*0,59*
Рыба (5 фунтов)	*0,45*
Уксус	*0,35*
Лук	*0,16*

Значительную часть одежды Прато покупают на местной ярмарке у неаполитанцев, которые возят подержанные вещи из США. Даже по меркам Монтеграно одежда стоит недорого: хлопчатобумажное домашнее платье — от 35 до 50 центов, рубашка со слегка потертым воротником — 25 центов, заштопанные на коленях детские джинсы — 50 центов, мужская шерстяная куртка — 2 доллара. Тем не менее одежды Прато не хватает. Притом что зима в Монтеграно сырая и холодная, куртка Карло — единственная теплая вещь на всю семью. Особая проблема — обувь: пара грубых башмаков, сделанных местным сапожником, стоит 5 долларов и носится меньше двух лет.

В Монтеграно девушке без приданого невозможно составить себе приличную партию. Помимо участка земли ценой в 150 долларов и дома в одну комнату, минимальное приданое девушки схожего с Марией Прато социального положения включает «дюжину», четко определенный набор предметов домашнего и личного обихода (12 простыней и так далее) общей стоимостью 375 долларов[7]. Мария помолвлена уже целый год, но за это время смогла купить только пять простыней и два одеяла. Несмотря на помощь родных, на сбор приданого у нее уйдет много лет. Но даже тогда, если будут еще живы родители, своего дома у нее не будет. При условии что у них

[7] Минимальный состав приданого приведен в таблице 8 Приложения А.

хватит денег на аренду, родители могут отдать ей свой дом и переехать в съемный.

Устроить (sistemare) дочерей — главная жизненная забота всех, у кого они есть. На вопрос, что она будет делать, если внезапно разбогатеет, молодая крестьянка, пару недель как вышедшая замуж, ответила, что среди прочего купит второй дом. «Надо думать о будущем, — объяснила она. — О приданом для дочерей».

Даже среди крестьян смертность в Монтеграно невелика (в 1953 году она составила 9,3 умерших на тысячу человек). При этом, однако, крестьяне умирают раньше представителей других общественных групп; относительно высока у них и детская смертность[8].

Крестьяне очень подвержены хроническим заболеваниям: многие доживают до преклонных лет, так и не узнав, что значит хорошо себя чувствовать. Считается само собой разумеющимся, что в семье обязательно кто-то нездоров или частично нетрудоспособен. У всех поголовно в той или иной степени «побаливает печенка» (этим выражением описываются любые неприятные ощущения в области живота); часто встречаются мигрени, ревматизм, зубная боль. Как и в большинстве гористых местностей, куда не проникает морской ветер, в Монтеграно многие, в основном женщины, страдают зобом. Туберкулез и венерические заболевания встречаются редко.

Около 350 семей, официально числящихся бедняками (Прато, к их большому сожалению, в это число не входят), бесплатно получают врачебную помощь и жизненно необходимые лекарства.

По словам санитарного инспектора Монтеграно доктора Франко Джино, не меньше 50 человек в год обращаются к нему с единственной жалобой — на истощение. Эти люди представляют для него трудную проблему. Из-за того, что желудок у них сократился, чувство голода их не мучит. Если колоть им вита-

[8] Некоторые цифры приведены в таблице 9 Приложения А.

мины и назначить диету, включающую молоко, яйца и мясо, они довольно быстро выздоровеют, истощение пройдет. Но вместе с тем желудок вернется к нормальным размерам, и они снова будут способны чувствовать голод. А поскольку обеспечить их постоянным полноценным питанием невозможно, этих людей в скором времени ждет мучительный возврат к полуголодному существованию. Таким больным доктор Джино говорит, что он, к несчастью, ничем им помочь не может.

Сельскохозяйственным работникам вроде Карло Прато, живущим на скудные и ненадежные доходы, постоянно угрожают непредвиденные неприятности, справиться с которыми в их экономическом положении непросто. Из-за болезни или несчастного случая глава семьи может потерять трудоспособность, град может уничтожить урожай зерновых, осел и свинья могут сдохнуть. Даже в отсутствие крупных несчастий, от мелких затруднений все равно никуда не деться. Так, Прато, например, никогда не хватает денег на то, чтобы заплатить налоги или купить обувь.

Кроме тех немногочисленных случаев, когда работник известен всей коммуне как горький пьяница, в затруднительной ситуации он всегда может одолжить небольшую сумму у кого-нибудь из коммерсантов или ремесленников. Такого рода ссуды не предусматривают процентов и выдаются на срок от нескольких недель до нескольких месяцев. Прато обычно должен разным коммерсантам около 35 долларов.

При крайней необходимости работнику может помочь кто-то из работодателей, но полностью полагаться на такую помощь ему не приходится. Феодальное представление, что землевладелец обязан защищать своих работников, давно отошло в прошлое, но среди представителей высшего класса есть такие, кто ощущает ответственность за две или три хорошо ему знакомые крестьянские семьи. В прошлом году, когда Прато не из чего было печь хлеб, дон Паоло, один из крупнейших землевладельцев Монтеграно, узнав об этом, послал им 200 фунтов муки с условием, что Карло отработает долг весной. Карло был

до глубины души поражен этим, как он его воспринял, редкостным проявлением доброты. Притом что он всегда выделял дона Паоло из числа своих работодателей, ему бы в голову не пришло обратиться к нему за помощью.

Те из работников, у кого, как у Прато, есть участок земли, при необходимости могут срубить дубы или, в самом крайнем случае, продать землю. Прато рубить свои несколько деревьев не готов: ветвями он топит очаг, листьями и желудями кормит скотину. Кроме того, он считает — по всей видимости, справедливо, — что без деревьев почва станет суше и от этого усилится эрозия.

Готовности коммерсантов помогать крестьянским семьям, разумеется, существует предел. За этим пределом крестьянам не приходится рассчитывать ни на коммуну (она, как уже было сказано, предоставляет только медицинскую помощь и бесплатные лекарства, если речь идет о жизни и смерти), ни на церковь. Попавшей в беду семье остается надеяться только на родственников, друзей и соседей. Но те сами бедны, и к тому же обычай не требует от них брать на себя ответственность за благосостояние других. Соответственно, уровень жизни семьи, вынужденной полагаться на подаяния, снижается так, что дальше некуда. Тем не менее с голоду никто не умирает — если под «голодной смертью» понимать смерть, непосредственной, а не косвенной причиной которой является недостаток пищи. Когда же случается неурожай, голод может стать массовым, если вовремя не подоспеет помощь со стороны.

Многие ремесленники живут ничуть не лучше, чем Прато. При этом структура потребления более преуспевающих ремесленников и коммерсантов, а также служащих, специалистов и землевладельцев, отличается от структуры потребления крестьянских семей скорее количественно, а не качественно. Дома обеспеченных жителей Монтеграно больше, с лакированными одностворчатыми дверями (в крестьянских домах двери крашеные и двустворчатые, причем каждая створка состоит из двух частей — верхнюю половину можно открыть, не впуская

при этом внутрь скотину), но построены и меблированы более или менее так же, как крестьянские, с которыми они стоят вперемешку по всему городку. С недавних пор зажиточные горожане (как и некоторые из далеко не зажиточных крестьян) устанавливают двухкомфорочные плиты, работающие на сжиженном баллонном газе, но пищу все равно готовят в основном на очаге. Во всех зажиточных домах есть электричество, в трех из четырех — водопровод, в большинстве — туалет. В редких случаях в доме имеется ванна, радиоприемник, холодильник и горячая вода.

Крестьяне и ремесленники знают, что на севере Италии заработки гораздо выше. Но мало у кого из них есть хотя бы малейший шанс туда попасть. На вопрос, почему он с семьей не перебрался на север, Прато ответил, что ему ни разу не повезло получить «вызов», то есть приглашение на работу. По закону, принятому при фашистах, деревенскому жителю, не имеющему профессии или независимых средств существования, запрещено уезжать в город на поиски работы, а городским работодателям запрещено предлагать крестьянину место без разрешения властей его родной провинции[9]. Поскольку о том, что где-то на свете живет такой Прато, не подозревает ни один из потенциальных северных работодателей, он вряд ли получит «вызов», даже если чиновники из Потенцы не станут против этого возражать. Если он в нарушение закона отправится на север искать работу, карабинеры там его рано или поздно отыщут и отошлют обратно домой.

Если бы они могли, жители Монтеграно дружно эмигрировали бы в США. Но, как им хорошо известно, без «вызова» от аме-

---

[9] Тот же закон гласит, что сельскохозяйственный работник не имеет права «без веских причин оставлять назначенную ему судьбой работу на земле», даже если он при этом не покидает пределов родной коммуны. Но этот запрет, в отличие от препятствующего внутренней миграции, практических последствий не имеет. См.: *Clark G.M.* Governmental Restrictions on Labor Mobility in Italy // Industrial and Labor Relations Review. 1953. Vol. 8. № 1 (October).

риканских родственников невозможно попасть даже в очередь на получение визы; тем временем, по причинам, о которых будет сказано дальше, перебравшиеся в Америку теряют интерес к оставшейся в Италии родне. Эмигрировать в Аргентину проще, но, как принято считать, жизнь там не намного лучше, чем на юге Италии. Про Австралию, куда тоже, в принципе, можно уехать, в Монтеграно почти ничего не знают. Хотя эмиграции, в отличие от миграции на север, итальянское правительство не препятствует, крестьянам просто неоткуда получить достоверные сведения об имеющихся у них возможностях.

***

Привычки потребления у жителей Монтеграно очень быстро меняются. Эти перемены служат отражением других, не лежащих на поверхности, но при этом фундаментальных.

Двадцать лет назад все крестьянские женщины носили блузку и юбку. Сейчас так одеваются только старухи. Женщины помоложе носят подержанные ситцевые платья из Америки. Раньше женщины ходили почти исключительно в черном: умирали в Монтеграно часто, а траур длился десять лет. В наши дни, благодаря антибиотикам, смерти стали реже, а люди постепенно пришли к мнению, что для траура вполне достаточно года или двух.

Некоторые крестьянские девушки делают перманентную завивку. Бывает, что жених дарит ее на свадьбу невесте. Двадцать лет назад крестьяне ходили в основном босиком. Сейчас они носят башмаки. Раньше мужчины надевали только штаны и куртку; теперь почти все носят белье, а у многих есть даже носки и носовой платок. В прошлом только у редких зажиточных крестьян имелся выходной костюм, причем брюки и пиджак были обычно от разных пар. Теперь костюм есть у большинства крестьян, и некоторых при этом, когда они в праздник прогуливаются по пьяцце, трудно отличить от представителей высшего класса.

Десять лет назад крестьяне сами выделывали кожу и шили себе башмаки. Теперь они покупают обувь в магазине. Рубашки

прежде шили дома — теперь их заказывают портным. Швеи и портные шьют по каталогам с образцами римских, парижских и нью-йоркских фасонов.

Поколение назад женщины практически никак не готовились к рождению ребенка. Сейчас они заблаговременно обращаются к акушерке, подготавливают к родам чистые простыни и перевязочные материалы, собирают младенческое приданое (corredino): пеленки, рубашонки и другие необходимые вещи. Бабки больше не распоряжаются при родах — всю ответственность берет на себя акушерка. Некоторые крестьянки даже купают своих младенцев.

Еще несколько лет назад даже самые состоятельные крестьяне не покупали в магазине ничего, кроме соли и сардин. Несмотря на то что выращиваемая в Монтеграно пшеница недостаточно тверда для хороших спагетти, их все равно делали дома. В наши дни крестьяне либо покупают макаронные изделия, либо обходятся без них. Крестьяне, у которых хватает денег на магазин, покупают там те же продукты, в том числе консервированные, что и представители высшего класса.

Несколько лет назад в Монтеграно не было ни бара, ни кинотеатра. Теперь в городке два бара и два кинотеатра. Некоторые крестьяне чувствуют себя обделенными, если два раза за месяц не сходят в кино. Кое-кто из них время от времени заходит в бар выпить чашечку эспрессо.

Эти изменения обусловлены отнюдь не ростом благосостояния. В большинстве своем крестьяне, возможно, даже беднее, чем были поколение назад: у них меньше еды и скромнее сбережения. Из-за эрозии почв в Монтеграно стало меньше пригодной для возделывания земли, а постепенное истощение оставшихся угодий приводит к снижению интенсивности земледелия. При этом, если за время жизни одного поколения доступные ресурсы сократились, то существующее за их счет население несколько увеличилось.

Одна из причин изменения потребительских привычек заключается в том, что благодаря программе общественных работ

были отремонтированы и улучшены дороги. До Монтеграно стало гораздо проще добираться из больших городов. Торговцы, которым несколько лет назад и в голову бы не пришло ехать в такую отдаленную коммуну, теперь бывают здесь более или менее регулярно.

Другая причина (и в то же время следствие) изменений — сокращение культурной дистанции между крестьянами и внешним миром. Поколение назад крестьяне принимали как данность, что они и все остальные — две разные породы людей. Некоторые — как, например, Прато — по-прежнему в этом уверены. Но большинство уже считает, что от всех прочих крестьяне отличаются только тем, что живут беднее. Те, кто разделяет такой взгляд, больше не хотят одеваться по-деревенски или как-то еще выделяться на общем фоне.

Примером такого потребителя нового типа может послужить помощник кузнеца Паоло Вителло. Во время армейской службы он пожил какое-то время в городах на севере страны и не забывает того, что там видел[10]. Притом что доход у него на 20 процентов ниже, чем у Прато[11], тратить Вителло умудряется гораздо больше его. У него дома есть электричество,

---

[10] Прато в армии не служил и в большом городе был единственный раз в жизни. Армейский опыт несомненно повлиял на формирование у Вителло повышенных потребительских запросов. Но было бы ошибкой объяснять перемены, происходящие в жизни Монтеграно, странствиями жителей коммуны во время войны. Многие из них повидали гораздо больше, чем Вителло, но ничуть не изменились под влиянием увиденного и пережитого. Кроме того, некоторые важные перемены происходили еще до войны: так, например, использовать меры регулирования рождаемости крестьяне начали лет за десять до нее. Возможно, Вителло так разительно отличается от Прато не потому, что повидал мир, а потому что всегда (несмотря на то что ранние годы жизни, в том числе школьные, он провел приблизительно в тех же условиях, что и Прато) мыслил себя не крестьянином, а ремесленником и горожанином. Впрочем, среди потребителей нового типа есть и не имеющие ни малейшего повода относить себя к кому-то, кроме крестьян.

[11] Траты семьи Вителло подытожены в таблице 10 Приложения А. За год, в течение которого велись записи доходов и расходов, он залез в большие долги. Очевидно, на следующий год ему придется меньше тратить или больше зарабатывать.

баллонный газ и туалет — вся та роскошь, которой Прато, как он сам считает, не видать, как своих ушей. Время от времени Вителло покупает немного мяса, рыбы, сыра и сахара — чего Прато практически никогда не делает, — а под настроение может расщедриться на носовой платок для жены, игрушку или печенье для своего младшего ребенка, на пиво, сигарету или 16-центовый лотерейный билет для себя. Можно с уверенностью сказать, что Прато ни разу в жизни не тратил денег на подобное баловство. По праздничным дням Вителло прогуливается по городской площади, одетый, как благородный господин, в черный выходной костюм. У Прато выходного костюма нет. Жена Вителло страдает хроническими мигренями и поэтому часто бывает у врача, покупает витамины и другие лекарства. Жена Прато тоже часто и подолгу болеет, но за весь год она потратила деньги только на две таблетки аспирина. Вителло надеется убедить родственника, портного в Неаполе, взять в ученики одного из своих сыновей. Прато чрезвычайно недоволен своим положением, но вероятность, что его дети уедут из Монтеграно и станут не крестьянами, а кем-то еще, кажется ему настолько призрачной, что о ней не стоит и говорить.

С тех пор как стало возможным показывать любовь к своей семье, покупая подарки в магазине, тот, кто подарков не покупает, вызывает у потребителя нового типа подозрение в бессердечии или безразличии к родным. Как-то вечером Паскуале Дура, полубезработный сельскохозяйственный работник, принес домой радиоприемник, за который обещал продавцу выплачивать по восемь долларов в месяц. Его жена сначала пришла в ярость и велела Паскуале немедленно сдать приемник обратно. Но тот объяснил, что сам-то он может сходить развлечься на площадь, а жена с детьми вынуждены сидеть дома; поэтому хорошо, если у них появится вещь, которая будет приносить удовольствие и разгонять *la miseria*. В самом деле, продолжал Паскуале, нечестно по отношению к детям, что у них ничего нет. А вдруг из радиопередач они узнают что-нибудь полезное? Его слова тронули жену. Семья оставила себе приемник, который вскоре

стал для нее мощным фактором дальнейших перемен. «Я была в трауре, — рассказывает синьора Дура, — но когда мы решили оставить приемник, я, конечно, траур сняла. Не будешь же, в самом деле, ходить в трауре, когда дома играет радио».

***

Когда крестьянин говорит о *la miseria*, он, прежде всего, имеет в виду, что ему приходится выполнять тяжелую физическую работу, ходить в отрепье и питаться зачастую одним только хлебом. Но в какой бы жестокой нищете ни жил крестьянин, его хроническое уныние объясняется не только ею. Многие крестьяне значительное время проводят в праздности, потому что им нечем заняться. Те из них, у кого есть немного земли, бродят вверх и вниз по горным склонам, отводя на пастбище свинью или собирая хворост, но и это нельзя назвать тяжелым трудом. Нескончаемые хождения туда-сюда для крестьян не что иное, как способ провести время. «Дом у нас такой маленький и в нем так много народу, что мы возненавидели бы друг друга, если бы все время сидели в четырех стенах», — объясняет пожилая женщина, которую спросили, зачем они с мужем-калекой тащатся по летнему зною в свой чахлый садик у подножья горы. Зимой температура в Монтеграно редко опускается ниже нуля, и хотя многим жителям коммуны, не имеющим теплой одежды, приходится несладко, насмерть никто не замерзает и обморожений не получает. Из-за недостаточного питания многие болеют, но голодных смертей не случается, и настоящие муки голода — явление редкое.

Одна из причин крестьянского уныния — постоянная тревожность. Из-за того, что у крестьянина нет сбережений, он испытывает непреходящий страх перед будущим. То, что для других — неприятность, для него — подлинное бедствие. Сельскохозяйственный работник и его жена были безутешны, когда у них привязью удавился боров. Женщина рвала на себе волосы и билась головой о стену, а ее муж, парализованный горем, молча сидел в углу комнаты. Потеря борова означала, что этой зимой

у них не будет мяса, не будет сала, чтобы намазывать на хлеб; что им нечего будет продать, чтобы вырученными деньгами заплатить налоги; и что весной они не смогут завести нового поросенка. Подобные удары могут обрушиться на крестьянина в любой момент. Наводнение может смыть его поле, град — побить пшеницу, болезнь — поразить его самого. Перед всеми такими напастями крестьянин по определению беспомощен.

При этом ни нынешний голод, ни ожидание еще худшего в полной мере не объясняют глубокого недовольства крестьянина своим положением. В некоторых первобытных обществах уровень физиологического комфорта даже ниже, но их члены при этом не ощущают себя постоянно несчастными. Разница между низким уровнем жизни и *la miseria* — культурного характера. В отличие от примитивных племен, крестьянин чувствует себя частью большого общества, в которое он входит, но к которому не принадлежит. Он существует в культуре, в которой очень важно, чтобы тебя одобряли, и понимает, что по меркам этой культуры он одобрения совершенно не заслуживает; что по ее меркам он, как и всё, с ним связанное, ничтожен и нелеп. Осознание этого внушает ему отвращение к собственной участи и гнев на злой рок, его на такую участь обрекший.

«Чего-то добиться» и «показать себя с лучшей стороны» — одни из центральных мотивов существования крестьянина. Но он знает при этом, что, сколько бы ни работал, он никогда ничего не добьется. Другие способны трудиться на собственную пользу, а он — нет. Если у него есть немного земли, он может попытаться скрыть бессмысленность своего времяпрепровождения — от других и, возможно, от себя самого — за каким-нибудь грандиозным предприятием, например сооружением на склоне холма террас, землю для которых ему приходится таскать на спине из долины. Но и в этом случае он прекрасно понимает, что, завершив свой труд, обеспеченней не станет.

Крестьянину досадно знать, что, несмотря на все старания, он всегда будет оставаться позади (indietro). Прато, например, никогда не скопит достаточно денег, чтобы достойно выдать дочь за-

муж. В его представлении, невозможность ничего изменить в своей жизни — главное, что отличает крестьянина от всех остальных. «Крестьянин, — говорит он, — никуда со своего места не денется; а другие могут изменить свою жизнь к лучшему». Всего лишь в двух из 320 историй, рассказанных шестнадцатью крестьянами из Монтеграно в ходе тематических апперцептивных тестов[12], процветание семье приносила бережливость или предприимчивость, но даже и в этих случаях, несмотря на успех, семья не поднималась в социальной иерархии и оставалась крестьянской. В большинстве рассказов респондентов путь к процветанию открывался исключительно благодаря подарку судьбы: например, богатый синьор дарил бедному мальчику скрипку или богатая синьора усыновляла брошенное дитя.

По представлениям большого общества, труд, пища и одежда крестьянина говорят о его отсталости. Именно поэтому, не меньше чем по причинам физиологического порядка, они вызывают у крестьянина недовольство, а то и ненависть. Для жителей юга Италии очень важно быть «культурными» (civile), крестьянин же ощущает себя полной противоположностью этому идеалу, полагая, что постоянный контакт с землей и домашними животными превращает его в существо грязное и скотоподобное. «Мы, бедные крестьяне, — говорит один из них, — работаем с утра до ночи, копаемся в земле и вечно перепачканы грязью». Прато более или менее тепло в его куртке, но при этом она метит

---

[12] Тематический апперцептивный тест (ТАТ) — методика, широко используемая психологами для выявления доминантных эмоций, отношений и конфликтов личности. Испытуемому показывают двадцать рисунков и предлагают по каждому экспромтом придумать рассказ. Сюжеты рисунков в разной степени требуют домысливания (среди прочих демонстрируется и чистый белый лист). То, как испытуемый их интерпретирует, позволяет составить представление о его сознательных и подсознательных отношениях, ценностях, влечениях и интересах. Характерные особенности рассказов позволяют психологам сделать вывод о важных чертах личности испытуемого. В нашем случае ТАТ применялся для исследования в первую очередь этоса, а не личности. Мы использовали рисунки, подготовленные доктором Генри Мюрреем из Психологической клиники Гарвардского университета.

его как человека, не заслуживающего уважения. Когда Прато спросили о его впечатлениях о большом городе, он повел речь о том, как там одеваются. «В городе, — сказал он, — все носят одно и то же, и от этого непонятно, кто крестьянин, а кто нет».

Часто крестьяне жалуются, что у них нет никаких развлечений, причем дают понять, что это для них такое же испытание, как голод и тяжкий труд. Жалоба эта, по сути, смехотворна. За исключением напряженных периодов сева и уборки урожая, ничто не мешает крестьянам развлекаться, сколько душе угодно. Что мешает им петь и плясать? Или играть в карты? Или рассказывать друг другу истории? Дело не в том, что крестьянам не хватает возможности развлечься. Они не могут себе позволить принять участия в культурных (civile) развлечениях — например, выпить чашечку кофе в баре на центральной площади, — которые указывали бы на то, что они заслуживают уважения и одобрения.

С уверенностью можно заключить, что за крестьянское ощущение *la miseria* социальные лишения отвечают в той же, если не большей мере, чем лишения физиологические. С учетом этого нет оснований ожидать, что умеренный рост доходов (если он каким-то чудом произойдет) хоть сколько-то развеет царящее в коммуне тягостное уныние. Напротив, рост доходов, если ему не будут сопутствовать социальные и культурные перемены, по всей вероятности только усилит неудовлетворенность крестьян[13].

---

[13] Монтеграно поучительно сравнить с андалусийской деревней, описанной Джулианом Питт-Риверсом (*Pitt-Rivers J.A.* The People of the Sierra. London: Weidenfeld and Nicolson, 1954). Жизнь в этой деревне такая же бедная, как в Монтеграно, но там при этом не заметно уныния. Это отличие является, вероятно, одновременно причиной и следствием других различий между двумя поселениями. Андалусийский крестьянин воспринимает себя как часть родной деревни, связан крепкими узами дружбы и родства со многими людьми и не считает унизительным свой социальный статус. Специфическая черта крестьянской культуры Андалусии (но не Монтеграно) — склонность к бахвальству и тщеславию. Это, по-видимому, компенсаторный механизм, с помощью которого испанцы защищают свое «я» от полного разрушения.

Глава 4

Отношения между классами

Несмотря на то что причина политической несостоятельности Монтеграно не в конфликте между классами, положение крестьян и взаимоотношения классов являются, без сомнения, важной особенностью сложившейся ситуации.

Перечисленные в начале предыдущей главы семь профессиональных групп можно объединить в три общественных класса.

1. *Крестьяне*[1]. Этот класс включает тех, кто трудится на земле, то есть сельскохозяйственных работников и крестьян-собственников, вместе составляющих больше двух третей населения коммуны. В южноитальянском этосе физический труд унижает человеческое достоинство, причем унизительнее всего обрабатывать землю и быть в услужении. Отсюда такая большая разница в социальном статусе между крестьянами (и прислугой, которая набирается из крестьян) и всеми остальными. Только

[1] Слово *contadino*, переводимое здесь как «крестьянин», используется в Монтеграно для обозначения а) социально-классовой категории, то есть всех тех, кто трудится на земле, и б) профессиональной категории сельских хозяев, то есть тех, у кого, в отличие от сельскохозяйственных работников, есть своя земля (и кто ее самостоятельно обрабатывает).

у цыган, образующих отдельную касту, статус еще ниже, чем у крестьян.

2. *Ремесленники и коммерсанты.* Представители этого класса, к которому принадлежит около 10 процентов населения, занимаются физическим трудом, но не связанным с землей и не в качестве прислуги.

3. *Высший класс.* Представитель высшего класса (persona per bene или benestante) не занимается физическим трудом, это его главный отличительный признак. С этим главным признаком обычно связаны два других: а) уровень жизни представителя этого класса несколько выше, чем у других; при этом в коммуне есть сельские хозяева и коммерсанты, чей доход значительно превышает доходы некоторых представителей местной аристократии; б) представитель высшего класса имеет за спиной как минимум пять, но чаще восемь и больше лет учебы. Высшие классы представлены служащими, специалистами и землевладельцами — на всех них приходится приблизительно 10 процентов населения Монтеграно.

Внутри высшего класса заметно четкое разграничение на благородных господ (galantuomini) и всех остальных. Принадлежность к той или другой категории зависит исключительно от происхождения: чем бы человек ни занимался, какое бы образование ни получил и какими бы доходами ни располагал, благородным господином он считается только в том случае, если таковым был его отец[2]. От прочих представителей своего класса господа отличаются только тем, что к ним принято относиться с бóльшим почтением — к ним всегда обращаются «дон»

---

[2] В Монтеграно есть пример того, как категория «благородства» пересекает границу между классами: торговец дорогими тканями дон Альфредо — благородный господин. Однако важно заметить, что в силу специфики его занятия почти все клиенты у него из высшего класса. Едва ли его называли бы «доном», если бы он продавал крестьянам сыр и сардины.

или «донна» с прибавлением имени, данного при крещении: «дон Паоло» или «донна Мария». Так же из почтения к сану обращаются к священникам.

Иногда господ называют «дворянами», но, строго говоря, дворянский титул имеется только у барона ди Лонго. Как рассказывают, дядя нынешнего барона приобрел его за деньги при фашистах.

В некоторых южных коммунах отношения между благородными семьями строятся на зависти, злословии и вражде. В Монтеграно этого нет уже как минимум два-три десятка лет. Разумеется, некоторые семьи издавна так или иначе соперничают друг с другом, но в целом все они прекрасно ладят между собой.

Также в отдельных коммунах существует вражда между крестьянами и ремесленниками: в таких местах, если один класс поддерживает кандидата на выборную должность, то другой неминуемо выступает против него. В Монтеграно такого классового противостояния нет ни в политике, ни в других сферах. Отношения между крестьянами и ремесленниками здесь вполне приятельские: ремесленники запросто ходят на танцы к крестьянам, а крестьяне — к ремесленникам.

Заметной разницы в социальном статусе между крестьянами-землевладельцами и безземельными в Монтеграно тоже нет. Как было объяснено в предыдущей главе, подавляющее большинство крестьянских хозяйств совершенно крошечные, а образ жизни тех, у кого есть земля, и тех, у кого ее нет, практически ничем не отличается. Редкие относительно состоятельные крестьяне не образуют отдельного слоя: когда кто-то из них приходит на свадьбу к простому работнику, его — в отличие от представителя высшего класса — не сажают во главу стола рядом с молодыми и не удостаивают никаких особых знаков внимания.

При этом огромное значение придается разнице между городскими и деревенскими манерами. Крестьянин из сельской местности считается «деревенщиной» (cafone), несмотря на то что он, как правило, гораздо состоятельнее городского (соб-

ственно, он потому и живет в деревне, что земли и скота у него столько, что они требуют постоянного присмотра). Над его деревенскими речью, одеждой и повадками насмехаются те, у кого нет ни своей земли, ни скота, ни, зачастую, куска хлеба. В процессии, провожающей жениха и невесту от дома невесты к церкви, городская девушка никогда не встанет в пару с деревенским парнем. Городской парень, однако, вполне может идти в паре с девушкой из деревни.

***

Каждая семья в Монтеграно находится под постоянной угрозой того, что следующее ее поколение опустится ниже по социальной лестнице. Это в первую очередь относится к высшему классу. В случае ранней смерти отца дети рискуют переместиться в класс ремесленников и коммерсантов, какие бы героические усилия мать ни прикладывала к тому, чтобы избавить их от необходимости заниматься физическим трудом. Подорвать положение семьи может беспутный старший сын — пьющий или, скажем, не желающий учиться. Семья вкладывает в него все свои средства в расчете, что он сделается врачом, адвокатом или чиновником (других вариантов южане практически не признают) и станет помогать младшим братьям и сестрам. Не получив диплома и растратив в процессе отцовское наследство, он лишает братьев и сестер будущего. Если в семье два сына и дочь, младший сын с женой и детьми, скорее всего, опустятся на более низкую социальную ступень. Старший получит образование, а дочь в приданое — половину семейной земли, которая (вместе с имуществом мужа) ляжет в основу благосостояния ее семьи. У младшего сына, таким образом, образование будет хуже, чем у брата, а собственности — меньше, чем у сестры; его дети, соответственно, будут обеспечены хуже, чем их кузены.

Те представители высшего класса, у которых есть такая возможность, уезжают из Монтеграно в большой город. Обеспечить себе заработок в коммуне могут только один адвокат, один врач, один аптекарь и несколько чиновников. Единовременно

в городке проживает больше специалистов, но «лишние» просто дожидаются, пока где-нибудь еще откроется вакансия. Человек из высшего класса остается в Монтеграно, только если занимает особое положение, от преимуществ которого невозможно отказаться, — будучи, к примеру, *тем самым* врачом или *тем самым* адвокатом, — или не имеет возможности зарабатывать на жизнь в большом городе. Так, скажем, младший сын, отучившийся всего пять классов, может осесть в Монтеграно на положении «землевладельца» нескольких акров, обрабатываемых, конечно же, арендаторами. Такой домосед остро переживает превосходство над ним старшего брата — предположим, таможенного чиновника в Генуе — и почти не принимает участия в делах семьи и коммуны. Все решения за него принимает образованный брат, раз в год приезжающий из Генуи.

В 26 благородных семействах Монтеграно — 59 активных мужчин (то есть мужчин в возрасте от 20 до 65 лет, не являющихся инвалидами). Из них только 19 живут в коммуне.

Повсеместным страхом, что следующее поколение семьи займет более низкое положение в обществе, поражены и низшие классы. Ремесленник боится, что его дети будут вынуждены обрабатывать землю. Мелкий сельский хозяин понимает, что если детей (и особенно дочерей) у него будет много, они перейдут в категорию безземельных либо почти безземельных крестьян. Даже сельскохозяйственный работник Прато беспокоится, как бы его дочери, если она не сумеет собрать приданое, не пришлось выйти за человека, у которого нет ни своего дома, ни земли и который поэтому «не лучше цыгана». Только беднейший из бедных — работник, не владеющий ничем, кроме мотыги, — не подвластен этим страхам; социальное положение его семьи в следующем поколении точно не станет хуже.

У представителей всех классов имеется шанс, пусть и слабый, продвинуться вверх в социальной иерархии. Сын безземельного работника может удачно жениться и благодаря приданому жены превратиться в крестьянина-собственника или приобрести какую-нибудь сельскохозяйственную технику, чтобы рабо-

тать по найму с ее использованием. Крестьянин, владеющий участком земли, может при случае отправить сына обучаться ремеслу (и никакая сентиментальная привязанность к земле ему в этом не помешает). Дочь ремесленника может выйти замуж за учителя, а сыну вдруг да посчастливится стать коммерсантом или государственным служащим.

Выучиться тому или иному мастерству и стать ремесленником крестьянский мальчик может только при особом стечении обстоятельств. Для начала нужно найти ремесленника, готового взять его в ученики и обучать своему делу бесплатно или за совсем небольшие деньги. При этом в обычной ситуации семья не станет содержать сына на протяжении четырех или пяти лет, которые уйдут на овладение ремеслом; родные, напротив, ожидают от него помощи — особенно если в семье есть дочери, которым надо собирать приданое. Даже выучившись ремеслу, молодой человек будет, возможно, вынужден заняться крестьянским трудом, так как в коммуне и без него хватает кузнецов, сапожников, портных и так далее. Молодой человек, освоивший ремесло в Монтеграно, обычно не может прокормиться им в большом городе, где требования к квалификации гораздо выше.

Окончив восемь классов, парень из крестьянской семьи может стать полицейским. (Формально для этого необходимы пять лет учебы, но желающих так много, что на практике без восьмилетнего образования в полицию не попасть.) Для крестьянина это большая удача: карабинеры полностью обеспечены одеждой и питанием и получают по 85 центов в день наличными — этого достаточно, чтобы прокормить престарелую мать и собрать приданое для сестры. Карабинер не имеет права жениться, пока ему не исполнится 30 лет, а службу, в большинстве случаев, проходит в захолустном городке вроде Монтеграно (карабинеров никогда не оставляют служить там, откуда они родом), где невозможно дать хорошее образование детям. В 45 лет он уходит в отставку; пенсия отставного карабинера так мала, что, если он не успел обзавестись землей — получив ее в наследство или

благодаря женитьбе, — ему приходится поселиться в глуши, где стоимость жизни невысока. Подавляющее большинство полицейских в Италии — выходцы с сельского юга.

Случается, что мальчик из низов поднимается почти на самый верх социальной лестницы. Путь для этого только один — формальное образование. Окончив 12 классов — это означает, что семья может себе позволить после пятого класса отправить его на семь лет в другой город, — к 18 годам крестьянский сын может стать учителем. Затем, если повезет, он найдет себе невесту — не красавицу, зато из высшего класса и с хорошим приданым. Для редких сравнительно состоятельных крестьянских семей это проверенный способ устроить судьбу второго сына: дать ему образование может быть нелегко, зато старания быстро окупаются. Большинство учителей в коммунах вроде Монтеграно происходят из низших классов.

То же самое относится и к священникам. Только проучившись еще семь лет после окончания начальной школы, мальчик может продолжить образование за счет Церкви. То есть на священника могут выучиться только те, у кого достаточно денег, чтобы стать учителем; это ставит заслон на пути детей из низших классов, которые хотят попасть в семинарию только ради образования. Ряды священства пополняются за счет слоя, которому хватает средств на обучение детей в средней школе, но не на то, чтобы выучить их на врачей или адвокатов. Церковная карьера прочно ассоциируется с этой социальной группой; мальчики из высших классов в священники не стремятся.

Крайне редко крестьянскому сыну удается приобрести интеллектуальную профессию. Примером может служить такая история: бедный крестьянин умер от полученных на войне увечий, оставив вдове маленькую пенсию и участок земли. Несмотря на то что сама она была неграмотна, вдова решила во что бы то ни стало дать образование двум сыновьям. Старший стал учителем и помогал младшему, пока тот учился в школе. Потом вдова постепенно по частям продавала свою землю, что-

бы дать младшему сыну возможность окончить медицинский факультет в Болонье. Сейчас к обоим братьям, один из которых мэр-коммунист в городке Бассо, крестьяне и ремесленники обращаются «дон», а другие специалисты, по меньшей мере в наиболее важных отношениях, признают их за равных[3].

И тем не менее печать социального происхождения остается с крестьянином навсегда. Так, инженер, сын обедневшего мелкого землевладельца, признался нам, что ему бы очень не понравилось, если бы его невесту пригласил на танец человек из низов. «Я социалист и все прекрасно понимаю, — сказал он. — Но считать крестьян ровней у меня не получается. Мне бы очень не понравилось, если бы мою невесту пригласил крестьянский сын... даже если бы он был образован лучше меня. Для нас он все равно крестьянин».

При нынешних темпах экономического развития южной Италии даже для того, чтобы просто сохранить имеющийся имущественный и социальный статус, семье необходимо все больше и больше инвестировать в детей. Многие представители низших классов осознают, что, не получив много лучших стартовых позиций, чем пять или десять лет назад, их дети неизбежно окажутся среди проигравших. Некоторые из них понимают, что в наши дни факт жительства в Монтеграно сильнее, чем прежде, мешает добиться успеха. Раньше, например, в карабинеры брали с пятью классами образования. Теперь, когда, чтобы стать карабинером, надо учиться восемь лет — три из них не дома, а где-то еще, — этот путь открыт лишь для немногих.

---

[3] В 1950–1955 годах 62 мальчика и девочки из Монтеграно окончили больше пяти классов, то есть по меньшей мере на год уезжали из коммуны, чтобы продолжить учебу. 7 из них — из семей специалистов и землевладельцев, 19 — служащих, 9 — коммерсантов, 14 — ремесленников, 5 — крестьян, имеющих свою землю, 8 — сельскохозяйственных работников. Четверо детей крестьян и работников позже получили религиозное образование, которое стоит недорого; у четверых матери получали пенсии за погибших на войне мужей; троим помогали братья, полицейские или тюремные надзиратели, служащие в городах, где есть средние школы; одного содержала мать, горничная в Неаполе. Из 62 детей девочек было 16, все — из высшего класса.

Видя эти перемены, большинство супружеских пар из низшего класса предпринимают попытки ограничить размер своей семьи. В идеальной семье, говорят они, должно быть двое детей: если ребенок один, то «семья не настоящая», если больше двух, им не создать приличных стартовых условий. Высшие классы, столкнувшиеся с той же проблемой, стали применять этот подход поколение или два назад.

***

Когда житель Монтеграно из благородных покупает на площади дыню или корзинку помидоров, он молча вручает ее любому оказавшемуся поблизости знакомому крестьянину — не важно, мальчишке, женщине или мужчине — и тот послушно, будто по-другому и быть не может, относит покупку к нему домой. Мысли о том, что за услугу можно было бы заплатить, не возникает ни у той, ни у другой стороны. Крестьянин хочет быть вежливым и дружелюбным (civile), твердо зная, что когда-нибудь господин может оказать ему милость или причинить вред. (Ни один крестьянин, даже если он ничего не имеет против Церкви, пальцем не шевельнет, чтобы помочь монахине, несущей тяжелую поклажу вверх по склону в сиротский приют. Монахини принадлежат к высшему классу, но не имеют возможности ни оказать крестьянину милости, ни причинить вреда. Священники, разумеется, могут и то и другое, поэтому им крестьяне помогают.)

Двадцать лет назад благородный господин запросто просил крестьянина бесплатно наколоть ему на зиму дров. Даже и в наши дни, если кому-то из господ нужен осел, он рассчитывает, что ему его бесплатно одолжит «друг» из крестьян; при этом с ослом обычно является или сам крестьянин, или кто-нибудь из его семьи — если, доверенный слуге господина, осел получит увечье, никто его хозяину за это не заплатит.

Когда сборщику налогов нужно собрать урожай винограда, он посылает на свой виноградник двух или трех крестьян. За целый день работы он выдает каждому два или три фунта

винограда. При этом крестьяне не думают, что в случае отказа сборщик насчитает им больше налогов, просто им кажется, что с ним лучше не ссориться.

На Рождество крестьянин, живущий при своем хозяйстве за пределами городка, приносит петуха или корзину яиц двум или трем господам, которых числит своими «друзьями». Один из них может приходиться ему крестным (в таком случае крестьянин дарит ему петуха еще и на именины); другой, возможно, когда-то написал письмо для него или для его отца; третий время от времени дает работу. Благородный господин ничего в ответ крестьянину не дарит; он принимает подарок потому, что у крестьян есть милый обычай одаривать господ.

Подарки крестьян имеют материальную ценность. Но вручение подарка имеет также и важное символическое значение. Просто так прийти в гости к благородному господину крестьянину неловко. Но когда крестьянка приносит хозяйке дома корзинку яиц, она создает повод для визита и тем самым обеспечивает возможность дружеской беседы. Подарок, ясно указывая на неравенство сторон, позволяет им поддерживать отношения друг с другом.

Хотя крестьянин в меньшей степени, чем благородный господин, склонен умалять материальную ценность своих подарков, символический смысл дарения он также осознаёт. Но в наши дни не всем крестьянам нравится за свой же счет получать ритуальное подтверждение собственного зависимого положения. Так, например, одна крестьянская женщина заметила раздраженно:

> *Все благородные строят из себя если не папу римского, то кардинала, а ничего хорошего бедному человеку от них ждать не стоит. Когда приходишь к кому-то из них, руки всегда подарками заняты, так что в дверь ногой стучать приходится.*

Некоторые крестьяне Монтеграно считают, что господа от природы выше по положению и оттого имеют полное право

требовать услуг и почтительного отношения. Прато, к примеру, говорит:

Да, разумеется, господа лучше нас. Они богаче и потому, конечно же, лучше, а мы, все остальные, должны их во всем слушать.

Когда жену работника Лауру спросили, как так получилось, что одни жители Монтеграно богатые, а другие бедные, она сказала:

Кто возьмется судить о вещах, установленных от сотворения мира?[4]

Большинство крестьян все же отвечают на такие вопросы совсем по-другому. Богатые, по их словам, это те, чьи деды столетие назад, во времена великих бедствий, скупили землю у тех, кто по глупости или от крайней нужды был готов продать ее «за пригоршню фиг». Кроме того, богатые добывали свои деньги обманом, грабежом и эксплуатацией бедняков.

«Дело не в мозгах, — говорит Анна. — У меня их не меньше, чем у любого из них. Вся разница в том, что у меня никогда не было лишнего гроша, чтобы пустить его в оборот. Было бы у меня немного свободных денег, я бы тоже на них заработала».

Когда барон ди Лонго попенял одному из своих арендаторов за то, что тот отправил сына в школу, арендатор сказал: «У вас же, барон, сын тоже в школу ходит».

«Естественно, — ответил барон. — Но если все крестьяне пойдут учиться, кто будет обрабатывать мою землю?»

«Ваш сын, например», — сказал крестьянин.

***

При всем при том отношения между классами в Монтеграно, по итальянским меркам, вполне дружественные. С одной

---

[4] Барон ди Лонго придерживается того же взгляда. «На дубе всегда будут расти желуди, а на оливковом дереве — оливки», — сказал он как-то раз на политическом митинге.

стороны, это объясняется тем, что за последние два-три поколения высшие классы не монополизировали окончательно собственность на землю. Значительная территория принадлежит только барону ди Лонго, но вся она обрабатывается арендаторами. У остальных «землевладельцев» в собственности не так уж много сельскохозяйственных угодий — не больше, чем у наиболее зажиточных крестьян. Кроме того, уровень жизни высшего и низшего классов различается скорее количественно, а не качественно. Крестьянину легко заметить, что, несмотря на все привилегии, благородный господин живет более или менее в том же мире, что и он сам.

Дружественные отношения между классами объясняются также традицией. В некоторых коммунах высший класс всегда был жесток к крестьянам. В Монтеграно же традиционно сложилось так, что первые семьи, пусть и безучастны к нуждам крестьян, но жестокости к ним не проявляют.

В этом смысле любопытный контраст Монтеграно являет собой соседняя коммуна Бассо. Она занимает долину с плодородной орошаемой землей, бо́льшая часть которой принадлежит крупным землевладельцам и обрабатывается поденщиками. Землевладельцы в Бассо испокон веку ведут себя так, будто крестьян вовсе не существует. На улицах города господа не замечают никого, кроме таких же господ. Время от времени в Бассо случаются организованные выступления трудящихся и ожесточенные забастовки. В Монтеграно при отсутствии крупных работодателей профсоюзному движению просто неоткуда взяться, да и атмосфера там царит совсем другая: благородный господин, повстречав на улице крестьянина, запросто вступает в беседу и может даже провести с ним вечер, играя в карты в баре.

И тем не менее некоторые крестьяне в Монтеграно отчаянно ненавидят господ:

Люди из высшего класса топчут крестьян ногами. Они обращаются с нами, как со скотом. А сами хотят одного — сытнее есть и мягче спать. До нас им дела нет. Они даже близко к нам не подходят. И до

себя если допускают, то только с подарками: тут они и улыбаются, и в дом зовут. Я так думаю, что мы все одинаковые — все дети Божии. А они плюют нам в рожи.

Далеко не все крестьяне выражаются так резко. Но всех так или иначе возмущает, с каким высокомерием прохлаждающиеся в теньке господа относятся к работникам, которые кормят их своим трудом.

Господа, уверены многие из крестьян, в большинстве своем алчны и кичливы:

Если ты придешь к ним с подарком и о чем-то попросишь, они, скорее всего, дадут то, что тебе нужно, но сначала обязательно оскорбят. Спросят, например: «Почему ж тебя мать в школу учиться не отправила?» Как будто сами не знают почему.

В присутствии представителей высшего класса крестьянин часто стесняется своей неотесанности и неграмотной речи. От этого он чрезвычайно болезненно реагирует на реальные и почудившиеся ему оскорбления. В очерке сельской жизни врач из Монтеграно дон Франко пишет:

Бедняки чрезвычайно ранимы, и у них есть на то полное право. Если в разговоре с зажиточными городскими жителями шутки друг над другом уместны, то с крестьянами так нельзя. Даже если, беседуя с крестьянином, вы следите за собой, чтобы не намекнуть ненароком на его бедность, бедняк уловит намек, которого вы не заметили (чтобы его заметить, надо самому быть бедняком!). Потом вы сами осознаете, как больно этот невольный намек его задел, и тоже расстроитесь и загрустите оттого, что из уважения к вам, благородному синьору, он не грубит в ответ и даже понимает, что вы не хотели его обидеть.

Одни представители высшего класса не осознают тяжелое положение крестьянина или безразличны к нему. Другие, вроде дона Франко, о нем прекрасно знают, и это знание причиняет

им боль. Но человеку из высшего класса, который сопереживает крестьянину, обычно затруднительно — возможно, как раз из-за сопереживания — с ним общаться. Он испытывает перед крестьянином чувство вины, как если бы нес ответственность за его несчастья. Такой господин хочет, чтобы крестьянин не держал на него зла и хорошо о нем думал, и зачастую жестоко клянет тех — например, капиталистов, — кто, по его мнению, сплотились против крестьянина. Но при этом он не способен разговаривать с крестьянином, как один здравомыслящий человек разговаривает с другим. А все потому, возможно, что он не видит в крестьянине подобного себе здравомыслящего человека. Он жалеет крестьянина как существо неполноценное: проклинает класс, к которому принадлежит, систему и судьбу, низведшие крестьянина до такого состояния, но при этом принимает его неполноценность как бесспорный факт. Препятствовать общению может и стремление представителя высшего класса уберечь свои чувства от вольной или невольной агрессии со стороны крестьянина; для этого он, к примеру, может притворяться, что не понимает крестьянина, и намеренно выражаться так, чтобы крестьянин неверно его понял.

Как-то раз к дону Франко пришла вдова сельскохозяйственного работника, которую укусил за руку осел. Пока он совершал необходимые манипуляции, женщина спросила, положено ли ей пособие по нетрудоспособности. По ее словам, в ответ врач рассмеялся.

«Какая красота! — сказал он. — Сначала суете руку в пасть ослу, а потом хотите, чтобы я помог вам получить пособие от бюро социального обеспечения».

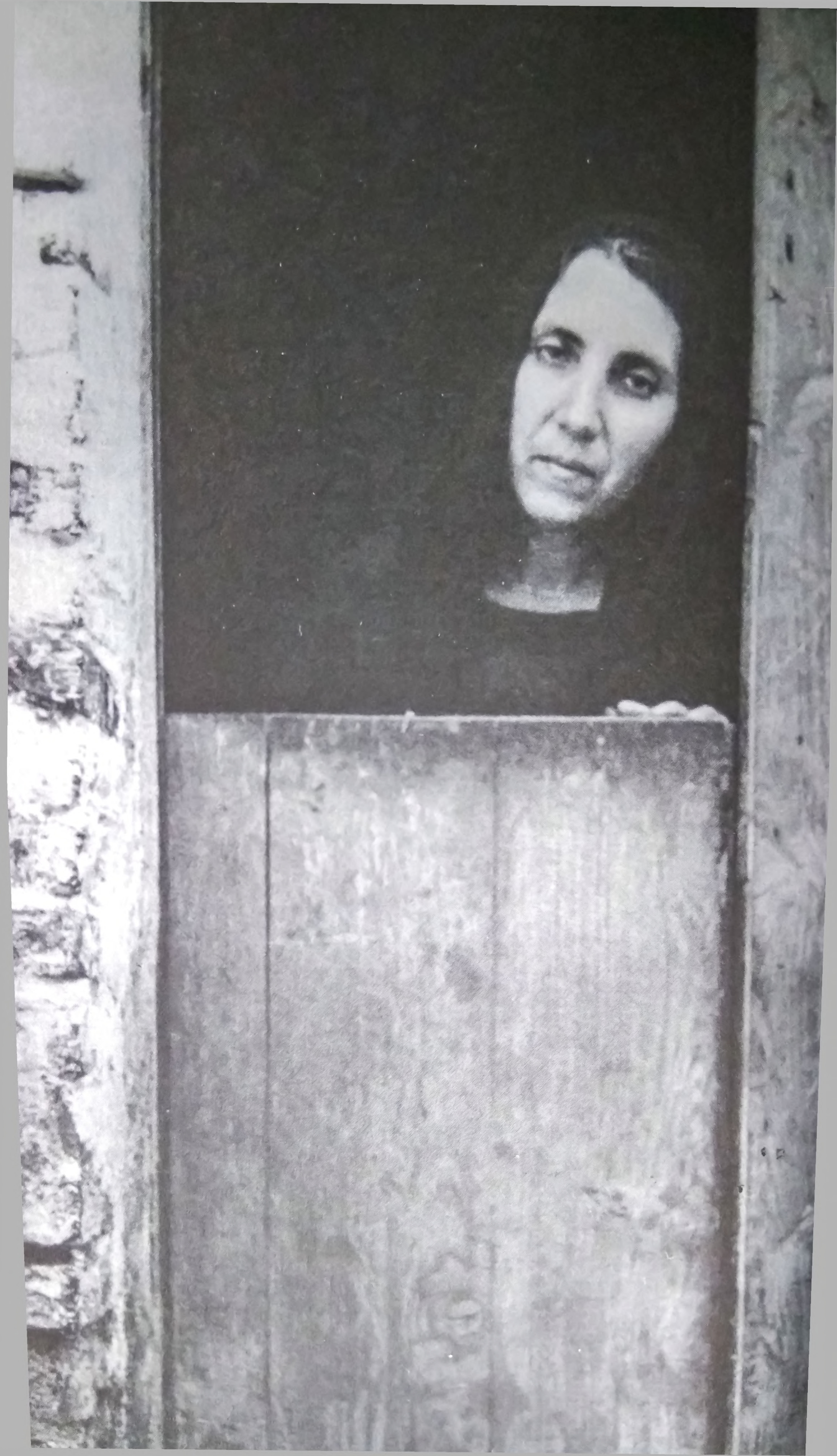
Дон Франко знал, что в местном бюджете не хватает средств даже для самых экстренных случаев. Он полагал — судя по всему, справедливо, — что у него не получится объяснить крестьянской женщине, что другие гораздо больше, чем она, нуждаются в помощи. К насмешливому тону врач прибег, следует думать, для того чтобы не вдаваться в долгие объяснения и не вступать в спор.

Женщина тем временем была оскорблена как игривостью врача, так и его намеком на то, что она нарочно сама себя покалечила. «Он что, думал, мне приятно, что меня покусала скотина и я потом работать не могла?» — вопрошала она.

Наложив бинты, дон Франко выписал пациентке рецепт на пенициллин. Когда женщина в назначенный день явилась на перевязку, он увидел, что ее лихорадит. Дон Франко велел ей продолжать принимать пенициллин до тех пор, пока жар не пройдет. Но лекарство она так и не купила, потому что аптекарь отказался продать его в долг. Врачу женщина об этом не сказала. На вопрос социолога о причинах своего молчания она ответила: «Потому что эти двое [врач и аптекарь] вечно заодно».

Таким образом, даже в коммуне, где отношения между классами традиционно дружественные, и в случае человека, у которого больше шансов найти общий язык с крестьянами, чем у других господ (поскольку дон Франко не только доктор и видный член партии, которая стремится покончить с классовыми различиями, но и отличается проницательностью и тонкостью восприятия, характерными для художника слова), высший класс от низшего отделяет толстая стена непонимания и подозрительности.

Хотя многие крестьяне стараются не подавать вида, в душе у каждого из них, похоже, кроется глубокий кладезь ненависти к господам. Так, во всяком случае, считают сами господа. В одной из своих зарисовок провинциальной жизни дон Франко пишет о грусти, которую навевает на некоего человека из высшего класса вечерний колокольный звон. При этом крестьянина, отмечает автор, звук колоколов только радует, так как напоминает ему о том, что господа тоже рано или поздно умрут.

Глава 5

Прогностическая гипотеза

Понять особенности поведения жителей Монтеграно, в связи с которыми встают перечисленные нами вопросы, и научиться прогнозировать развитие событий, поможет одна очень простая гипотеза. Жители Монтеграно поступают так, как если бы следовали правилу:

Добивайся максимальной краткосрочной материальной выгоды для своей нуклеарной семьи; исходи из того, что все остальные поступают так же.

Того, кто ведет себя в соответствии с этим правилом, мы будем называть «аморальным фамилистом». Термин неуклюж и отчасти неточен (следующий этому правилу аморален только в отношении посторонних — в отношении членов своей семьи он применяет понятия добра и зла; человека, не имеющего семьи, разумеется, правильнее именовать «аморальным индивидуалистом»), но лучшего не существует.

В этой главе представлены некоторые логические последствия сформулированного выше правила. Они, как будет показано, описывают фактическое поведение обитателей Монтеграно. Если теория согласуется с фактами, это еще не «доказывает», что она верна. Тем не менее это означает, что она во многом способна объяснять (то есть делать понятным и предсказуемым)

человеческое поведение, не вступая в противоречие ни с одним из установленных фактов.

1. *В обществе, состоящем из аморальных фамилистов, никто не станет действовать в интересах группы или сообщества, если не видит в этом пользы лично для себя.* Другими словами, только надежда на скорую материальную выгоду может заставить члена такого общества заинтересоваться общественными делами.

С этим принципом прекрасно согласуется полное отсутствие местных гражданских объединений, организованной благотворительности и лидеров, берущих на себя инициативу в служении общественному благу[1].

Учитель, принадлежащий к одной из самых видных семей города, объясняет:

> *Я всегда сторонился вопросов общественных и тем более политических. По-моему, политические партии не отличаются одна от другой, а те, кто вступает в партию — не важно, Коммунистическую, Христианско-демократическую или какую-то еще, — думают только о собственном достатке и благополучии. Да и кроме того, вступив в одну из партий, ты обязательно испортишь отношения с людьми, которые состоят в другой.*

Джованни Гола, коммерсант, выходец из высшего класса, никогда не состоял ни в одной политической партии. «Мне это не с руки, — говорит он. — Только клиентов терять».

---

[1] Важность добровольных гражданских объединений в США часто объясняют тем, что они способствуют социальной мобильности. Такое объяснение не противоречит сказанному выше. Участники «творящих добро» организаций получают преимущества (например, статус, влияние, хорошие отношения с соседями), не имеющие прямого отношения к общественно полезным целям существования этих организаций. Но при этом им важны и эти общественно полезные цели. Кроме того, частные цели участников, как правило, не связаны с получением материальной выгоды, во всяком случае в кратковременной перспективе.

Ни на какую выборную должность Гола претендовать не собирается и объясняет это так:

Мне своих забот хватает. Я слишком много сил трачу на свое дело, чтобы начать тратить их еще и на политику. А как займешь должность, пойдут бесконечные просьбы тому-то помочь, о том-то позаботиться. Придется все свое время расходовать на чужие дела, а свои забросить. Да и не хочется мне больше надрываться на работе. Я ведь уже не молод. [Ему под пятьдесят.]

Те, кто борется за тот или иной пост, делают это, по его словам, ради собственной выгоды.

Сделавшись начальниками, они заботятся только о самих себе. Кто-то избирается ради того, чтобы иметь право говорить про себя: «Я — мэр!» Но должность эта не то чтобы очень почетная. Что там мэр — здешний народ даже президента республики не уважает. А в Ф. мэр хочет остаться мэром, чтобы и дальше помыкать людьми.

2. *В обществе, состоящем из аморальных фамилистов, только должностные лица занимаются общественными делами, потому что только они получают за это деньги.* Интерес к общественной проблеме со стороны частного лица считается ненормальным или даже неподобающим.

Кавалер Росси, один из крупнейших землевладельцев Монтеграно и мэр соседней коммуны Капа, считает, что на местном уровне необходимы многочисленные преобразования. По его словам, если он явится в префектуру в Потенце в качестве мэра Капы, его выслушают. Если же он будет действовать как частное лицо и житель Монтеграно, никто с ним там разговаривать не станет. Спросят: «А ты кто такой?» Как частное лицо он еще может помочь работнику получить пенсию, но что касается школ, больниц и прочих подобных учреждений, они полностью зависят от властей. Частное лицо ничего тут поделать не может.

То, что представители власти не желают прислушиваться к частным лицам — лишь часть проблемы. В значительной мере она заключается и в том, что частные лица не хотят брать на себя ответственность за решение общественно важных вопросов. Росси поясняет:

В Монтеграно нет лидеров. Настроения людей слишком непостоянны: взбудораженные, они принимают какое-то решение, а назавтра успокоятся и передумают. Более или менее то же самое и в Капе. Разговоров много, а настоящей личной заинтересованности нет. И всегда все кончается одинаково: это должен сделать мэр. Люди надеются, что мэр сделает для них все на свете и все на свете раздобудет.

Фармузо, директор школьного округа, а в прошлом мэр-коммунист городка в соседней провинции — человек искренний, энергичный и умный. Он перечислил, что нужно сделать для улучшения ситуации в Монтеграно, но на вопрос, может ли он использовать свое влияние, чтобы что-то из названного им было реализовано, ответил отрицательно. «Я занимаюсь только школами, — сказал он. — Даже захотев на что-то повлиять, к кому мне обращаться? В Вернанде, например, на шесть учителей две классные комнаты, а на то, чтобы пристроить новые, нет денег. Я говорил и с мэром, и с чиновниками, но даже в школьных делах ничего не добился».

Ощущением, что неофициальные действия являются вторжением в сферу ответственности государства, в какой-то степени обусловлены и чиновничья спесь мэра Винченцо Спомо, и равнодушие жителей коммуны к поискам хотя бы временного выхода из ситуации со школой и больницей. В соседней с Монтеграно коммуне Бассо благодаря мелиорации земель выросло производство овощей и появилась возможность построить консервный завод. Но крупные землевладельцы Бассо не объединятся для строительства этого завода, даже несмотря на то что это может оказаться выгодным вложением денег. Построить завод — право и обязанность государства.

3. *В обществе, состоящем из аморальных фамилистов, ослаблен контроль за представителями власти, поскольку контролировать их могут только другие представители власти.*

Когда директора школьного округа Фармузо спросили, как бы он поступил, узнав, что некое должностное лицо берет взятки, тот ответил, что если бы взяточник был из его ведомства, он бы немедленно вывел его на чистую воду. Но если бы взяточник не имел отношения к школам, директор бы промолчал, поскольку в таком случае это не его дело.

Молодой учитель, отвечая на тот же вопрос, сказал, что даже имея доказательства взятки, он бы вмешиваться не стал. «Иначе недолго и в мученика превратиться, — объяснил он. — Чтобы уличить взяточника, нужна смелость. Ведь бесчестных людей настолько больше, чем честных, что они запросто все вместе набросятся на тебя... и так извратят факты, что ты же и окажешься виноватым. Вспомните про Христа и фарисеев».

Видный коммерсант не станет выводить взяточника на чистую воду, потому что, как он выразился, «рано или поздно ко мне придут и объяснят, что лучше бы мне было этого не делать».

4. *В обществе, состоящем из аморальных фамилистов, крайне затруднено создание и поддержание деятельности объединений (как и любые согласованные действия). Побуждения, заставляющие людей участвовать в деятельности объединений, в значительной степени неэгоистичны (например, солидарность с целями объединения) и часто нематериальны (например, увлечение деятельностью объединения как «игрой»). Кроме того, для успеха объединения необходимо, чтобы его участники в известной мере доверяли друг другу и в известной же мере были объединению верны. От участников объединения, отличающегося высоким моральным духом, естественным образом ожидается готовность пойти ради него на небольшие, а возможно, и на крупные жертвы.*

Оба из имеющихся в Монтеграно формальных объединений — Церковь и государство — были привнесены туда извне;

если бы этого не произошло, их бы там не существовало. Неспособность создавать и поддерживать деятельность объединения, безусловно, играет важнейшую роль в сдерживании экономического развитии в регионе[2].

Несмотря на моральную и иную поддержку, которую она получает извне, Церковь в Монтеграно поражена всеобщей здесь неспособностью осуществлять совместную деятельность. В коммуне два прихода, в каждом — свой священник. Между священниками идет такое ожесточенное соперничество, что оба чинят препятствия любым затеям другого, хоть сколько-нибудь выходящим за рамки повседневной рутины; о возможности их сотрудничества даже речи не идет. (Однажды они чуть не подрались на площади; в другой раз, когда возле церкви одного прихода сделала остановку праздничная процессия другого, священник не позволил внести статую «чужого» святого в свою церковь.) Когда некие молодые люди попытались создать в Монтеграно отделение «Католического действия», светской организации, выступающей за утверждение принципов католического учения в светской жизни, они столкнулись с таким мощным саботажем со стороны враждующих священников, не желавших терпеть никакой активности, способной принести выигрышные баллы сопернику, что вскоре были вынуждены отказаться от своего замысла.

Из жителей Монтеграно вряд ли получаются хорошие солдаты. Аморальные фамилисты, какими бы отважными они ни

---

[2] Макс Вебер отмечает в книге «Протестантская этика и дух капитализма»: «Повсеместное господство абсолютной беззастенчивости и своекорыстия в деле добывания денег было специфической характерной чертой именно тех стран, которые по своему буржуазно-капиталистическому развитию являются „отсталыми“ по западноевропейским масштабам. Каждому фабриканту хорошо известно, что одним из основных препятствий в ходе капиталистического развития таких стран, как, например, Италия, является недостаточная coscienziosita [сознательность] рабочих, что отличает ее от Германии» (*Weber M.* The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. London: Allen and Unwin Edition, 1930. P. 57 [*Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Он же. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 78]).

были, битв не выигрывают. Солдатом в сражении движет верность объединению, в частности первичной группе товарищей по оружию, а не голая корысть.

Отсутствие привязанности даже к родным препятствует эмиграции и, опосредованно, экономическому развитию. На протяжении полувека вплоть до 1922 года из Монтеграно шла массовая эмиграция в Соединенные Штаты, а позже в Аргентину. В целом, однако, связи между уехавшими и теми, кто остался дома, были недостаточно сильны для того, чтобы образовались «цепочки» эмигрантов. Сотни человек в Монтеграно живут в надежде, что брат или дядя пришлет им из Америки «вызов», но такие вызовы приходят в коммуну редко. Люди теряются в недоумении, когда американские родственники не отвечают на их письма. А не отвечают они, скорее всего, потому, что в письмах из Монтеграно всегда содержатся разного рода просьбы, которые давно успели им надоесть. Почти полное отсутствие эмиграции, равно как и почтовых посылок от уехавших земляков, заметно мешает развитию местной экономики. Тем временем тесные связи с эмигрантами, которые добились успеха в Новом Свете, приносят огромную пользу некоторым итальянским коммунам, чей этос отличен от монтегранского[3].

---

[3] Дж.С. Макдональд пишет в частном письме: «С 1927 года итальянцы, не получившие государственной субсидии, могут переезжать в Австралию по приглашению и за счет уже обосновавшихся здесь родственников и друзей. Для того чтобы такого рода цепочки эмигрантов существовали на протяжении 30 лет, необходима некоторая солидарность между уехавшими и оставшимися. Жители Монтеграно, судя по всему, друг другу не помогают. В Реджо-ди-Калабрия солидарности на уровне коммуны тоже нет, зато наряду с взаимовыручкой внутри нуклеарной семьи сильна и самоидентификация в качестве члена сплоченной группы родственников и близких людей (в частности, *compari* и *comari* [крестных отцов и крестных матерей. — *Примеч. пер.*]). Участники таких семейно-дружеских групп образуют звенья миграционной цепочки. Поскольку разные семейно-дружеские группы пересекаются друг с другом, число цепочек стремительно растет, несмотря на отсутствие солидарности в коммуне. Сравнивая эмиграцию из калабрийских коммун двух типов — с развитой семейно-дружественной солидарностью и тех, где солидарность, как в Монтеграно, существует только внутри нуклеарной семьи, — я отмечаю, что в первом случае она идет значительно быстрее, чем во втором».

5. В обществе, состоящем из аморальных фамилистов, чиновники не солидаризируются с целями представляемой ими организации и поэтому не усердствуют больше, чем нужно для того, чтобы сохранить место или (если в принципе существует такая возможность) получить повышение. Подобным же образом, у специалистов и вообще образованных людей нет ощущения долга и призвания. Фактически официальная должность и приобретенная специальность рассматриваются их обладателями как оружие, которое следует применять в личных интересах.

Бюрократы южной Италии славятся своим равнодушием. «Ревностного чиновника встретить труднее, чем белую муху», — замечает мужчина, до пенсии 49 лет прослуживший на государственных должностях.

«От президента республики и до последнего итальянца, — говорит землевладелец, — ни у кого нет и намека на чувство долга, особенно долга заниматься производительным трудом».

Школьным учителям в Монтеграно абсолютно не знакомо чувство призвания. Они сплошь и рядом опаздывают на занятия, а то и вовсе на них не приходят. Учитель в лучшем случае честно отрабатывает четыре часа в день и больше никак не участвует в жизни учеников. Инженер, приехавший с севера Италии, был до глубины души поражен увиденным в Монтеграно. «На севере во время летних каникул, — говорил он, — учитель проводит для желающих дополнительные занятия. Берет детей на дальние прогулки и рассказывает им о природе. Или они вместе устраивают пикник и поют песни. Учитель остается со школьником и в стенах школы, и вне их». В Монтеграно инженер увидел, что учителя все лето околачиваются без дела на главной площади, а встречая учеников, с ними не заговаривают.

«Прилежание и образование, — говорит молодой учитель, родившийся в семье ремесленника, — помогли некоторым добиться успеха, потому что дали им преимущество над необразованными. Имея знания, проще использовать чужое невежество. Образованные и обманывать могут хитрее».

С другими специалистами ситуация более или менее та же. Аптекарь, левый социалист, ставший благодаря государственной монополии одним из богатейших людей в коммуне, не считает себя обязанным заказывать антибиотики и другие новые лекарства, которые прописывает больным врач, или отпускать самым нуждающимся лекарства в долг. И даже врач, человек во многих отношениях выдающийся, не чувствует необходимости обзавестись базовым комплектом инструментов и приспособлений, необходимых в современной медицинской практике.

6. В обществе, состоящем из аморальных фамилистов, закон соблюдается только под угрозой наказания. Поэтому частные лица заключают соглашения, для обеспечения исполнения которых может понадобиться обращение в суд, только если полагают, что закон будет соблюден, а стоимость гарантий его соблюдения не окажется настолько высокой, чтобы обессмыслить все предприятие.

Это, совершенно очевидно, еще одно препятствие для создания объединений, а также для экономического и любого другого развития.

Само собой разумеющимся считается, что от налогов уклоняются все, у кого есть такая возможность. Законы о минимальном размере оплаты труда, как и те, что обязывают работодателя делать взносы в фонд социального страхования за домашнюю прислугу, нарушаются повсеместно.

Практически любой работодатель, если он уверен в своей безнаказанности, недоплачивает работникам. Если работодатель из местных, работник может обратиться за справедливостью к начальнику карабинеров, чье неформальное влияние в коммуне очень велико. Если же нет, работник обычно остается обманутым. Так, подрядчики из Матеры, которые строили новое здание мэрии в Монтеграно, платили рабочим меньше установленного законом минимума, а некоторым вообще не заплатили за последний месяц работы. Поскольку работодатели были неместными, начальник карабинеров ничего с ними поделать

не смог. В принципе, рабочие имеют возможность пожаловаться в комиссию по труду в Потенце. На деле же им приходится смириться с обманом.

Часто бывает, что рабочий не идет к начальнику карабинеров, потому что боится себе навредить: он не может позволить себе портить отношения с работодателем и лучше не получит всех причитающихся ему денег, чем останется совсем без работы. Поэтому сложилась практика, что работодатель платит как и когда ему удобно. Не редкость, что крестьянин с шапкой в руке месяц за месяцем является к господину и вежливо просит наконец заплатить заработанные им доллар или два.

Взаимным недоверием между землевладельцами и арендаторами отчасти обусловлено то, что значительная часть земли в Монтеграно поделена на крошечные участки, которые обрабатываются их владельцами. Вместо того чтобы арендовать большие угодья — это выгоднее, но связано с необходимостью договариваться с их владельцем, — крестьянин предпочитает в одиночку заниматься своим нерентабельным хозяйством. Мы спросили у двадцати одного крестьянина, что́ бы они выбрали: иметь собственные восемь акров или стать издольщиком на чужих сорока. Только один ответил, что предпочел бы возделывать чужую землю: «Пусть надо мной будет начальник и работать придется больше, но зато я заработаю, сколько по-другому не заработаешь». Остальные решили, что тяжкая необходимость общения с землевладельцем сводит на нет всю выгоду работы в большом хозяйстве. Объяснения, которые они дали своему выбору, показывают, насколько страх, подозрительность и ненависть осложняют любое сотрудничество[4]:

---

[4] Семнадцати из этих крестьян был задан вопрос, что́ бы они выбрали: собственные восемь акров или гарантированную работу за 1000 лир в день. Одиннадцать человек предпочли работу за деньги, причем десять из них объяснили свой выбор тем, что так спокойнее и надежнее. Из шестерых, выбравших собственную землю, двое сказали, что на ней они заработают больше, чем 1000 лир в день; двое — что на своей земле они не будут зависеть от работодателя; и еще двое объяснили, что так они и зарабатывать будут больше, и зависеть ни от кого не придется. Зарплата

Я бы лучше взял восемь акров земли, а не арендовал сорок, потому что, когда ты владелец, никто тебе не указывает, что и как делать, и вдобавок не приходится вечно думать о том, что завтра причитающаяся тебе половина может вдруг стать не твоей, и из-за этого все время быть настороже.

Я бы предпочел иметь свои восемь или меньше акров, вместо того чтобы обрабатывать чью-то еще землю. Работать на чужой земле я уже несколько раз нанимался — ничего хорошего в этом нет, потому что хозяева все время думают, что ты их обворовываешь.

Иметь немного собственной земли лучше, чем арендовать сорок акров, потому что, как я уже говорил, я не выношу богатых, которые весь год где-то прохлаждаются, а появляются только, когда пора делить урожай, который я вырастил ценой таких трудов и лишений.

7. *Если аморальный фамилист, занимающий государственную должность, имеет возможность безнаказанно брать взятки, он их берет. Однако независимо от того, берет он взятки или нет, общество аморальных фамилистов все равно считает его взяточником*[5].

в 1000 лир в день в представлении крестьян ассоциируется с «компанией» — вроде тех, что берут у государства подряды на ремонт дорог, — а не с работой на частное лицо. С компанией, по мнению крестьян, меньше вероятность нарваться на обман, и в целом она надежнее. Один из крестьян ответил, что выберет зарплату, если работодателем будет компания, и землю — если частное лицо.

[5] Интервью, которое И.А. Бейн из проекта «Полевые исследования американских университетов» взял у мэра-коммуниста коммуны Гроттоле в Лукании, дает почувствовать знакомую нам по Монтеграно атмосферу всеобщего недоверия и поиска личной выгоды. Объяснив Бейну, что крестьяне Гроттоле не могут работать сообща, поскольку каждый из них пытается урвать что-то для себя, мэр спросил, не подарят ли американцы его коммуне трактор. Получив отрицательный ответ, разочарованный мэр сказал: «Вы сейчас отсюда уйдете, а я выйду на улицу, и там люди спросят меня: „Они обещали тебе нам помочь?“ И я в ответ попытаюсь объяснить, что вы не официальные лица и даже не туристы, а всего-навсего журналисты. „Зачем тогда, — спросят меня люди, — ты на наши деньги покупал для них вино и кофе, если ничего не получил взамен?“»

В завершение интервью Бейн положил на стол перед мэром несколько тысяч лир и попросил распорядиться ими с наибольшей пользой. Может быть, в коммуне

Определить истинный масштаб взяточничества в Монтеграно невозможно. Однако, судя по множеству свидетельств, оно здесь считается обычным делом. Крестьяне уверены, что чиновник, набирающий людей для общественных работ, первыми берет тех, кто приходит к нему с подарками. И что мэр Спомо сколотил состояние бесконкурсными продажами общественного леса. По мнению людей осведомленных, коррупция в администрации коммуны крайне маловероятна — за ней слишком пристально наблюдают из Потенцы. При этом многие представители высшего класса считают, что в целом взяточничество и протекционизм на юге Италии широко распространены. Как говорит один школьный учитель,

> *сейчас чего-то добиться можно только с помощью взяток и знакомств. Без этой заразы не обходятся ни одни экзамены. В первые выбиваются те, у кого сильнее покровители. По-моему, это отвратительно. Я на что угодно готов, лишь бы больше со всем этим не сталкиваться.*

Крупный по местным меркам коммерсант строит в Монтеграно кинотеатр. Чтобы кинотеатр заработал, необходимо получить разрешение от уполномоченного ведомства. Запрос о выдаче разрешения, поданный несколько месяцев назад, до сих пор лежит без движения. «Если я возьму конверт, положу внутрь 160 долларов и суну его в нужный карман, разрешение выдадут мигом, — рассказывает он интервьюеру. — Все дела здесь

есть фонд для покупки рождественских подарков детям? Мэр сначала испугался, а потом вежливо, но твердо отказался брать деньги: «Вы не знаете здешний народ. Если я приму этот подарок, люди на улице скоро начнут спрашивать, а не было ли денег больше и сколько я оставил себе. Да и никакого рождественского фонда у нас нет — откуда бы ему взяться и кто бы стал в него жертвовать?»

Два года спустя Бейн снова посетил Гроттоле. Знакомый ему мэр, проиграв выборы, лишился должности и запил. «Он ничего не делал для людей, и они от него устали, — объяснил Бейну один из жителей коммуны. — Теперь у нас новый мэр — настоящий фашист. Но он тоже ничего делать не будет» (сообщения «Полевых исследований американских университетов» от 17 декабря 1954 года и 21 февраля 1957 года процитированы с разрешения правообладателя).

решаются с помощью маленького желтого конверта. Большое у тебя дело или маленькое — для любого нужна взятка».

«Почему же вы ее не дадите?» — «Потому что у меня нет лишних 160 долларов».

8. *В обществе, состоящем из аморальных фамилистов, слабый всегда на стороне режима, который твердой рукой поддерживает порядок.*

До тех пор пока фашистский режим не втянул страну в войну, он нравился многим крестьянам — во всяком случае, они сейчас так говорят, — поскольку защищал их, укрепляя правопорядок. Ниже приведены ответы крестьян на вопрос «Чего, как они сами утверждали, хотели фашисты?»:

Фашисты говорили, что хотят всем распоряжаться. При них запрещалось говорить какие-то вещи, зато Муссолини был хорошим администратором. Фашисты были очень плохими, но при их власти дети могли пойти куда угодно и за них можно было не волноваться. А теперь, чтобы не ограбили, надо одной рукой за карман держаться, а другой — за шапку.

Фашисты хотели лучшей жизни для крестьян. Они ввели восьмичасовой рабочий день и нормированную оплату. В газетах печатали, какой она должна быть. Если хозяин заставлял тебя работать десять часов в день, ты шел в комиссию по труду, и она велела ему заплатить тебе по справедливости. Теперь каждый за себя и все хотят, чтобы крестьянин больше работал и меньше за это получал.

Я не знаю, чего они хотели, но законы они ввели строгие. При них был порядок, каждый знал свои права и свои обязанности. У людей было право получать плату за свою работу, а у тех, кто их нанимал, была обязанность платить за сделанное. Еще они о детях заботились. Выдавали пособия многодетным семьям, помогали, когда рождался новый ребенок. Сейчас вроде бы тоже помогать должны, но никто за этим не следит.

Я не помню, чего хотели фашисты. Помню только, что тогда жилось лучше, чем теперь. В те времена работник всего имел в достатке и горя не знал. И власти ему много и по-разному помогали. А сейчас им до него нет дела. При фашизме никогда не бывало такого, что в наши дни творится сплошь и рядом. Сейчас рабочему приходится дожидаться, пока ему заплатят… пока хозяин соблаговолит заплатить. Иной раз по несколько месяцев ждешь. При фашизме такое было невозможно.

Землевладелец отвечает в том же духе:

При фашистах родителей обязывали посылать детей в школу. Они не могли отговорится тем, что у них нет одежды или книг, потому что правительство на самом деле обеспечивало школьников из бедных семей всем необходимым. У школы каждое утро в полдевятого стоял специальный человек. Он выдавал детям хлеб и сыр или джем, и они завтракали уже в школе. Уроки начинались в девять. Теперь, если для школьников нашей коммуны выделяется десять комплектов школьной формы, до нас хорошо если рукав от одной куртки дойдет — остальное где-то по дороге растворяется. Законы-то остались прежние, но их больше никто не исполняет.

Коммерсант утверждает, что при фашистском государственном регулировании условия для покупателей были лучше, чем при нынешнем свободном рынке:

Ткани четко делились по сортам, на кромке каждого отреза стояла фиксированная цена. Все строго регулировалось. И ты всегда знал, что получишь за свои деньги. А сейчас, если не очень хорошо разбираешься в мануфактуре, продавец может задорого всучить тебе бросовый товар. Раньше было лучше и покупателям, и продавцам. Покупатель знал, что берет, а продавец всегда мог рассчитывать на свои честные двадцать-тридцать процентов. А в наше время некоторые и по сто процентов имеют.

Учитель так вспоминает период правления фашистов:

При фашистах среди учеников были сильны дух соревновательности и дисциплина. Теперь не то: дети растут грубиянами, а учитель вынужден в стенах школы все время иметь при себе палку, потому что ученики постоянно друг с другом дерутся.

9. *В обществе, состоящем из аморальных фамилистов, никто не верит людям или организациям, которые объясняют свои действия заботой об общем, а не о собственном благе.*

Один молодой человек сказал нам:

Если бы я решил сделать что-нибудь для Монтеграно, я бы выдвинул свою кандидатуру на выборы мэра, и все стали бы задаваться вопросом: «Интересно, зачем ему понадобилось становиться мэром?» Каждый раз, когда кто-то хочет что-то сделать, у людей возникает один вопрос: зачем ему это?

В Монтеграно сильны антиклерикальные настроения, причем священникам обычно ставятся в вину алчность и лицемерие. В действительности, священники заботятся о своей выгоде не больше других специалистов и живут не богаче их. Но поскольку Церковь проповедует бескорыстие, для таких нападок ее служители уязвимее прочих.

К социалистам и коммунистам, как и к священникам, часто относятся как к лицемерными жуликами. «Бывают социалисты только на словах, а бывают — всем сердцем», — говорит крестьянская женщина.

Ожесточенные и, на посторонний взгляд, несправедливые обвинения в лицемерии, с такой щедростью раздаваемые крестьянами, можно, наверное, отчасти считать проявлением чувства вины. Как уже было сказано, крестьянин прекрасно знает, что милосердие — это добродетель. Оттого, что сам он его ни к кому проявляет, крестьянин испытывает вину, выливающуюся у него во враждебность по отношению к тем организациям — и в особенности к Церкви, — которые проповедуют добродетель милосердия и через которые он, возможно, хотел бы косвенно к этой добродетели приобщиться.

10. *В обществе, состоящем из аморальных фамилистов, не существует связи между абстрактными политическими принципами (то есть идеологией) и реальным поведением в повседневной жизни.*

Самые видные левые социалисты в Монтеграно — врач и аптекарь, одни из богатейших жителей коммуны. Врач обращался к властям с просьбами о постройке больницы, но сам не организовал пункта экстренной помощи и даже должным образом не оборудовал собственный кабинет. Аптекарь, монопольный обладатель государственной лицензии, оказывает минимально возможный набор услуг по чрезвычайно высоким ценам (синьоре Прато одна-единственная таблетка аспирина обошлась в пять центов!) и абсолютно не интересуется местными делами, даже явно требующими его участия.

Несоответствие между идеологией и реальными делами дискредитирует идеологию в глазах крестьян. Прато был в числе тех, кто собрались на пьяцце по призыву доктора Франко Джино, решившего создать в Монтеграно отделение Социалистической партии. Позднее Прато рассказывал:

> *Я несколько раз ходил на собрания, и мне очень нравилось, что там говорили. Но той весной дон Франко, чтобы вспахать междурядья на винограднике, нанял мула. И тогда я подумал: как же так? Что же это за социализм? Почему дон Франко, если он такой социалист, нанял мула, вместо того чтобы нанять тех десятерых рабочих, которых нанимал раньше? Теперь десять человек остались без работы. А они бы обошлись ему не дороже мула.*

Врач, когда ему передали слова Прато, воскликнул:

> *Что за чушь! Вручную люди, которые знают свое дело, вспашут лучше, чем мул. Но за здешними работниками нужен постоянный присмотр, потому что они толком ничего не умеют, а торчать на винограднике, пока они не закончат, это ужасно неудобно. Когда пашут на муле, можно хотя бы быть уверенным, что междурядья будут ровные.*

11. *В обществе, состоящем из аморальных фамилистов, не бывает ни лидеров, ни последователей. Никто не станет составлять план действий и убеждать других взяться за его исполнение (за исключением случаев, когда это позволяет извлечь личную выгоду), а того, кто предложит себя на роль лидера, люди не примут, так как не будут ему доверять.*

По всей видимости, у крестьян Монтеграно никогда не было лидера из их собственной среды. При этом для появления такого лидера есть реальные предпосылки: можно было бы, например, ожидать, что общие претензии к нанимателям приведут к зарождению солидарности в бригадах работников, занятых ремонтом дорог.

Подозрительность крестьян по отношению к предполагаемым лидерам, очевидно, затрудняет просветительскую деятельность врача, акушерки и агронома. Так, когда крестьянку спросили, дает ли ей акушерка советы по вопросам контроля за рождаемостью, она ответила: «Разумеется, нет. Ведь ей же невыгодно, чтобы я меньше рожала».

Ближайшее подобие лидерства можно усмотреть в отношениях «патрон-клиент». Мелкими благодеяниями (одолжив зимой несколько бушелей зерна, подарив ненужную одежду или взяв ребенка из большой семьи в услужение к себе в дом) состоятельный житель коммуны может собрать себе клиентелу из людей, которые чем-то ему обязаны и его уважают. Такие клиенты могут считаться «последователями», но сам патрон при этом отличительными признаками «лидера» не обладает. Кроме того, никто из состоятельных жителей Монтеграно не стремится обзавестись внушительной клиентелой. Это, возможно, отчасти объясняется тем, что первые семьи коммуны не враждуют между собой, и поэтому преимущества, которые могла бы давать клиентела, не окупают забот, связанных с ее содержанием.

12. *Аморальный фамилист использует свое избирательное право с целью в кратчайший срок обеспечить себе максимальную материальную выгоду. Даже если у него имеются определенные*

представления о собственной долгосрочной выгоде, об интересах общества и своего класса, они не влияют на его выбор, когда речь так или иначе заходит о сиюминутной материальной выгоде его семьи.

Прато, например, — убежденный монархист: он родился и рос в семье монархистов и считает, что монархический строй подходит Италии лучше других, потому что страна слишком бедна и не может позволить себе частые выборы. Убеждения, однако, не влияют на то, как он голосует. «Перед выборами, — объясняет Прато, — все партии присылают людей, которые говорят: «Голосуйте за нашу партию». Мы всегда отвечаем: «Хорошо», но когда идем голосовать, отдаем голоса за партию, которая, как нам кажется, больше для нас сделала». Христианские демократы ежегодно обеспечивают Прато несколько дней на дорожных работах, поэтому он за них и голосует. Если они перестанут давать ему работу, а никакая другая партия при этом ничего полезного для него не пообещает, он снова станет монархистом. Пока мэр Спомо может чего-то добиться от министра сельского хозяйства, он остается на посту, несмотря на высокомерие и вороватость. Если советникам Вива и Лассо удается заполучить более масштабный проект общественных работ или сделать это быстрее мэра, он своей должности лишается.

13. *Аморальный фамилист ценит выгоду, которую получает сообщество, настолько, насколько при этом выигрывает он сам и его семья. Он голосует против мер, полезных для сообщества в целом, если они не идут на пользу ему лично, поскольку в этом случае ему кажется, что его положение, объективно оставшееся неизменным, стало хуже в сравнении с улучшившимся положением соседей. Поэтому бывает, что меры, определенно выгодные большинству, встречают сопротивление со стороны тех, кто считает, что их выгода при этом не учтена или учтена в недостаточной мере.*

В 1954 году на выборах в Бассо Христианско-демократическая партия ставила себе в заслугу внушительные суммы, по-

траченные благодаря ей на общественные работы. Избиратели тем не менее ушли от нее к коммунистам. Такому поведению может быть несколько причин (так, например, кандидатом от христианских демократов был торговец, который никому не отпускал в долг и вызывал у людей глубокую неприязнь), но, скорее всего, против христианских демократов сыграла их собственная агитация. Видя, какие громадные деньги были потрачены, избиратели спрашивали себя: кому же они все достались? Почему мне не дали того, что мне по справедливости причитается?

Любой аморальный фамилист в любой ситуации чувствует себя обделенным.

14. *В обществе, состоящем из аморальных фамилистов, избиратели мало доверяют предвыборным обещаниям. Они скорее отплатят своим голосом за уже полученные блага (разумеется, в ожидании новых), чем отдадут его за щедрые посулы.*

Так, Прато, как сказано выше, придает большее значение тому, что уже сделано, а не тому, что ему обещают. «Все партии что-то обещают, — говорит он. — Христианские демократы, когда получили возможность, сделали много полезного. Зачем их менять на кого-то еще?» А автор письма, приведенного в первой главе, рассказав о воодушевлении, с каким после поражения Спомо приняли в коммуне нового мэра, выразительно добавляет: «Посмотрим, как пойдет дальше».

Принцип голосования за уже полученные, а не за обещанные блага очевидным образом выгоден партии, находящейся у власти. Но часто всю выгоду от него нейтрализует другой принцип, который формулируется следующим образом:

15. *В обществе, состоящем из аморальных фамилистов, любая власть считается коррумпированной и пекущейся исключительно о собственных интересах. Вскоре после выборов избиратели приходят к выводу, что новоизбранное начальство*

наживается за их счет и не намерено исполнять предвыборные обещания. Соответственно, в следующий раз избиратель, пекущийся исключительно о собственных интересах, своим голосом воздаст действующей власти не за полученные блага, а за понесенный ущерб, иными словами, использует выборы, чтобы ее наказать.

Избиратель может так наказать даже партию, чья победа ему выгоднее, чем победа любой другой, если он уверен, что его голос не помешает ей победить. Поскольку голосование тайное, он таким образом удовлетворит свое чувство мести (или справедливости), ничего при этом не теряя. Хотя, впрочем, существует некоторый риск, что слишком многие поступят так же, и партия, чьей победы хочет большинство, выборы проиграет.

Именно этим объясняется массовый переход избирателей коммуны Аддо от христианских демократов к коммунистам. Священник в Аддо был слегка не в себе. Некоторые его странности ни у кого недовольства не вызывали (он, например, одевался кардиналом и требовал курицу как часть платы за венчание), но когда за несколько дней до выборов он исчез из городка, прихватив с собой макароны, сахар и другие подарки, присланные к выборам из Ватикана, избиратели Аддо пришли в ярость. Священник, приехавший ему на смену, положение исправил.

16. *Несмотря на готовность избирателей продавать свои голоса, в обществе, состоящем из аморальных фамилистов, не может существовать «политической машины», то есть устойчивого механизма их скупки. Этому есть по меньшей мере три причины: а) при тайном голосовании нельзя полагаться на то, что аморальный избиратель проголосует так, как обещал тому, кто ему заплатил; б) механизм скупки голосов не принесет в кратчайшие сроки такой большой материальной выгоды, чтобы имело смысл тратиться на его создание; в) по причинам, изложенным выше, в таком обществе очень трудно поддерживать существование какой бы то ни было организации.*

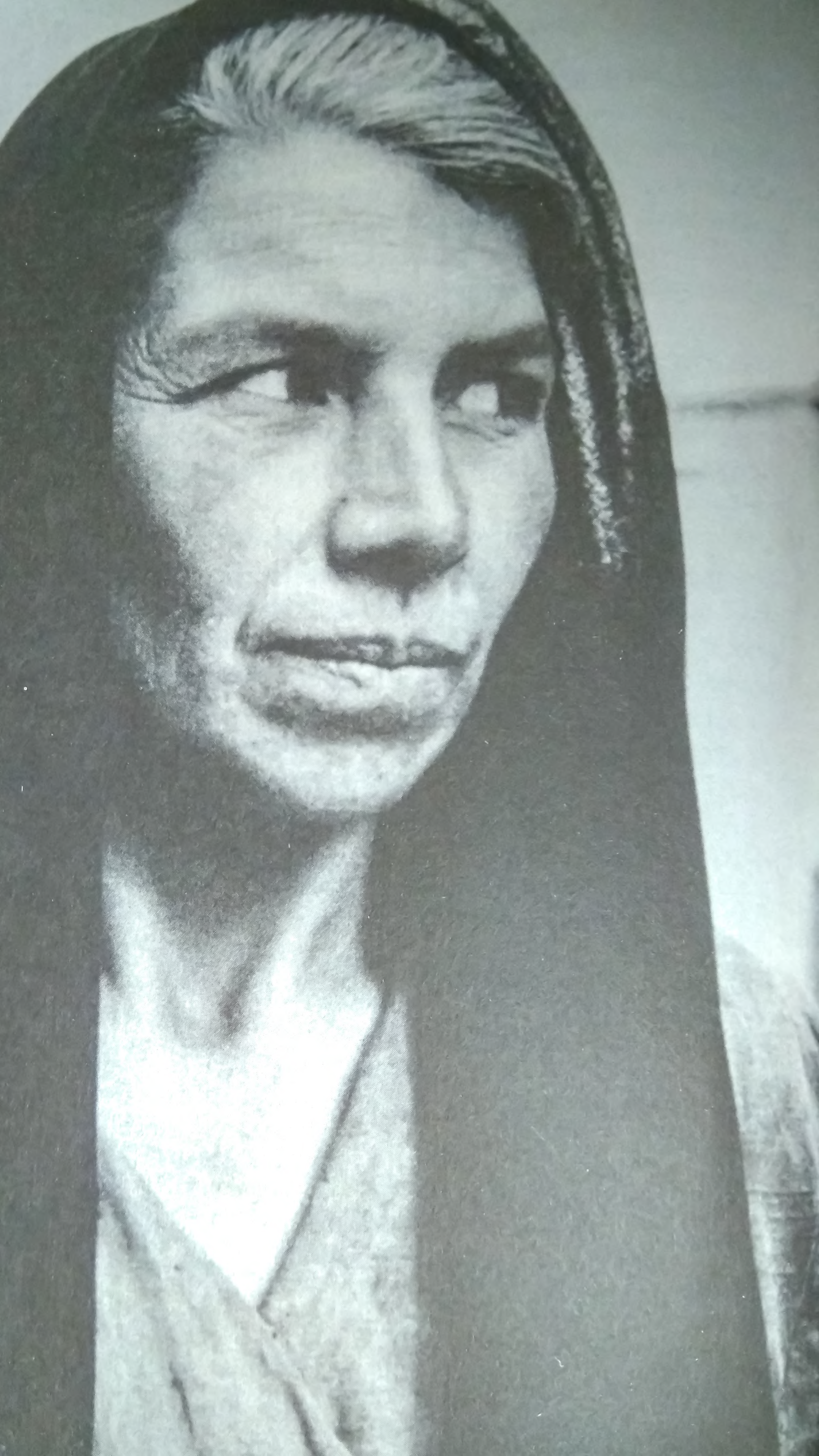
Прато говорит «да» всякому, кто просит его голос. Поскольку нет уверенности, что он проголосует, как обещал, ни одна из партий не пытается ему за голос заплатить. Макароны и сахар, раздаваемые от имени партий, это скорее знак внимания, а не взятка. Их стоимость ничтожна по сравнению с суммами, которые тратились бы на подкуп избирателей, если бы существовал способ заставить их соблюдать договоренности.

17. *В обществе, состоящем из аморальных фамилистов, партийные деятели продают свои услуги тому, кто больше заплатит. Их манера запросто переходить из лагеря в лагерь способствует внезапным переменам в расстановке сил на выборах*[6].

Секретарь монтегранского отделения Монархической партии внезапно переметнулся к коммунистам из-за того, что миланская штаб-квартира задержала выплату вознаграждения за его услуги. Монархисты со временем уладили недоразумение, и он как ни в чем не бывало вернулся к исполнению обязанностей секретаря отделения своей партии.

---

[6] О том, что избиратели Монтеграно ведут себя практически так же, как избиратели в большей части сельской Италии, свидетельствуют данные не датированного доклада Аналитического управления разведки, основанного на исследовании, проведенном нью-йоркской компанией International Research Associates, Inc. Компания составила подробные «очерки» политической ситуации в 76 итальянских коммунах, насчитывающих от 200 до 7000 избирателей. Исследование охватывало коммуны, где на выборах 1953 года коммунисты либо одержали крупную победу, либо потерпели сокрушительное поражение. Сведения собирались путем опроса на местах, в ходе которого опрашиваемых просили дать объяснение перемене электоральных симпатий в их коммунах. Из доклада явствует, что сильнее всего на поведение избирателей влияли местные экономические проблемы. Вопросы экономической доктрины значили для них меньше. Менее всего людей интересовали общенациональные вопросы — такие, как монархия, Церковь и внешняя политика. «Наряду с местными экономическими проблемами, — говорится в докладе, — причиной крупных перемен в распределении голосов стали коррупция, казнокрадство, несправедливость (реальная или воображаемая) и неспособность выполнить предвыборные обещания».

Глава 6

Этос на практике

Ценность гипотезы, выдвинутой в начале предыдущей главы, не зависит от возможности или невозможности продемонстрировать, что все жители Монтеграно или хотя бы некоторые из них осознанно следуют сформулированному в ней правилу. Для того чтобы гипотеза была полезной, достаточно показать, что они ведут себя так, *как если бы* ему следовали[1].

В действительности, однако, поведение жителей Монтеграно — во всяком случае, то, которое демонстрируется ими не по привычке, — основано на отношениях, ценностях, убеждениях и идеях, которые согласуются с этим правилом и могут быть к нему сведены. В этой главе перечисленные составляющие этоса будут описаны в том виде, в каком они воплощаются в поведении людей. Однако в Монтеграно, как и везде, существует расхождение между «реальным» и «идеальным» поведением — между тем, «что есть» и «как должно быть». Поэтому в следующей главе описание отношений, ценностей, убеждений и идей будет продолжено, но там акцент будет сделан на этосе как комплексе норм, имеющих мало общего с житейской практикой.

---

[1] Методологическая основа этого утверждения рассматривается Милтоном Фридманом (*Fridman M.* Essays in Positive Economics. Chicago: University of Chicago Press, 1953. P. 19).

Рассказ об этосе Монтеграно следует начать с того, что индивид в нем неразрывно привязан к семье. По сути, едва ли правомерно говорить о личности взрослого человека вне контекста семьи: он существует на свете не как «я», а как «родитель». В большинстве из 320 историй, рассказанных 16 крестьянами в ходе тематических апперцептивных тестов[2], главный персонаж явным образом и без всякой необходимости с точки зрения развития сюжета называется отцом или матерью, сыном или дочерью. Как волшебные сказки начинаются со слов «жил-был король...», так испытуемые из Монтеграно начинают свои рассказы словами «однажды отец...». Если рассказчик хочет пробудить сочувствие к своему персонажу, он описывает его как бедняка, который трудится с утра до ночи, чтобы прокормить своих многочисленных отпрысков, или, если речь идет о женщине, как бедную вдову с единственным ребенком.

Семья состоит из отца, матери и их неженатых и незамужних детей. У них, разумеется, есть родственники, но они в строгом (и оттого узком) смысле членами семьи не считаются.

Взрослый человек, таким образом, рассматривается как родитель, воспитывающий детей. В Монтеграно воспитание детей считается — и на самом деле является — тяжелой, непрекращающейся борьбой. Только ради того, чтобы члены семьи не умерли от голода, родители вынуждены работать, не покладая рук. Но ведь на них, кроме того, лежит обязанность «вывести детей в люди», то есть дать им возможность вступить в брак и вырастить собственное потомство. Это невозможно сделать без того, чтобы не приносить постоянных «жертв» ради детей. («Жил на свете бедный человек, у которого было много детей и который всем пожертвовал, чтобы вывести их в люди...» — типичное начало истории, рассказанной в ходе ТАТ.) Дети, естественно, ленивы и своенравны; бывает, что никакими нотациями, выволочками и побоями любящим родителям не уда-

[2] См. примечание 10 в главе 3.

ется наставить их на путь истинный. Поэтому отцу и матери приходится тратить массу сил, чтобы справиться с врожденным легкомыслием своих отпрысков. («У бедного человека был сын, который не слушал отцовских советов...»)

Старания Джеппетто направить на верный путь своего Пиноккио — типичный пример того, что является основным и неизбежным занятием любого жителя Монтеграно[3].

Невзирая на все усилия родителей, семья может быть внезапно разрушена или принуждена просить милостыню. Крестьянин постоянно ждет ужасных несчастий, которые могут в любой момент свалиться на его голову. О бедствиях или неприятностях говорится в 90 процентах историй, рассказанных в ходе ТАТ; в некоторых историях бедствия и неприятности удается предотвратить, но в подавляющем большинстве — нет. Только две или три из 320 историй имели радостный настрой.

Вот, например, какую «картину» жена Прато «увидела» на чистом листе. Все жители Монтеграно, проходившие тестирование, рассказывали похожие истории, оканчивающиеся смертью и непоправимыми бедствиями:

Женщина горестно смотрит на умершего ребенка. Семья у нее очень бедная, они с мужем много работали и во всем себе отказывали. Ребенок у них был единственный, и поэтому они его безмерно любили и ничего ради него не жалели. Но однажды ребенок заболел. Родители решили сначала, что болезнь у него пустяковая, но он никак не выздоравливал; наоборот, ему становилось все хуже. На то, чтобы его спасти, они потратили то немногое, что у них было, но врачи больному не помогли. Проболев полгода, ребенок умер, оставив мать с отцом в горе и нищете.

---

[3] Автор «Приключений Пиноккио» — северянин, но все, сказанное об этосе Монтеграно, относится к северу Италии, очевидно, в не меньшей мере, чем к югу. Десять крестьян из провинции Ровиго (область Венето), которым был предложен тот же самый ТАТ, продемонстрировали схожую, хотя и менее выраженную склонность рассматривать любую ситуацию с семейной точки зрения.

Таблица 3. Доля историй, рассказанных в ходе ТАТ, в которых содержится тема бедствий и неприятностей, %

	Южная Италия[1]	**Северная Италия**[2]	**Канзас**[3]
а. Бедствие; в финале героя настигает смерть, безумие, крушение всех надежд	*44*	*13*	*9*
б. Неприятности; в финале герой получает увечье, лишается денег, скота и т.п.	*20*	*11*	*7*
в. Предотвращенное или смягченное несчастье; истории о спасении и напрасных страхах	*26*	*38*	*26*
г. Безопасность; история не обязательно радостная, но не содержащая темы угрозы	*7*	*29*	*50*
д. Не поддающиеся классификации; обрывочные или сугубо описательные	*3*	*9*	*8*
Всего	*100*	*100*	*100*

Примечания: 1) 320 историй, рассказанных шестнадцатью сельскохозяйственными работниками из Монтеграно (семью супружескими парами и двумя молодыми людьми); все респонденты прошли полный тест Мюррея; 2) 200 историй, рассказанных десятью сельскохозяйственными работниками из провинции Ровиго (пятью супружескими парами); все респонденты прошли полный тест Мюррея; 3) 386 историй, рассказанных тридцатью фермерами (пятнадцатью супружескими парами) из Винланда, штат Канзас; в ходе теста Мюррея использованы рисунки 1, 2, 3BM и GF, 4, 5, 6BM и GF, 10, 11, 13, 16, 18BM и GF, 19 и 20.

Обычные люди, принадлежащие к другой культуре, при прохождении теста не выказывают такой поглощенности темой несчастий. В таблице 3 ответы крестьян из Монтеграно сравниваются с тем, как отвечали на задания того же теста сельскохозяйственные работники из провинции Ровиго и фермеры из штата Канзас. Все 16 жителей Монтеграно рассказывали истории, заканчивающиеся бедствием, — в среднем по 8,7 такой истории каждый. Из 10 северян 9 человек рассказали в среднем по 2,9 такой истории. Из 30 сельских жителей Канзаса только у 19 человек рассказы иногда заканчивались бедствиями, причем на каждого из них приходится по 1,5 рассказа с таким концом.

Жители Монтеграно отдают себе отчет в этом своем обостренном страхе перед будущим и даже используют для него особое слово. *Preoccupazione* — это смесь озабоченности, страха, тревоги и постоянного ожидания беды. Это чувство может быть связано с каким-то конкретным, даже не очень важным вопросом. Но чаще всего словом *preoccupazione* описывают смутный хронический страх за благополучие семьи. Вдруг буря уничтожит урожай? Или умрет один из родителей, а то и оба сразу? Крестьянин считает тяжкий груз вечного беспокойства отличительной особенностью своего класса. Но благородный господин тоже может испытывать *preoccupazione* — например, задумавшись, что станет с его семьей, если он не сумеет собрать приданое для дочерей.

Как видно из таблицы 4, крестьянин из Монтеграно больше боится природы, чем человека. В нем особенно велик страх смерти по естественным причинам. Северяне рассказали так мало историй с катастрофическим концом, что таблица не позволяет сделать о них сколько-нибудь надежных выводов; однако, насколько можно судить, беды они склонны ждать скорее от человека, чем от природы.

Таблица 4. Причины смерти в рассказанных в ходе ТАТ историях, которые заканчиваются преждевременной гибелью, %

Причины смерти	Доля от всех историй, которые заканчиваются гибелью — Южная Италия	Северная Италия
А. Внешние по отношению к человеку		
1. Болезнь и другие естественные причины	*33*	*7*
2. Война	*9*	*7*
3. Несчастный случай (охота, нападение животного и т.п.)	*24*	*16*
Всего	*66*	*30*
Б. Действия конкретного человека		
4. Злонамеренное или преступное действие	*17*	*35*
5. Действие, продиктованное любовью, вожделением или ревностью	*13*	*31*
Всего	*30*	*66*
В. Не поддающиеся классификации	*4*	*4*
Всего	*100 (136 историй)*	*100 (26 историй)*

***

В таком пугающем мире взрослый член семьи не может рассчитывать только на собственные силы и предприимчивость. Условия и пути достижения успеха определяет не он. Даже добившись желаемого, он может в итоге пасть жертвой враждебного стечения непреодолимых обстоятельств. Вот, например, история, которую рассказал Паоло, глядя на чистый лист:

На этой картинке нарисован красивый дом с садом и небольшим фонтаном перед входом. Один человек с огромным трудом и во всем себе отказывая сумел скопить немного денег. Он купил участок земли, а сам при этом продолжал упорно работать и зарабатывать. Со временем, жертвуя всем чем только можно, он построил этот прелестный, просторный дом. Но порадоваться достигнутому человеку не удалось: как только дом был закончен, человек неожиданно умер.

Некоторые — но далеко не все — жители Монтеграно ищут защиты от бедствий у святых и Бога. Так, крестьянка, чья жизнь состоит из ежедневной дороги на принадлежащее ей поле и обратно домой, благодарна Богу, по милости Своей оберегающему ее в пути.

Проснувшись утром, я благодарю Бога за то, что Он сохранил нас для нового дня, а вечером, когда мы с козой, свиньей, барашком и детьми возвращаемся домой с поля, я ложусь спать и благодарю Бога за то, что Он дал нам прожить еще один день… что день прошел, не принеся вреда.

По мнению верующего, только божественное вмешательство способно обуздать яростный смерч событий, привнести в жизнь островки порядка и предсказуемости, тем самым создав условия для того, чтобы человеческие усилия могли увенчаться успехом. Паскуалина каждое утро начинает словами: «Боже, помоги мне прожить этот день». Она говорит так, потому что бедна и поэтому должна уповать на Божью помощь. Паскуалина знает, что Ему известно, как ей живется, и что именно по Его воле ей живется так, а не как-то иначе. Чтобы ни происходило, она всегда в руках Божьих. Ничто ей не дается без Его помощи.

В этом году мы посеяли три томоло пшеницы и надеялись собрать четырнадцать или пятнадцать. А собрали пять. Но каждый год мы все равно сеем, потому что верим, что Бог от нас не отвернется. Так и сеем каждый год в надежде на лучшее и на Его помощь.

Беду отводит Бог, но набожному человеку тоже неплохо бы в этом поучаствовать. Паскуале с женой ежегодно покупают удобрения, «чтобы, если Христос пошлет нам хороший год, то, что зависит от нас, было бы уже сделано». Но поскольку невозможно заранее знать, вмешается Бог или нет, с Ним жизнь не более предсказуема, чем она была бы, если бы Его не существовало или если бы Он никогда не вмешивался в ход событий. «Все, что мы имеем, нам дает Христос, — говорит Паскуале и тут же добавляет: — Но при всем при том, мы всегда в глубоком проигрыше». Они с женой сделали ставку на Божью милость и из года в год покупают удобрения, отчего погрязли в долгах.

Многие в Монтеграно совсем не набожны. В том, что Бог есть, они не сомневаются и считают нужным относиться к Нему с уважением. При этом, как они считают, ни хорошим поведением, ни даже молитвой Его милости и заступничества не заслужить[4]. Бог — как везение, которое, если им можно управлять по собственному усмотрению, перестает быть везением[5].

Получается, что настоящего успеха помогают добиться либо везение, либо благосклонность святых, а никак не бережливость, трудолюбие и предприимчивость. Эти добродетели важны лишь для того, кому и без того везет, и мало кто готов потра-

---

[4] Весной, кидая в землю первую пригоршню пшеничных зерен, Прато произносит: «Во имя Господа». Последнюю пригоршню он провожает восклицанием: «Расти! Расти!» Если случается засуха, священник молится о дожде. Жатву Прато тоже начинает словами «Во имя Господа». В то же время он уверен, что произнесение этих формул никак не сказывается на урожае: «Когда устанавливается нужная для дождя температура, он идет, молишься ты или нет». Тем не менее Прато считает себя человеком набожным и утверждает, что помолиться — дело хорошее, несмотря на то что от него нет никакой практической пользы.

[5] «В Калабрии, — пишет мне Дж.С. Макдональд, — ритуал — это способ заручиться сверхъестественным заступничеством и обеспечить благоприятное развитие событий. Но в условиях, когда моральная сторона христианства отодвинута на второй план и нет мерила, которое позволяло бы предугадать, достоин ли тот или иной человек ниспослания чуда (священников надежными арбитрами и образцами для подражания никто не считает), неизбежны огромные сомнения в пользе ритуала для привлечения благодати и удачи».

тить массу душевных сил — как и кучу удобрений — в надежде на такое маловероятное развитие событий[6].

Идея, что благополучие человека почти полностью зависит от неподвластных ему обстоятельств — от везения или от каприза кого-то из святых, — а сам он может, в лучшем случае, только развить удачу, а не добиться ее, без сомнения мешает проявлению инициативы. Ее влияние на экономику очевидно: обитатель такого изменчивого мира не станет экономить средства, чтобы вложить их в расчете на итоговую прибыль. На политику это представление также влияет. Там, где все зависит от везения или вмешательства свыше, нет смысла в совместных действиях. Община, как и отдельный человек, может молиться или надеяться, но вряд ли попробует взять свою судьбу в собственные руки.

***

В Монтеграно считается, что поведение человека определяется условиями его жизни — жестокими и бессмысленными. В полном опасностей мире муж и отец обязан делать все возможное, чтобы защитить семью. Все свои силы он должен посвятить ее *interesse*, который заключается в получении краткосрочной материальной выгоды[7]. Неустанная и изощренная погоня за выгодой не мо-

---

[6] Такое отношение интересно сравнить с кальвинистским представлением, описанным Максом Вебером: «...поразительно целесообразное устройство этого космоса, который и по библейскому откровению, и по самой природе вещей, очевидно, предназначен для того, чтобы идти на „пользу" роду человеческому, *позволяет расценивать эту безличную деятельность на пользу общества как угодную Богу и направленную на приумножение славы Его*» (*Weber M.* The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. London: Allen and Unwin Edition, 1930. P. 109 [*Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Он же. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 146]; курсив мой).

[7] Итальянское слово *interesse*, «интерес», имеет те же значения, что английское *interest*: 1) «выгода», «корысть», «польза» и 2) «внимание», «любопытство». Однако крестьяне Монтеграно употребляют его исключительно в первом значении. Так, в опросном листе за пунктом «Назовите самое дальнее от Монтеграно место, в котором вы бывали», следует вопрос: «Что там было для вас самым интересным?» Отвечая на него, крестьяне неизменно объясняли, что за польза была им в той поездке или как

жет служить гарантией благополучия семьи, поскольку угроза бедствий нависает даже над самыми неутомимыми. Но сколь бы ничтожной на фоне умопомрачительного непостоянства мироздания ни выглядела забота об *interesse* своей семьи, только эта забота и дает человеку хоть какую-то надежду ее защитить.

В представлении жителей Монтеграно, принести пользу другому можно исключительно в ущерб собственной семье[8]. Поэтому они не могут позволить себе не только роскошь щедрости, когда другим дается больше, чем им причитается, но и роскошь справедливости, когда другие получают положенное им по праву. Так уж устроен мир, что все, кто не принадлежит к узкому семейному кругу, — это как минимум потенциальные конкуренты, а значит и потенциальные враги. Правильнее всего относиться к ним с подозрением. Глава семьи знает, что другие семьи завидуют его семье, опасаются ее и, скорее всего, хотят ей навредить. Поэтому ему самому следует опасаться других семей и быть готовым им навредить, чтобы им было труднее навредить ему и его семье.

так вышло, что они там оказались, не преследуя никакой личной выгоды (например, во время армейской службы).

[8] Норман Дуглас был поражен этим в Калабрии сорок лет назад. «Жизнь здесь строится на равновесии «взять-дать», и если человек берет больше, чем отдает, считается, что ему повезло. Профессор Махаффи называет это врожденным эгоизмом греческого характера. У здешних жителей, за исключением принадлежащих к высшему классу, не укладывается в голове, что щедрость может быть бескорыстной, а если человек добр к другим, его считают слабоумным. У него что, своей семьи нет, что он делает хорошее чужим людям? Или, может, его судьба обидела — мозгами обделила? Так они рассуждают. Здесь гораздо чаще, чем это принято у нас, стараются без особого повода порадовать членов своей семьи. Но за пределами узкого семейного круга побудительным мотивом большинства поступков служит *interesse* (одиссеево своекорыстие). Именно им объясняется скользкая вкрадчивость в отношениях с чужаками, все эти заверения в дружбе до гроба, которые кое-кто по наивности принимает за чистую монету — местные хотят заручиться вашим добрым расположением, так как рано или поздно вы можете оказаться полезны; и если вы вдруг в самом деле станете им потакать, они подивятся (философски) вашему нелепому великодушию, вашей неразборчивости и неумению держать себя в руках» (*Douglas N.* Old Calabria. New York: Houghton Mifflin Co., 1915. P. 124).

Даже внутри семьи солидарность не бывает полной и симметричной. Считается, что до тех пор пока дети не достигли брачного возраста, они должны подчинять свои желания *interesse* семьи. Прато, например, проходив два года в учениках сапожника, был вынужден бросить обучение и вместо этого начать зарабатывать деньги на приданое сестре; удачно выдать ее замуж было для семьи важнее, чем дать Прато возможность сделаться ремесленником. По мере взросления детей их самостоятельность растет, а ко времени вступления в брак они уже больше пекутся об *interesse* своей будущей семьи, вплоть до того, что готовы подчинить ему *interesse* старой, родительской семьи. Так, из рассказа Марии Прато о том, как у ее младшего брата случайно удавился барашек, совершенно очевидно, что ее *interesse* в той ситуации был не таким, как у отца, матери и брата.

> *Это был барашек Пеппино, и он так расстроился, что лег и проплакал всю ночь. Отец тоже плакал. Вся семья плакала. И даже я, потому что этого барашка, не сдохни он, мы могли бы приготовить гостям на мою свадьбу.*

Браки обычно заключаются по соображениям *interesse*, и, пока не произнесены обеты, обе стороны сделки относятся друг к другу с глубоким недоверием. Вот как Прато рассказывает историю своего жениховства:

> *В 1935 году я дорос до того, чтобы жениться. Сестры хотели, чтобы я скорее нашел себе жену, потому что им было некогда меня обслуживать.*
>
> *В то время был такой закон, что тот, кому исполнилось 25 и он еще не женат, должен платить налог на безбрачие — 125 лир. Это было очень много, потому что за такие деньги надо было работать 25 дней. Я все хорошенько обдумал и, в конце концов, решил жениться.*
>
> *Моя теперешняя жена работала тогда вместе с родственниками моего тогдашнего нанимателя. Однажды я остановил ее на улице и позвал замуж. Она согласилась, но еще надо было просить ее руку у отца. Он моей просьбе обрадовался, и мы обсудили с ним, что она должна с собой принести [в качестве приданого] и что должен делать я.*

Он позвал меня прийти к нему в гости с матерью, чтобы все у нас было как положено. Мы с матерью пришли и славно у него попировали. Каждый раз, когда я хотел встретиться со своей невестой, мне надо было спрашивать разрешения у моего хозяина.

В 1937 году я попросил невесту и ее семью поторопиться, чтобы сыграть свадьбу, пока мне еще нет 25 лет. Ее отец сказал, что у нее не готово приданое. Тогда я спросил его, нельзя ли для начала заключить гражданский брак, чтобы не платить налога. Мы поженились в мэрии 6 февраля 1938 года, на два месяца позже, чем надо бы, и мне за тот год пришлось заплатить налог.

Через какое-то время мы с матерью поехали к тестю в Аддо, чтобы окончательно договориться, что нам даст семья невесты [в качестве приданого]. Мать хотела, чтобы все было оформлено у нотариуса. Тесть дал нам один томоло *земли, а моя мать — маленький домик, но выговорила себе право в нем жить. Все это нотариус, как положено, записал на гербовой бумаге. Когда жена наконец управилась с приданым, мы обвенчались. Это было 25 августа 1938 года.*

Когда создается новая семья, прежние семейные связи молодоженов слабеют. В период подготовки свадьбы жених и невеста имеют массу возможностей испортить отношения с новой родней. Прато продолжает:

Незадолго до венчания я поехал к тестю, чтобы обсудить, как устроить праздник и как нам всем добираться из одного города в другой. Мать моей жены давно умерла, поэтому вместо нее была мачеха. Вся из себя надутая, мачеха спросила, как я думаю везти жену из Аддо в Монтеграно. «Я найму один автомобиль, — сказал я, — вы — другой, и так мы поедем в Монтеграно». Она только фыркнула.

В назначенный день я на автомобиле поехал в Аддо, и мы обвенчались в церкви. После этого мы с женой сели в машину, и с нами еще кто-то из гостей. А тестю с тещей места не хватило, и они на меня страшно разозлились. Но я был не виноват — они запросто могли найти себе другую машину.

Часто, когда мужчина женится, у него портятся отношения с родителями, братьями или сестрами, а то и со всей родительской семьей разом. До женитьбы Прато отдавал заработанное матери, чтобы помочь ей собрать приданое для сводной сестры. После свадьбы отношения со сводной сестрой у него стали хуже некуда, а с матерью они долгое время не разговаривали.

Родственная неприязнь полезна тем, что предохраняет новую семью от возможных претензий со стороны прежней. Но при этом она мешает родственникам сотрудничать друг с другом[9]. Раздробление земли на крошечные, разбросанные по большой территории участки происходит отчасти в результате семейных дрязг. Например, к участку Прато примыкает участок, принадлежащий его сводной сестре. Сама она эту землю обрабатывать не может, а продать или сдать в аренду Прато не хочет, поэтому участок пустует. Если бы крестьяне умели лучше ладить со своими братьями и сестрами, в некоторых случаях это дало бы возможность путем серии обменов усовершенствовать межевание земли.

Даже безо всяких размолвок, после того как сын женится, его привязанность к родителям практически сходит на нет. Считается, что женатый сын, у которого есть свои дети, не обязан заботиться о благополучии родителей, если они, конечно, совсем уж не голодают. Сельскохозяйственный работник объясняет:

Члены моей семьи никогда ничего для меня не делали, и я тоже ничего для них не делал. Если они оказываются у меня дома, и у меня есть хлеб,

---

[9] В своем исследовании крестьянской общины в окрестностях Рима Дональд Питкин отмечает, что родственники (parenti) «не образуют замкнутой общности и редко предпринимают совместные действия не потому, что в этом не возникает необходимости, а потому, что в силу тех или иных причин члены одного семейного клана часто враждуют между собой. В рассматриваемом нами случае имеются пятеро представителей одного поколения в среднем возрасте, четыре сестры и брат. Одна из сестер не поддерживает нормальных отношений ни с кем, кроме брата, что сильнее обычного затрудняет ее детям общение со своими тетками, двоюродными братьями и двоюродными сестрами» (*Pitkin D.S.* Land Tenure and Family Organization in an Italian Village. Cambridge, MA: Harvard University, 1954. PhD thesis. P. 194).

я предлагаю им хлеба. Если я прихожу к ним домой, и у них есть хлеб, они мне его тоже предлагают. Я слишком беден, чтобы делать для них что-то большее.

Подобных проблем не возникает во взаимоотношениях с дядьями, тетками, двоюродными братьями и сестрами, а также с более дальними родственниками. Они по своему положению не могут ничего требовать, и поэтому от них нет необходимости защищаться. С такими родственниками общаются теснее, чем с посторонними, но в обычной ситуации дядя или двоюродный брат не входит в дом без приглашения, а крестьянин, отправляясь в поле, не оставляет родственникам ключ.

В принципе, тесные и нерушимые узы связывают крестьянина с крестными отцом и матерью (*compare* и *comare*): те, кто стоял с ним на руках у алтаря, становятся его духовными родителями — что бы ни случилось, крестник, по идее, должен их любить и почитать. Крестные, утверждают крестьяне, должны считаться — и считать самих себя — «вторыми родителями» крестника. На деле же, все, что от них требуется, — это проявлять к крестнику дружелюбное внимание, помогать ему добрым советом и, если позволяют средства, делать небольшие подарки на Рождество и Пасху. Крестник, со своей стороны, обращается к ним с подчеркнутым уважением и дарит подарки на праздники. Ссориться с крестными читается дурным тоном, что, впрочем, не всегда удерживает одну сторону от желания погреть руки или сэкономить за счет другой. В автобиографии Прато есть, например, такой эпизод:

В то время у меня не было работы, надо было платить налоги, а семья-то росла. И тут мой compare *предложил пойти к нему в работники на круглый год. Я очень обрадовался, и мы сговорились, что он будет кормить меня, платить по 1000 лир в месяц и в конце года давать по три квинтала зерна. Еще он обещал мне «семейное пособие», потому что семья у меня росла. Прошел год, и никакого пособия я не увидел: он только твердил, что за пособием — это не к нему, а в бюро социального обеспечения.*

В ситуации, похожей на эту, многие — но далеко не все — жители Монтеграно скорее смирятся с тем, что их обманули, чем пойдут жаловаться на крестного. Собственно, крестьяне и стараются выбирать в крестные ребенку тех, с кем, скорее всего, никогда не придется вступать в деловые отношения. Как на своем опыте убедился Прато, наличие крестного, на которого неприлично жаловаться в суд, может поставить человека в невыгодное положение. (Из тех же соображений в крестные не берут близких родственников: с ними, как считается, уж точно когда-нибудь придется ссориться или судиться.)

Дружба — это роскошь, которая, по мнению местных жителей, им недоступна. Прато, например, часто работает в паре с одним и тем же крестьянином, но при этом в свободное время с ним не встречается и закадычным другом не считает. В гости чета Прато ходит только к родителям будущего зятя, да и то лишь по особым случаям вроде Пасхи. Все крестьяне, которым задавался такой вопрос, отвечали, что близких друзей у них нет и что они «нормально ладят со всеми».

Иногда крестьяне помогают друг другу в работе, одалживают немного хлеба или мелкие суммы денег, но делают они это не из симпатии и не по доброте душевной, а ради собственной выгоды. Никто из них не ждет, что ему поможет человек, которому такая помощь будет чего-то стоить. Работая на благо другого, крестьянин аккуратно записывает потраченное на это время. Даже самые пустяковые услуги порождают обязательства, по которым потом приходится платить. Когда приезжий социолог, собравшись отлучиться на несколько дней, решил оставить ключ от арендованного дома соседу, домовладелец заметил, что делать это глупо: «Вы без всякой нужды напрашиваетесь на одолжение, за которое необходимо будет как-то отплатить».

В представлении жителей Монтеграно, друзья и соседи — угроза не только для семейного бюджета, но и для семейной безопасности. Ни одна семья, рассуждают они, не может наблюдать процветание другой без того, чтобы не завидовать и не желать ей зла. От друзей и соседей зависти стоит ожидать скорее, чем от

посторонних, потому что они больше знают о хозяйственных успехах семьи и живее чувствуют необходимость с ней конкурировать.

Некоторые истории, рассказанные в ходе ТАТ, дают представление о том, чем в глазах крестьян чреваты чересчур тесные отношения с друзьями и соседями:

Жили на свете двое взрослых мужчин, которые друг друга очень любили и всегда дружно работали на благо своих семей. В один прекрасный день они узнали, что есть работа за хорошую плату, и вместе придумали, как на нее наняться. Сначала все шло хорошо, но потом они начали завидовать заработкам друг друга, и завидовали все сильнее и сильнее, пока вконец не возненавидели друг друга, и тогда один из них убил другого, после чего обе их семьи впали в нищету (7BM).

У одного бедняка не было совсем ничего, и он прозябал в страшной нищете. Как-то раз некто подарил ему двух голубей, и бедняк, вместо того чтобы съесть птиц, решил попробовать их разводить. У него получилось, и скоро дела пошли совсем хорошо. Тогда люди стали завидовать его удаче. Один завистник отравил немного зерна и кинул его голубям, которые его поклевали и от этого все передохли. А бедняк снова стал таким же нищим, каким был раньше (19).

У одной вдовы было пятеро детей. Чтобы их прокормить, она пошла работать в пекарню, где, кроме нее, много кто хотел работать, но взяли туда только ее. После этого дела у нее пошли очень хорошо. Поэтому некоторые соседи стали ей сильно завидовать и, в конце концов, сгубили ее из зависти. Однажды, когда она ненадолго отошла от печи, кто-то подмешал в тесто отраву, и многие, кто поел хлеба из того теста, заболели. И тогда все решили, что хлеб отравила вдова. Ее прогнали из пекарни, посадили в тюрьму, а ее дети оказались на улице (17GF).

Чтобы уберечь свою семью от зависти друзей, их можно не заводить. Но соседи — это неизбежность. Более того, от них всегда может что-то срочно понадобиться — скажем, если начнется пожар или нужно будет сбегать за акушеркой. В связи

с этим отношения между соседями обычно бывают хорошими. (О том, что соседи поддерживают добрые отношения только постольку, поскольку нуждаются друг в друге, говорит то обстоятельство, что если один из них переезжает в другую часть города, они вскоре перестают здороваться при встрече.) При этом жители Монтеграно стараются лишний раз соседей не искушать: кусок колбасы или куриное яйцо они проносят домой тайком, чтобы соседи не заметили и не стали завидовать.

Связь, обусловленная тем, что два человека — земляки (paesani), важна только в ситуациях с участием чужаков. В любом случае в основе этой связи — выгода, а не чувство долга: зная, что с земляком еще не раз встретишься, ты и обращаешься с ним не так, как с другими. Мария Прато купила швейную машинку у женщины, которая навсегда уезжала из Монтеграно в Рим. Машинка оказалась неисправной, из-за чего Мария потеряла значительную для нее сумму денег. «Мы с ней *paesani*, — негодовала Мария, — и поэтому она должна была быть честной со мной. Должна была сказать: „У машинки такая-то неисправность“. Она про эту неисправность знала и, когда я пришла к ней домой посмотреть машинку, сумела ее утаить. Если бы машинку продавала я, я бы так и сказала: „Мы с тобой *paesani*. Не бери ее“. И продала бы какому-нибудь чужаку (forestiere)». Мария продемонстрировала верное понимание принятых в Монтеграно правил поведения, но не учла, что женщине, уезжавшей в Рим, уже не грозило испытать на себе последствия нарушения этих правил, то есть снова встретить Марию или еще кого-то из земляков[10].

---

[10] Паоло, узнав о приключившейся с Марией беде, сказал, что в свое время сам продал какой-то женщине из Бассо швейную машинку той же модели и с таким же дефектом. «А эта женщина плохо сделала, что продала машинку Марии», — заметил он. «Но почему вы сами продали неисправную машинку женщине из Бассо?» — спросил его приезжий социолог. «Потому что, — терпеливо объяснил он, — *forestiere* купил и уехал. И теперь это его проблема. Но когда продаешь что-то своему *paesano*, так ведь нельзя? Это плохо, ты же его каждый день видишь». «А украсть у *forestiere* — это хорошо?» — настаивал ученый. «Но это же не кража, — сказал Паоло. — Он

Помимо необходимости защитить семью от зависти и притязаний на ее материальные ресурсы, у жителя Монтеграно имеется и другая веская причина избегать тесного общения с посторонними. Он боится, что его женщин могут соблазнить. Он не позволяет приятелю поближе познакомиться со своим семейством, потому что уверен, что при первом же удобном случае тот не преминет этим воспользоваться. Того же он ждет от любого родственника и от крестного. «Особо не спускай глаз с двоюродных братьев и крестных отцов», — вот девиз мужчины — защитника семьи.

***

В среде высшего класса личная польза не обязательно сводится к получению краткосрочной материальной выгоды. Отдельные благородные господа, возможно, не прочь пожертвовать некоторым количеством материальных благ в обмен на авторитет, общественное признание или «славу». При подходящих условиях такая их мотивация могла бы иметь политическое значение. Сейчас она его не имеет, поскольку славу в Монтеграно снискать невозможно. Поэтому в настоящее время господа не меньше крестьян озабочены погоней за материальной выгодой, что позволяет более или менее корректно назвать аморальный фамилизм этосом всего общества в целом — как высших, так и низших его слоев[11].

Но при этом разным классам доступны принципиально разные стратегии выражения общего для них этоса. Ремесленники, коммерсанты, землевладельцы и специалисты могут так или

пытается облапошить меня, я пытаюсь облапошить его. Это ведь совсем другое дело. *È un imbroglio*».

[11] Дж.С. Макдональд пишет, что в Калабрии «все классы разделяют общие ценности; отличия в поведении между представителями разных классов — результат скорее распределения социальных и технологических возможностей, а не разницы в системе ценностей; поведение земледельцев и людей из высшего класса подчиняется одним и тем же нормам».

иначе притеснять как равных себе, так и крестьян; они являются «эксплуататорами» потому, что имеют возможность ими быть. Крестьянин, тем более безземельный, ничего такого не может. Как грустно заметил один из них, «только крестьянину не у кого красть». Он вынужден применять лишь оборонительные вооружения, такие как упрямство, подозрительность, скрытность и ложь.

Как правило, однако, и сами жители Монтеграно, и авторы, пишущие о социальном устройстве юга Италии, отличия в стиле поведения считают не вариациями одной темы, а проявлениями разных характеров, сформированных под влиянием классовой принадлежности.

Крестьянин придает классовым различиям чрезвычайно большое значение и воображает, будто высший класс втайне строит козни против него. Очевидно же, думает крестьянин, что у бедных и богатых разный *interesse*. Поэтому богатый в погоне за собственным *interesse* будет эксплуатировать бедного; поступать иначе у богатого, в представлении крестьянина, нет никаких разумных оснований.

В принципе, крестьянин прав, когда приписывает господам подобную мотивацию. Но он заблуждается, считая, будто они способны действовать сообща. Например, по бытующему среди части крестьян мнению, средней школы в коммуне до сих пор нет потому, что господа хотят, чтобы они, крестьяне, оставались неграмотными, так как неграмотных проще эксплуатировать. Тем самым предполагается, что господа достаточно прозорливы, чтобы спрогнозировать развитие ситуации на следующие двадцать или тридцать лет, и что они обсудили вопрос между собой и согласовали свои действия. На самом деле, при всей эгоистичности отношения высшего класса к крестьянам, он не в состоянии принять столь действенные меры ни в этой, ни в какой другой ситуации.

Согласно утверждению еще более фантастическому — но в силу своей фантастичности особенно интересному как иллюстрация того, насколько далеко, по мнению крестьянина,

могут зайти господа, преследуя свой, противоположный крестьянскому, *interesse*, — власти коммуны намеренно пресекают распространение правительственных циркуляров с объяснениями, что надо делать, чтобы эмигрировать в Америку. Если бы даже такие циркуляры существовали, до адресатов они почти наверняка не доходили бы по причине обыкновенных равнодушия и некомпетентности. Паскуале, однако, считает иначе:

> *Власти прячут эти циркуляры, чтобы никто не уезжал. Они боятся, что если крестьянин уедет в Америку, он там преуспеет и приедет обратно богатым туристом. Тогда они окажутся беднее его и перестанут быть шишками. Еще они боятся, что уедет слишком много семей и здесь некому будет работать. А если никто не будет работать, что они будут есть? Ведь кроме крестьянина работать больше некому.*

В представлении высшего класса, у крестьянина, в свою очередь, есть отличительные черты, которые объясняются классовой принадлежностью. Крестьянин упрям, подозрителен, скрытен и лукав. Он никогда не говорит правды. Доктор Джино с горечью и недоумением рассказывает, как ведут себя с ним крестьяне, которые знают его всю жизнь и не видели от него ничего, кроме добра. На приеме они держат себя крайне настороженно — как будто это не им, а ему нужно было, чтобы они пришли, — и лгут о своих симптомах. Женщины, по словам доктора, особенно часто пытаются скрыть от него свою болезнь. Когда он спрашивает крестьянку, где у нее болит, она показывает: «Здесь». Но при этом вздрагивает от боли, когда он дотрагивается до совсем другого места. «Здесь болит?» — переспрашивает он. «Нет», — отвечает пациентка. В конце концов врач вынужден обо всем догадываться самостоятельно:

> *Крестьяне настолько подозрительны, что если бы я посещал больных на дому и оставлял им какие-то лекарства, они бы начали гадать, сколько же мне платит правительство, если я могу позволить себе приходить к ним домой и что-то раздавать за просто так.*

Как считают господа, подозрительность крестьянина — это пережиток многовековых притеснений. Были времена (предположительно оставшиеся в прошлом), когда подозрительность помогала ему выжить; с той поры она глубоко — фактически на уровне инстинкта — укоренилась в его характере. Поэтому и в наши дни он ни при каких условиях не скажет правды[12].

Это, разумеется, по большей части миф. Скрытность крестьянина ни в коем случае не «инстинктивная»; он с удовольствием рассказывает о своих делах, когда ему от этого есть польза[13].

Таким образом, обе стороны — и высший класс, и крестьяне — рассматривают идущую в Монтеграно войну всех против всех как классовую борьбу. Интеллектуалы, которые изучают общество южной Италии, находятся, как и положено интеллектуалам, под влиянием Маркса и потому склонны совершать ту же ошибку.

---

[12] Доктор Джино рассказывает анекдот про некоего крестьянина, который бросил на землю шапку и спросил одного из своих сыновей: «Что я только что сделал?» «Бросил шапку на землю», — ответил сын и получил от отца оплеуху. Крестьянин подобрал с земли шапку и спросил второго сына: «Что я сделал?» «Поднял шапку», — ответил тот и тоже был наказан. «Что же я сделал?» — спросил крестьянин третьего сына. «Не знаю», — ответил сообразительный парень. «Запомните, сыновья, — сказал тогда отец. — Если кто-нибудь спросит, сколько у вашего отца коз, вы должны отвечать, что не знаете».

[13] При опросе крестьян затруднений у нас не возникало. Представители высшего класса вели себя более сдержанно. С точки зрения крестьянина, делиться сведениями с «этими американцами» абсолютно не опасно; они явились из совсем другого мира и скоро туда отбудут. Кроме того, сотрудничество с ними сулит множество мелких и ряд значительных выгод. Высший класс воспринимает ситуацию по-другому. Америка для его представителей не так уж далека; кто знает, как там используют полученную от них информацию? А поскольку они не могут одалживать у нас деньги и принимать небольшие подарки в виде продуктов и ношеной одежды, у них нет материального стимула сотрудничать.

Глава 7

Этос в теории

Одно дело, как человек себя ведет, и совсем другое — как он должен себя вести. В Монтеграно принято считать, что мужчине надлежит бороться с жестоким и непредсказуемым миром за выживание своей семьи. Поэтому он обязан посвятить себя *interesse* семьи и быть готовым делать все, что пойдет ей на пользу, — в том числе вести себя мелочно и несправедливо по отношению к другим. Зная, что все остальные вынуждены вести себя точно так же, он должен опасаться агрессии с их стороны и, защищаясь, либо держать с ними дистанцию, либо бить первым, когда это можно сделать безнаказанно.

На представления жителей Монтеграно о должном поведении, безусловно, повлияла Католическая церковь. Но было бы ошибкой считать, что их взгляды на этот вопрос хоть сколько-нибудь совпадают со взглядами Церкви.

Местные жители получают лишь самое зачаточное религиозное образование. В крестьянской семье бабушка рассказывает внукам истории о чудесах и святынях, которые сама слышала от своей бабушки. В шесть лет ребенок учит катехизис, скучный набор вопросов и ответов, который, скорее всего, будет прочно забыт вскоре после несложного экзамена у священника. Во взрослой жизни крестьянин, если он посещает церковь — а многие в ней вообще не бывают, — слушает нехитрые

проповеди, в которых священник, к примеру, объясняет, что добрый католик должен любить Бога, повиноваться законам Церкви и поступать по справедливости. Иногда в праздник, посвященный тому или иному святому, рассказать об этом святом приезжает проповедник из Неаполя или Потенцы.

Религиозное образование среднего крестьянина на этом заканчивается. Тем немногим, кто способен читать Библию, делать это никто не мешает, но никто и не поощряет чтения. У некоторых крестьянок имеется экземпляр молитвослова или Евангелия, но в большинстве домов религиозной литературы нет.

Все крестьяне крестят своих детей, но (по словам одного из монтегранских священников) большинство из них — главным образом мужчины — идею загробной жизни всерьез не принимают. Они верят, что какой-то загробный мир, скорее всего, существует, но, что бы он собой ни представлял, в него попадут все без разбора. О райском блаженстве они не мечтают и ада не страшатся.

Типичный крестьянин не воспринимает Бога (или Христа, эти два слова для них взаимозаменяемы) как духа милосердия или хотя бы непреклонной справедливости. Он для крестьянина — требовательный и своенравный властитель. Он может вообще тебя не замечать, а если заметит, то, повинуясь одной лишь своей прихоти, наделяет щедрыми дарами или обрекает на несчастья.

Многие считают Бога враждебной, агрессивной силой, которую нужно задабривать. Крестьянская девушка, сердитая на отца за то, что он напился и ей пришлось раньше времени уйти с праздника, чтобы отвести его домой, говорила сквозь слезы: «Что мне сделать, чтобы ублажить Христа? Я никогда не видела от Него ничего хорошего, а только плохое. Я уж не знаю, что надо сделать, чтобы Ему угодить».

Многие в Монтеграно больше молятся святым, чем Богу. Здесь редко увидишь свечи перед главным алтарем, так как

большинству кажется более целесообразным ставить их перед статуями святых и Мадонны[1].

Предпочтение святым отдается, исходя из практических соображений: никто не слышал, чтобы Бог в последнее время творил сколько-нибудь значимые чудеса, тогда как святые выказывают готовность и способность обеспечить защиту (именно о защите их всегда просят) в подведомственной каждому из них области. Кое-кто из крестьян даже считает, что некоторые святые могущественнее Бога.

Святые отличаются друг от друга и от Бога, скорее, не по своей сути, а могуществом и восприимчивостью к просьбам. Как и Бог, святые требовательны и своенравны: как бы горячо ты им ни молился, нет никаких гарантий, что твое усердие будет вознаграждено.

Отношения верующих с Богом (а также со святыми и Мадонной), как правило, строятся на основе взаимного *interesse*. Одной стороне нужны приношения в виде свечей и месс, а другой — защита. Увидев сон, который показался ему дурным и вещим, или перед лицом опасности — например, когда у него заболела

---

[1] Самый популярный святой — Антоний Падуанский, который в Монтеграно (и больше нигде!) считается покровителем домашнего скота, а следовательно, и крестьян. Св. Пасхалий покровительствует женщинам, поэтому ему ставят свечи девушки — особенно часто дурнушки, — желающие удачно выйти замуж. Св. Иоанн Креститель — покровитель города, ему молятся в ходе общественных мероприятий. Св. Рох, защитник от чумы, особо почитается в соседнем Бассо, расположенном в источающей болотные миазмы долине; оттуда, видимо, его популярность распространилась на Монтеграно. В Монтеграно почитаются пять Мадонн, причем для некоторых здешних жителей их связь с матерью Христа далеко не очевидна. (Когда молодой человек из Монтеграно, бывший семинарист, попытался объяснить пожилой женщине, что Мадонна только одна, та рассмеялась: «Ты восемь лет учился у священников, и не выучил даже разницы между Мадоннами!»). Имеются в виду 1) Мадонна Помпейская, чьи чудеса хорошо известны в Монтеграно; 2) Мадонна Кармельская, в честь которой устраивают праздник в одной из соседних коммун; 3) Мадонна Мира, в честь которой в Монтеграно учрежден праздник и во время Первой мировой войны установлена статуя; ей матери молились об ушедших на войну сыновьях; 4) Мадонна Ассунта, покровительница одной из церквей Монтеграно; и 5) Мадонна Аддолората, в которой чаще всего признают мать Христа.

свинья, — крестьянин иной раз считает полезным купить себе помощь того, кто умеет творить чудеса. Ему, разумеется, хватает предусмотрительности ничего не платить до тех пор, пока чудо не явлено. По всей видимости, он при этом рассуждает так: если заплатить Божеству авансом, Оно не станет выполнять обязательства, поскольку наказать Его за это невозможно. «Если свинья не сдохнет прежде, чем я ее продам, — обещает крестьянин, — я поставлю две свечки святому Антонию».

Священников нечестивость крестьян, конечно же, тревожит, но они мало что могут с ней поделать. Упреки, что он, мол, ставит свечи святым, вместо того чтобы воздать должное Господу, крестьянин пропускает мимо ушей, думая при этом, что священник либо придирается от нечего делать, либо заключил сделку с Богом и теперь, в обмен на некие блага, обеспечивает его свечами в ущерб святым.

***

Собственные (а не навязанные извне и своеобразно воспринятые) представления крестьянина о добре и зле связаны по большей части с центральной темой его жизни — семьей, нацеленной на продолжение рода. Категории добра и зла существуют для него преимущественно в связи с двумя состояниями: «родитель» и «посторонний-который-может-повлиять-на-семью»[2].

В применении к первому из этих состояний добродетель заключается в труде и жертвах на благо семьи, в том, чтобы

[2] Тот, кто не является ни родителем, ни посторонним-который-может-повлиять-на-семью, оценке не подлежит. Группе крестьян был задан вопрос, к какому наказанию они приговорили бы преступников из следующего списка: вор, убийца, мошенник, насильник, соблазнитель или соблазнительница, жестокий эксплуататор и проститутка. Крестьяне назначили свирепые приговоры всем, кроме проститутки. Половина респондентов вообще не стали бы ее наказывать. «Чем она занимается, касается только ее», — сказали некоторые. «Такая уж у нее судьба», — посчитали другие. Только одна женщина хотела строго наказать проститутку, потому что, по ее словам, «такие, как она, разрушают семью». Из сказанного остальными следовало, что проститутка, с их точки зрения, — единственная из списка, кто ничем не угрожает семье.

добрым советом наставлять детей на верный путь и хранить верность супругу. (Верность — безусловное требование для женщин, и не столь категоричное — для мужчин.)

Посторонний-который-может-повлиять-на-семью признается хорошим, если его не нужно бояться. Хороший мужчина не соблазняет чужих жен и дочерей, не ворует и не буянит. Хорошая женщина не завидует соседскому добру и не злословит. Выражаясь положительно, хороший человек дружелюбен, занимается своими делами, не лезет в чужие и готов оказать помощь тому, кто в ней нуждается.

Приведенные ниже определения хорошего мужчины и хорошей женщины (первые четыре из них даны мужчинами, остальные — женщинами) показательны для крестьянских представлений об этом вопросе:

Если кто постоянно мутит воду и никогда не оставляет людей в покое или же все время пытается кого-нибудь обмануть, тот — будь то мужчина или женщина — человек плохой. Чтобы понять, плох человек или хорош, достаточно с ним поговорить, и по тому, как он разговаривает, сразу все видно. Еще плох тот, кто, если увидит, что чужой зашел на его землю, тут же поднимает крик, хотя этот чужой ему никакого вреда не сделал. Женщина хорошая, если она честная [верная] и не лезет в чужие дела.

Хороший мужчина — это тот, кто никогда никому не причиняет вреда, ко всем относится по-доброму и всегда заодно с друзьями и остальными. А плохой — кто, наоборот, задирает нос и заботится только о собственных надобностях. Плохая женщина — такая, которая обижает своего мужа и, главное, у которой слишком длинный язык.

Хороший мужчина — это тот, кто достойно себя ведет. Это значит, что он не заносчивый и в хороших отношениях с другими людьми. А плохой человек не умеет себя правильно держать и не может ни с кем подружиться. Хорошая женщина — которая заботится о хозяйстве, о своем муже и детях. Женщина плохая, если она плохая [неверная] жена и хозяйничает спустя рукава.

Хороший мужчина — это тот, кто заботится о своей семье, занимается воспитанием детей и, кроме того, что-то делает для тех, кто беднее его и кому нужна его помощь. Женщина хорошая, если она думает о благополучии семьи, а плохая — если обманывает своего мужа или еще что-нибудь дурное замышляет.

Хороший мужчина — это мужчина с хорошим нравом (buon anito), который по-доброму относится к другим и при этом хороший работник — то есть имеет все те качества, которые мы считаем хорошими. Плохой мужчина — это мужчина с дурным нравом, вздорный и неприятный. Вообще, когда говорят, что кто-то плохой, это может означать многое — все то, что считается плохим. Хорошая женщина — трудолюбивая и добродетельная. «Плохой» она может быть в самых разных смыслах. Например, в том смысле, что она женщина легкого поведения — как у нас говорят, «падшая», — или просто вредная.

Хороший мужчина — это такой, который не скажет другим дурного слова, никому не грубит, всегда готов помочь советом и не бесчестит семью, путаясь с другими женщинами. Мужчина, у которого есть любовница, — плохой: он предает свою семью и позорит своих детей. Мужчина, который крадет или сплетничает, тоже плохой. Женщина хорошая та, которая блюдет честь семьи, мужа, детей и своего дома тем, что хранит верность мужу. Незамужняя девушка, которая позволяет себе всякое, — плохая женщина.

Мужчина или женщина хорошие, если они доброжелательны и учтивы с другими, отзываются на просьбы о помощи и, главное, не лезут в чужие дела, никого не осуждают и ни о ком не распускают слухов. В то же время мужчина или женщина, которые стараются навредить другим, — плохие.

Плохой мужчина — тот, кто не работает, просиживает вечера в кабаке, бьет жену и ворует. Хорошая женщина — та, что много работает, уважает мужа, свою семью и окружающих. Плохая женщина — ленивая, неопрятная и вечно лезет не в свое дело.

Чтобы установить относительную важность для крестьян тех или иных человеческих качеств (и то, насколько единодушны они в распределении качеств по степени важности), некоторым из них было предложено ответить, какой из двух вариантов, с их точки зрения, лучше:

1. а) она очень хочет, чтобы ее дети ходили в школу и выбились в люди, и поэтому иногда их бьет; б) она добра и ласкова с детьми, позволяя им оставаться такими, какие они есть.

2. а) он — трудолюбивый скряга; б) он — щедрый бездельник.

3. а) он изо всех сил старается, чтобы его дети жили лучше него, но при этом зазнается; б) он не зазнается, но согласен, чтобы дети жили по-старому.

4. а) он женился на уродливой женщине, чтобы добыть денег на приданое своим сестрам; б) он женился по любви и оставил сестер незамужними.

5. а) он еле-еле может прокормить семью, но зато очень набожный; б) он совсем не набожный, зато содержит семью в достатке.

Когда — как во всех пяти приведенных выше примерах — приходилось выбирать между качествами, которые приносят пользу семье, и теми, что, хотя и считаются ценными, пользы ей не приносят, подавляющее большинство респондентов выбирало первые.

Ответы на эти вопросы распределились следующим образом:

Вопрос	**Число респондентов**	**Выбрали вариант А**	**Выбрали вариант Б**	**Затруднились ответить**
1	28	28	0	0
2	28	26	2	0
3	25	23	2	0
4	28	18	9	1
5	27	8	17	2

С другой стороны, когда качества, потенциально опасные для семьи, противопоставлялись другим, также отрицательным, но опасности для семьи не представляющим, предпочтение подавляющего большинства оказывалось на стороне неопасных качеств. Например, у крестьян спрашивали, что лучше:

6. а) она дружелюбная, но завидует соседскому добру; б) она часто поступает плохо, но совсем не завистлива.

7. а) она жадная, но никогда не сплетничает; б) она любит посплетничать, но при этом щедрая.

8. а) она сплетница, но никогда не бывает жестокой; б) она временами жестока, но никогда не сплетничает.

9. а) он жадный, но при этом хороший друг; б) он щедрый, но положиться на его дружбу нельзя.

10. а) он славный и приветливый, но непостоянный; б) он верен дружбе, но часто бывает раздражительным и грубым.

11. а) он заносчив, но не завидует соседскому добру; б) он завидует соседям, но при этом совсем не заносчив.

12. а) он честный, но поносит святых и священников; б) он любит Бога, но иногда норовит схитрить.

Ответы распределились так:

Вопрос	Число респондентов	Выбрали вариант А	Выбрали вариант Б	Затруднились ответить
6	28	5	23	0
7	25	20	4	1
8	25	8	15	2
9	25	23	2	0
10	25	7	18	0
11	25	16	9	0
12	28	19	8	1

В некоторых вопросах в рамках одного варианта были объединены и полезные для семьи качества, и опасные для нее. Здесь, как и следовало ожидать, единодушия в ответах не наблюдалось. Вот примеры таких вопросов («что лучше?»):

13. а) он изо всех сил бережет честь своих сестер, но чужих сестер пытается соблазнить; б) он не пытается соблазнять девушек, но и о чести собственных сестер не слишком беспокоится.
14. а) он крадет, но супружескую верность не нарушает; б) он изменяет жене, но не крадет.
15. а) она сплетница, но зато трудолюбива; б) она ленивая, но никогда не сплетничает.
16. а) он время от времени подворовывает, но зато не ленив; б) он никогда не ворует, но работать не любит.
17. а) он совсем не заботится об отце с матерью, зато не ворует; б) он окружил заботой отца с матерью, но часто ворует.
18. а) он заботится о том, чтобы его дети вышли в люди, но при этом завидует соседям; б) он никому не завидует, но согласен, чтобы его дети остались теми, кто они есть.

В этом случае ответы были такими:

Вопрос	**Число респондентов**	**Выбрали вариант А**	**Выбрали вариант Б**	**Затруднились ответить**
13	28	14	12	2
14	28	11	15	2
15	28	16	11	1
16	28	16	12	0
17	28	14	11	3
18	28	16	9	3

В своих комментариях многие респонденты поясняли, что самым важным для них был единственный критерий пользы или опасности для семьи. Независимо от вопроса и отве-

та они делали свой выбор, исходя из соображения, что «так будет лучше для семьи» или что «никому от этого хуже не станет»[3].

***

В Монтеграно принято считать, что поступки человека — в большей степени результат воздействия внешних сил, чем его собственных побуждений. Индивид от природы импульсивен; внутренние порывы велят ему искать чувственных удовольствий и в целом всячески себе потакать. Не встретив противодействия, они заставляют его совершать — скорее по неосторожности, чем со зла — дурные поступки. Но обычно благодаря воздействию внешних сил такие порывы сдерживаются, а поступки меняют направленность.

Самый мощный из сдерживающих факторов — страх физического насилия. В Монтеграно легко прибегают к телесным наказаниям, когда надо наставить кого-нибудь на путь истинный. Родители бьют и маленьких детей, и уже взрослых — особенно достается девушками, решившим выбрать мужа по собственному вкусу, а не по указке старших. Так, одну девушку двадцати с лишним лет, которая упорно стремилась замуж за парня, не приглянувшегося ее матери, за это лиши-

---

[3] То или иное качество иногда признавалось полезным или опасным для семьи в зависимости от того, с кем отождествлял себя респондент. Отождествляя себя с разными сторонами, респонденты делали разный выбор, хотя и руководствовались при этом одним и тем же критерием. Так, некоторые из тех, кто в вопросе 18 выбрал вариант а, поступили так потому, что отождествляли себя с завистником, а не с объектом зависти, рассуждая приблизительно так: «Я, безусловно, предпочту быть завистливым и при этом изменить в лучшую сторону положение своих детей». Но и отождествляя себя с завистником, некоторые респонденты делали другой выбор, так как думали о губительной силе зависти: «Я предпочту вариант б, потому что недаром ведь говорят, что человек от зависти лопается, то есть когда человека снедает зависть к соседям, у него остается меньше сил на то, чтобы тянуть детей, поэтому лучше оставить их в покое и никому не завидовать». Результаты были бы точнее, если бы в каждом вопросе пояснялось, о ком идет речь, например «что лучше, отец, который...» или, скажем, «сосед, который...».

ли приданого, перестали кормить и жестоко побили дубинками; для Монтеграно это, впрочем, был не самый обычный случай[4].

Другой сдерживающий фактор — «совет». В представлении жителей Монтеграно, человек подавляет в себе позыв сделать что-то дурное, поскольку вспоминает тот или иной совет отца с матерью — например, как они говорили ему, что за воровство можно угодить в тюрьму. Родительские советы воздействовали бы на человека чаще, если бы не его друзья-приятели, которые всегда подбивают его поддаться порыву. При этом они тоже влияют на него своими советами, но уже не добрыми, а дурными. Вот как это выглядит в характерной истории, рассказанной в ходе ТАТ:

> *Один парень никогда не слушался родителей и не слушал их советов. С каждым днем он вел себя все хуже и хуже, и вслед за приятелями, с которыми он водил компанию, заходил все дальше и дальше по кривой дорожке. Он стал воровать и совершать другие дурные поступки, и в один прекрасный день его вместе с несколькими приятелями поймали на краже и посадили в тюрьму. Но он исхитрился из тюрьмы сбежать и много дней прятался в лесу. А потом его поймали и приговорили к тюремному заключению. Так он, из-за того что не слушал родительских советов, попал в беду и обрек себя на то, чтобы окончить свои дни за решеткой (14).*

Представление, что поведение индивида формируется преимущественно под внешним воздействием, объясняет, вероятно, почему жители юга Италии принимают такие экстраординарные

---

[4] Как видно из истории, рассказанной в ходе ТАТ, девушки в подобных случаях не полностью беззащитны: «Одна девушка пятнадцати лет полюбила парня, и полюбила его очень сильно, но ее родители были против этого брака. Она долго ломала голову, как ей быть, и в конце концов решила совершить дурное, чтобы заставить родителей дать согласие на женитьбу. Как она решила, так и сделала. Когда родители узнали, что у их дочери скоро должен родиться ребенок, он дали согласие и постарались поскорее сыграть свадьбу. А потом все были очень счастливы» (7).

меры для защиты целомудрия своих женщин. При виде того, как тщательно здесь охраняют женщин, иностранец должен первым делом подумать, что южане невероятно похотливы, и предположить, что, несмотря на все предосторожности, их горячая кровь способствует рождению множества внебрачных детей, а также большому числу супружеских измен и преступлений на почве ревности. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что процент внебрачных детей на юге не слишком высок (их 5 на 100 родов), супружеские измены случаются редко, а преступления на почве ревности крайне немногочисленны. Оказывается, что в особой заботе о чести дам как бы и нет нужды. Южане, однако, ею буквально одержимы. Почему? Возможно, потому, что, по общему мнению, женщина хранит целомудрие лишь пока ее к этому принуждают. Следовательно, нужно сделать так, чтобы у нее не было возможности согрешить, или же, если это невозможно, заставить ее опасаться последствий. В историях, рассказанных жителями Монтеграно в ходе ТАТ, муж или отец, застав жену или дочь с любовником, «ни секунды не задумываясь, убивает их обоих».

Такое представление о внешней обусловленности человеческих поступков имеет признаки самоисполняющегося пророчества. При всеобщей уверенности, что в отсутствие внешних препятствий мужчина и женщина непременно займутся любовью, мужчина, оказавшись наедине с женщиной, просто-таки вынужден заняться с ней любовью — не сделав этого, он подвергнет сомнению ее привлекательность или свою мужественность. А женщина при этом, зная, что женщины под влиянием соблазна часто забывают родительские советы, имеет все шансы забыть, чему родители учили ее саму. Этот принцип действует и в других ситуациях.

В Монтеграно считается, что совершившего дурной поступок следует наказывать со всей возможной строгостью, поскольку осуждение и наказание — важные составляющие механизма принуждения, не позволяющего людям погрязнуть во зле. Наказываемый при этом не испытывает чувства вины. Вместо этого

он считает, что ему не повезло. Подобно Пиноккио, он может корить себя за то, что не слушал родительских советов, но уверен при этом, что зло не в нем, а вовне, что он просто имел несчастье послушаться дурных советчиков. Возможно, он и сглупил, но зла не делал. Это они, советчики, злые, а он сам — нет. К несчастью, он попал именно под их влияние, а не под чье-то еще[5].

Можно без преувеличения сказать, что большинство жителей Монтеграно не имеют никаких моральных принципов, за исключением тех, что требуют от них служения семье[6]. Крестьянин удерживается от дурного поступка, потому что боится закона и осуждения со стороны земляков, а не потому, что так ему велят набожность, совесть или страх посмертного воздаяния. Собственно, слова «хорошо» и «плохо» вообще редко связаны в Монтеграно с моральной оценкой. «Поступить плохо» обычно означает «сделать что-то, ведущее к наказанию или несчастью». Когда говорят, что некий поступок «лучше» другого, имеют в виду, что он всего лишь более целесообразен. Так, один крестьянин говорит, что поносить святых лучше, чем красть, «потому что Бог всех прощает, а за кражу можно предстать перед законом, от которого прощения не жди». Другой объясняет, что прелюбодей лучше вора, поскольку, «если

---

[5] Когда Пиноккио обнаружил, что превращается в осла, он воскликнул: «Ах, я несчастный! Ах, я несчастный!» «Мой милый, — попытался утешить его Сурок, — что поделаешь! Это определено судьбой. Ибо написано в книгах мудрости, что все ленивые мальчишки, которые отвернулись от книг и учителей… раньше или позже должны стать ослами». «Но я не виноват! — сказал Пиноккио. — Поверь мне, Сурок, виноват один Фитиль… Я хотел вернуться домой, хотел стать послушным… но Фитиль сказал: „Зачем тебе нужно забивать себе голову учением?“» «А почему ты послушался совета этого неверного и плохого друга?» «Почему?.. Мой дорогой Сурок, потому что я Деревянный Человечек, лишенный разума» [рус. пер. Э.Г. Казакевича].

[6] Даже эти принципы действуют не всегда. Еще поколение назад в Монтеграно нередко бросали детей, даже рожденных в браке. Более того, в период активной эмиграции отцы семейств, перебравшись в Новый Свет, часто так и не вывозили туда жен и детей. Постоянные разговоры об обязанностях перед семьей, как и разговоры о долге женщины хранить невинность, могут отражать неуверенность в непременном следовании этим принципам.

ловят прелюбодея, его просто колотят, а если ловят вора, его сажают в тюрьму». С крестьянской точки зрения, «лучше» тот человек, у которого «лучше» поступки, а поступки тем «лучше», чем больше от них пользы.

Отличие моральной оценки от любой другой — в том, что она опирается на обязательные для соблюдения правила. А обязательны для соблюдения те правила, которые так или иначе связаны с неким сакральным началом. Поскольку они сакральны, их нарушение вызывает чувство вины. Но для большинства жителей Монтеграно ничто не свято, поэтому они не считают себя ни к чему обязанными и не испытывают чувства вины. Как выразился один из монтегранских священников:

> *Большинство у нас даже не задумывается о возможности дать оценку своим поступкам. Эти люди считают нравственным то, что делает большинство или что не противозаконно, потому что они не верят в жизнь духа и наказание после смерти.*

Значение всего этого для политической жизни очевидно. Государство существует для того, чтобы заставлять людей хорошо себя вести. Правящий режим заслуживает уважения, если он очень силен и решительно использует свою силу, чтобы обеспечивать повиновение граждан и поддерживать законность и порядок. Режим, который использует свою силу только для поддержания законности, а не для эксплуатации собственных граждан, может возникнуть лишь в случае, если богатые и сильные вздумают приобщиться к добродетелям милосердия и справедливости. Такое случается не часто, и от простых граждан возникновение такого режима никак не зависит; как и все прочие хорошие вещи, хорошая власть даруется судьбой, а не создается ценой трудов, сосредоточенных усилий и жертв.

***

Можно было бы ожидать, что в обществе, члены которого настолько поглощены собственным *interesse* и при этом ничуть не

связаны чувством долга перед родными, соседями и земляками, война всех против всех выльется в разгул насилия. Но жители Монтеграно достаточно законопослушны. В 1954 году в коммуне не было ни убийств, ни похищений, ни изнасилований. Были отмечены 24 кражи и 15 случаев оскорбления действием и побоев. Двое были арестованы за пьянство и двое — за распространение клеветы, 29 человек были обвинены в нарушении границ частной собственности, 7 — в незаконном выпасе скота[7].

Возможности извлечения выгоды насильственными, противозаконными и нечестными методами резко ограничены в силу двух местных особенностей. Первая — строгий силовой контроль за соблюдением законности. В коммуне нет такого места, откуда нельзя было бы при необходимости докричаться до вооруженных карабинеров, которые по двое патрулируют ее территорию; за то, что ты срубил чужое дерево, можно получить полгода тюрьмы. Вторая — опасность мести со стороны тех, кто сочтет себя пострадавшим. В таком маленьком и изолированном от мира селении невозможно долго избегать встречи с врагом. Были времена, когда обиженная сторона могла осуществить месть втайне от обидчика — с помощью колдовства. В наши дни иметь врага не так опасно, так как в дурной глаз и ведьм почти никто уже не верит[8]. Но у недругов

[7] Некоторые правонарушители, возможно, были чужаками, приехавшими в Монтеграно на ярмарку. Не исключено также, что какое-то число жителей Монтеграно нарушали закон где-то еще. В судебном округе, в который вместе с Монтеграно входит еще восемь коммун с общим населением 20 000 человек, в 1954 году арестовано по обвинению в: убийстве — 0; похищении человека — 0; изнасиловании — 0; краже — 131; оскорблении действием — 124; пьянстве — 17; клевете — 32; нарушении границ частной собственности — 191; незаконном выпасе скота — 58.

[8] По словам Прато, когда-то в Монтеграно были ведьмы, которым ничего не стоило погубить всю семью целиком, но сейчас они все уже поумирали. С ним не согласны некоторые земляки, в том числе две или три старые колдуньи, которые предлагают за деньги наложить или снять заклятие и утверждают, что в зависимости от надежности заклятие бывает: 1) «связанное» (legato) — оно, как узел, его легко развязать; 2) «закопанное» (sottoterra) — это снять труднее, но если копать (образно выражаясь), раскопаешь источник зла; 3) «утопленное» (annegato) — еще более надежное, но,

по-прежнему остаются способы мстить исподтишка. Например, у Прато был враг, который ночами пробирался на его участок и рубил молодые фруктовые деревья. Предотвратить урон в таких случаях невозможно. Не существует защиты и от сплетен. Если, к примеру, враг начнет распускать слухи про Марию, для Прато это будет полной катастрофой. В таких условиях люди стараются не наживать себе врагов. Иметь их — тоже непозволительная роскошь.

Тщеславие, то есть желание нравиться и вызывать восхищение, — тоже фактор, сдерживающий агрессию, но куда менее важный, чем уже названные. Попасться на краже стыдно (или, скорее, неловко перед людьми), однако риск испытать стыд — ерунда по сравнению с риском того, что тебя отправят в тюрьму или как следует поколотят. Людям нравится, когда о них думают хорошо. («Моя жена, когда мы можем себе это позволить, раздает еду людям, которым нечего есть, потому что на следующий день очень приятно видеть, как мимо твоего дома проходит человек, которого ты вчера накормил, и знать, что он думает про себя: „Здесь живет человек, который мне по-

---

в принципе, тело утопленника тоже можно найти; и 4) «сожженное» (bruciato) — тут дело совсем безнадежное, ведь того, что пожрал огонь, уже не вернуть.

Если верящему в колдовство не помогают лекарства, прописанные доктором Джино, он делает вывод, что его болезнь относится к компетенции магического, а не медицинского искусства, и идет лечиться к колдунье. Но сначала все же обычно обращаются к врачу. В связи с этим Дж.С. Макдональд пишет мне: «В Калабрии тоже все меньше верят в ведьм и дурной глаз. Колдовство здесь обычно используют, когда не помогли „рациональные" методы, или в дополнение к ним». Даже те, кто высмеивает и презирает колдуний, склонны отдавать дань распространенным суевериям. Одно из самых интересных в контексте этой главы суеверие заключается в том, что любое завистливое замечание — даже сделанное с целью польстить — наносит вред объекту зависти. Так, одна мать рассказывала в женском обществе, что, когда она кормила грудью второго ребенка, молока у нее было так много, что, чтобы не испачкать одежду, ей приходилось надевать резиновую прокладку. Однажды в гостях у подруги молоко полилось у нее из груди и лилось до тех пор, пока на полу не образовалась целая лужа. «Какая же ты счастливица, — сказала подруга. — А у меня молока в груди ни капли». Придя домой, женщина обнаружила, что молоко у нее иссякло. Оно так больше и не появилось, и следующих своих детей она кормить грудью не могла.

мог“».) Но в восприятии большинства удовольствие от хорошего мнения окружающих не перевешивает выгод, которые можно, ничем не рискуя, получить хитростью и другими нечестными способами. Иными словами, желание хорошо выглядеть в глазах других — это в данном случае не основной, а дополнительный сдерживающий фактор[9].

---

[9] Некоторые селения, расположенные в горах выше Монтеграно, фактически отрезаны от большого мира. Ни учителя, ни врачи, ни священники никогда там не бывают. Карабинеры добираются до этих селений, только если там происходит убийство. Жизнь тамошних горцев, видимо, действительно близка к войне всех против всех. Когда люди с гор приходят на ярмарку в Монтеграно, местные ведут себя с ними чрезвычайно осторожно; «рта открыть не успеешь, как они тебе нож всадят», — говорят о них здесь. И это не обычное пустое злословие в адрес чужаков — нрав у горцев и вправду крутой. Но и в их обществе существуют некоторые механизмы обуздания агрессии: среди них до сих пор сильна вера в колдовство (и поэтому физически сильный человек должен опасаться слабого), а система родственных обязательств, судя по всему, прочнее и разветвленней, чем в Монтеграно.

Глава 8

Происхождение этоса

Механизм возникновения этоса аморального фамилизма сложен и состоит из множества взаимодополняющих элементов. Важнейшее место среди них занимают ужасающая бедность региона и униженное положение всех тех, кто занят физическим трудом, подробно рассмотренные в третьей и четвертой главах; это, так сказать, каркас всей системы причин. Но при этом велика роль и других ее элементов.

Один из них — также, судя по всему, принципиально важный — это всепроникающий страх преждевременной смерти. Как уже было показано ранее, жители Монтеграно с чрезвычайной тревогой смотрят в будущее. Особенно сильно они боятся, что заболеют и умрут, оставив детей «на улице», или что заболеют и умрут их дети. Из шестнадцати жителей Монтеграно, прошедших ТАТ, пятнадцать рассказывали о внезапной смерти ребенка или кого-то из родителей. Всего таких историй было 45. Подобная одержимость этой темой необычна — из десяти прошедших тестирование крестьян с севера Италии лишь двое рассказали (по одной истории) о внезапной естественной смерти, а из тридцати канзасцев она фигурировала у двенадцати человек (на которых приходится шестнадцать таких историй).

На одном из рисунков, которые предлагались тестируемым, мальчик рассматривает лежащую перед ним на столе скрипку.

Одиннадцать из шестнадцати жителей Монтеграно решили, что мальчик — сирота; восьмерым из этих одиннадцати показалось, что он нищий попрошайка, одному — что он умирает от голода, одному — что с мальчиком жестоко обращается его скупой дядя, и одному — что это никому не нужный внебрачный ребенок. Из жителей севера никто не счел мальчика ни сиротой, ни нищим; большинство увидели в нем честолюбивого парня, который мечтает стать скрипачом. Из тридцати канзасских фермеров он также никому не показался сиротой или нищим (хотя пятеро и назвали его «бедным»); тринадцать сказали, что мальчика заставляют учиться игре на скрипке против его воли[1].

В том, что жители Монтеграно настолько одержимы страхом умереть раньше времени и оставить детей «на улице», нет ничего удивительного. До того как после Второй мировой войны широкое распространение получили антибиотики, смертность в коммуне была очень высока — она никогда не опускалась ниже 15 смертей на 1000 человек в год, а в иные времена, возможно, достигала 40–50 на 1000. Еще совсем недавно ребенок с большой вероятностью лишался одного или обоих родителей прежде, чем достигал совершеннолетия.

Но дело не в одной только высокой смертности. Бедность в Монтеграно была (и остается) такой безысходной, что родители не могли обеспечить детям средства существования на случай своей смерти. Сирота был почти всегда обречен на нищенство.

Многие из тех, кто в наши дни боится, как бы их дети не осиротели, сами росли сиротами. Других воспитывали отчимы и мачехи. Всего несколько лет назад ребенок, который вырастал с родными отцом и матерью, считался настоящим счастливчиком.

Даже при двух живых родителях детей с ранних лет отправляли (и по-прежнему отправляют) прислугой или в ученичество к чужим людям, чтобы они сами зарабатывали себе на

---

[1] Рассказы тестируемых об этом рисунке приведены в Приложении Б.

жизнь. Жестокий *padrone* — такая же привычная для жителя Монтеграно фигура, как злые отчим, мачеха и сводные братья и сестры.

О важности такого детского опыта можно безошибочно судить по многим автобиографическим рассказам жителей Монтеграно. Прато, например, едва помнит своего отца, который умер, когда он был еще маленьким. Его мать снова вышла замуж и, по словам Прато, с детьми от второго мужа обращалась намного лучше, чем с рожденными в первом браке. В 11 или 12 лет его отправили в услужение. Воспоминания Прато о следующих годах его жизни — это рассказ о бесконечных мучениях: он пас скот под зимними дождями, ходил в лес за хворостом по глубокому снегу, постоянно голодал. Сводная сестра, с которой у него потом на всю жизнь испортились отношения, гоняла его палкой.

Жена Прато помнит, как в раннем детстве мачеха выставляла ее с сестрами из комнаты, чтобы спокойно покормить молоком и яйцами своих собственных детей. Ее с сестрами кормили одним хлебом, и тем часто не вдоволь. В шесть лет ее послали работать служанкой в Калабрию. Там она каждое утро должна была натаскать домой воды из колодца. «Пусть лучше мои дети умрут, чем будут жить, как жила я», — говорит она.

У Марии Вителло мать умерла в 33 года, а отец — в 36 лет; после них осталось пятеро детей. Марию отправили в услужение к родственникам в Неаполь. Вот что она рассказывает о своем детстве:

> *Лучше всего я помню, что мною все помыкали и мало кормили. Еще меня часто били. Своих детей я тоже бью, но совсем слегка, если сравнивать с тем, как доставалось мне. Какие-то вещи, помню, повторялись снова и снова. Тетя посылала меня в лавку купить три четверти килограмма* rachitelli *[разновидность макарон]. Всю дорогу до лавки я, чтобы не забыть, повторяла про себя: «ракителли, ракителли». А когда приходила, почему-то просила* vermicelli *[другая разновидность макарон]. За обедом по тарелке макарон накладывали всем, кроме меня. Мне не давали ничего. Я вставала из-за стола голодная. Еще мой дядя иногда напивался и меня бил.*

Отец Паскуалины умер за несколько дней до ее рождения. Ее мать снова вышла замуж и родила еще троих детей. Отчим был человеком добрым, но вскоре уехал в Америку. По прошествии времени он написал жене, чтобы она с детьми ехала к нему, и прислал денег. Мать Паскуалины продала дом и землю, купила одежду для путешествия и билеты на корабль. Но за восемь дней до отплытия отчим телеграммой велел им не приезжать. Если они приедут, объяснил он, хозяин его уволит. С тех пор от него не было ни строчки, а мать, как могла, в одиночку воспитывала пятерых детей. Из-за того, что ее надежды были так жестоко обмануты, она стала «нервной». «Наверно, никого — даже в те времена — не били больше, чем меня», — вспоминает Паскуалина.

***

И в других местах люди, конечно, переживали нечто похожее. На протяжении большей части истории и практически во всех уголках света родители имели все основания ожидать, что они умрут молодыми. Но нигде больше люди не стали от этого так бояться будущего, как боятся его в Монтеграно. Очевидно, таким образом, что на формирование местного этоса повлияли и другие обстоятельства.

Одно из таких обстоятельств — специфика структуры семьи. В некоторых обществах семья достаточна велика и сильна для того, чтобы смерть родителей не означала для осиротевших детей полной жизненной катастрофы. В случае с расширенной семьей, дети, потеряв родителей, сохраняют свою принадлежность к ней. Где-то к дядьям и теткам ребенок привязан не меньше, чем к отцу с матерью. Где-то (как, например, в случае *мира* в России прошлого столетия) он крепче всего привязан к общине в целом. В таких обществах потеря родителей не так страшна — о ребенке и без них есть кому позаботиться. Если ребенок испытывает сильную привязанность к расширенной семье или общине, его привязанность к родным матери с отцом может, соответственно, быть слабее. В этом случае смерть родителя становится для него меньшим эмоциональным потрясением.

За редкими исключениями (см. таблицу 11 в Приложении А) домохозяйства в Монтеграно состоят из членов одной нуклеарной семьи. Поскольку здешний ребенок живет отдельно от дедов, бабок, дядьев и теток, не считая их в полном смысле членами своей семьи, он — в отличие от ребенка, растущего в расширенной семье, — не ждет защиты, помощи и любви ни от кого, кроме родителей. Он думает, что если они умрут, он останется «на улице». В Монтеграно родственники не принимают сироту автоматически в свою семью: у них может не оказаться возможности или желания это сделать. А если и принимают, то часто на положение прислуги; даже если сироту не заставляют выполнять работу по дому, с ним никогда не обращаются, как с равным. Кого-кого, а Золушек в Монтеграно хватает.

Гипотезу о том, что исключительный страх перед будущим выработался у жителей Монтеграно под совместным действием двух факторов — высокой смертности и отсутствия расширенной семьи, — можно было бы опровергнуть, приведя пример сообщества, члены которого, выросшие в расширенных семьях, не меньше их боятся будущего (при этом отсутствие такого примера не может служить ее подтверждением). В провинции Ровиго на севере Италии расширенные семьи существуют уже на протяжении жизни нескольких поколений. Вот как их описывал путешественник в XIX веке:

> *Помню, как мальчиком полстолетия назад на осенних каникулах я совершал экскурсии по окрестностям Падуи, где свел знакомство с несколькими самобытными крестьянскими семьями... Эти семьи представляли собой не малые единицы, состоящие из мужа, жены и одного-двух детей, а большие патриархальные группы, соединение нескольких семей, связанных между собой узами крови, которые сообща обрабатывали арендованную землю. Обычно они брали ее в аренду всем родом и повиновались приказам своего предводителя, самого старшего среди них мужчины, отца, деда и прадеда множества поколений, представленных в этой общине. Что там было за изобилие детей! Стоило мне появиться на дворе, десятки их бросались ко мне со всех сторон, зная, что я могу на-*

учить их новым играм и наделить мелкими монетками. На всю огромную семью была одна общая кухня, на которой по очереди заправляли девицы и молодухи, словно сошедшие с полотен Тициана...[2]

Некоторые из этих семей существуют по сей день. У десятерых крестьян, выросших в «родовых» семьях в провинции Ровиго, тематические апперцептивные тесты выявили полное отсутствие характерного для жителей Монтеграно страха перед будущим. Как показано в начале этой главы и в таблицах 3 и 4, приведенных в шестой главе, крестьянин с севера Италии не живет в постоянном ожидании несчастий и внезапной смерти[3].

Независимо от того, повлияли или нет «родовые» семьи на то, что крестьяне Ровиго не испытывают постоянной тревоги из-за возможной скорой смерти родителей, они, судя по всему, научили этих крестьян сотрудничать. В таких семьях отец (или, если его уже нет в живых, старший брат) организует трудовые ресурсы семьи и руководит всеми семейными делами. Раньше он правил по-диктаторски, а теперь прислушивается к мнению семейного совета, в который входят его сыновья и зятья. Подчиняясь главе семьи и семейному совету, каждый тут отвечает за свой участок общего хозяйства: один сын присматривает за скотом, другой продает произведенный продукт и т.д. Прибыль распределяется в соответствии с вкладом каждого, а если возникают споры, их разрешает глава семьи.

Потому ли, что они научились подчиняться групповой дисциплине в семье, или почему-то еще, крестьяне провинции Ровиго, в отличие от крестьян Монтеграно, способны трудиться сообща. Многие из них состоят в земледельческих ассоциациях, создают сыроваренные и другие производственные кооперативы.

---

[2] Цит. по: *Douglas Irvine H.* The Making of Rural Europe. London: George Allen and Unwin Ltd., 1923. P. 37.

[3] Разумеется, важные отличия между северянами и южанами не ограничиваются разницей в устройстве семьи. Прошедшие тестирование крестьяне с севера были лучше образованы, теснее связаны с современным миром и относительно зажиточнее.

***

Ответ на вопрос, почему у крестьян Монтеграно не развился институт расширенной семьи, следует, по всей видимости, искать в особенностях местной системы землепользования. Патриархальные или «родовые» семьи могли существовать только там, где крестьяне имели какие-то относительно гарантированные права пользования достаточным количеством земли. В долине реки По и в центральных областях Италии феодальная система прекратила существование задолго до объединения страны, а земля, соответственно, стала предметом купли-продажи[4]. Многие крупные землевладельцы сохранили там свои поместья и активно занялись совершенствованием способов ведения хозяйства. Они обнаружили, что им выгодно сдавать землю в аренду большим крестьянским семьям на более или менее постоянной основе. Долговременное право пользования значительным участком земли побуждало крестьянскую семью не только заводить больше детей, чтобы ей хватало рук и без наемных работников, но также признавать главенство старшего мужчины, который планировал и направлял общую работу ее членов. Даже в наши дни «родовые» семьи преобладают среди арендаторов, выращивающих табак, рис, коноплю и другие культуры, требующие больших трудовых затрат.

Что до юга Италии, то на большей его части феодальная система почти в неизменном виде просуществовала до самых наполеоновских войн. Земля при ней оставалась неотчуждаемой собственностью церковной и светской аристократии. На протяжении XIX века феодализм постепенно сдавал позиции. Феодальные поместья выставлялись на продажу и часто переходили в руки земледельцев. После объединения Италии рост налогов вынудил многих мелких собственников, влезших в долги ради покупки земли, продавать ее тем немногим, у кого имелись

---

[4] Проводимое здесь историческое сопоставление намечено в уже приводившейся здесь статье Макдональда (*McDonald J.S.* Italy's Rural Social Structure and Emigration // Occidente. 1956. Vol. XII. № 5. P. 437–455).

средства на ее приобретение. В некоторых южных районах дворяне по-прежнему владели обширными землями, но, в отличие от крупных землевладельцев севера, они не жили в своих поместьях и к управлению собственностью интереса не проявляли. Кое-где землю у дворян выкупали частями — новые владельцы небольших наделов, как правило, не сдавали ее арендаторам, а обрабатывали руками наемных работников. Соответственно, у крестьян не было ни стимула, ни возможности приспосабливать семью к работе в крупном хозяйстве и управлению им. Между тем население росло, а мелкие хозяйства из-за разделов между наследниками становились еще мельче. Уже лет тридцать назад в Монтеграно почти не осталось хозяйств, достаточно крупных, чтобы прокормить большую, не нуклеарную семью. Как видно из таблицы 11 в Приложении А, в Монтеграно осталось всего 27 «родовых» семей, и все они, за исключением четырех, живут за пределами городка при обрабатываемых ими хозяйствах.

***

Сказанное выше помогает понять, почему жители Монтеграно с такой тревогой смотрят в будущее, но не объясняет при этом других составляющих их этоса, в том числе эгоизма, лежащего в основе всех отношений, кроме связывающих родителей с детьми, и склонности приписывать любые поступки человека воздействию внешних сил.

Отчасти прояснить эти вопросы способен рассказ, пусть и конспективный, о том, как жители Монтеграно воспитывают своих детей.

Рождение ребенка всегда празднуется как радостное событие, однако в семьях, где уже есть три или четыре ребенка, к малышу после первых восторгов будут, скорее всего, относиться со смешанными чувствами — особенно это касается старших сестер, на которых будет возложена значительная часть заботы о нем.

В крестьянских семьях ребенка немедленно после рождения начинают пеленать и пеленают первые пять-семь месяцев

жизни. Двадцать лет назад младенца пеленали с ручками, теперь их оставляют свободными. Своего спеленутого ребенка крестьянка берет в поле, где, пока она работает, он лежит в корзине, подвешенной на дереве. Женщины из высшего класса обычно пеленают младенцев только на самых первых порах, а то и вовсе этого не делают.

Грудное вскармливание продолжается, как правило, один год, но если год ребенку исполняется в начале лета, мать обычно и дальше кормит его грудью, потому что в жару трудно найти пищу, от которой у него не случилось бы расстройства желудка. Бывает, женщина подолгу не отрывает младенца от груди, полагая, что это предохранит ее от нежелательной беременности[5].

В Монтеграно считается, что до двух лет ребенка бессмысленно приучать к горшку. Если маленький ребенок наделает на пол, родители могут показать, куда ему надо было сходить, но раздражаться и злиться никто не станет. В конце концов, к двум с половиной — трем годам дети «сами всему учатся».

Девочке еще нет четырех, когда ее начинают учить не задирать юбку. Мальчикам в таком возрасте уроков благопристойного поведения еще не преподают.

Даже нежеланные дети получают от родителей и старших братьев с сестрами много любви и ласки. Родители к ним в целом чрезвычайно снисходительны.

Тем не менее когда дети не слушаются — а бывает, что и когда слушаются, — их наказывают. Родители и учителя уверены, что время от времени отвешивая детям шлепки, они помогают им вырасти более «отесанными» и «лучше устроиться в жизни». «У нас правильно говорится, что „без битья из дитя толку не

---

[5] Подобного рода практики сильно разнятся от коммуны к коммуне, что дает возможность проверить разные гипотезы о влиянии тех или иных практик на развитие личности. Например, в одной из коммун неподалеку от Монтеграно женщины младенцев в поле не берут; они как можно раньше отнимают их от груди и, уходя на полевые работы, оставляют под чьим-нибудь присмотром.

выйдет" — вот матери и шлепают детей, потому что желают им добра», — сказала одна мать.

Родители, как правило, воздействуют на детей наказанием или угрозой наказания и почти никогда не прибегают к поощрению, не используют желание ребенка нравиться или, если ребенок постарше, его стремление сотрудничать на основе взаимного уважения. История, рассказанная в ходе ТАТ семнадцатилетней девушкой, интересна тем, что показывает, какой подход родители применяют обычно, а какой, скорее, в виде исключения.

Одна маленькая девочка ужасно плохо себя вела, не слушалась и постоянно злила свою мать. Та часто била девочку, потому что думала ее этим исправить, но девочка к лучшему не менялась. Однажды мать пообещала, что если девочка будет вести себя хорошо, она подарит ей красивую куклу. Маленькая девочка стала вести себя хорошо, и когда мать купила ей куклу, она повсюду ее с собой носила, не расставаясь ни днем, ни ночью, и с тех пор всегда слушалась свою мать. Теперь она уже выросла, вышла замуж и родила двоих собственных детей (7).

Иногда долго сдерживаемое крестьянином недовольство внезапно вырывается наружу и он срывает его на детях. Многие взрослые жители Монтеграно вспоминают, как жестоко их поколачивали родители. Теперь такие вспышки родительского гнева здесь сравнительно редки. Но так или иначе, большинство крестьян считает, что отдельные эксцессы не в счет, если в остальное время родитель относится к ребенку с любовью. Из двадцати восьми крестьян, которых спросили, какой мужчина лучше — который любит своих детей, но бьет их спьяну, или который на детей особо внимания не обращает, — двадцать один человек отдал предпочтение первому, шестеро — второму, а один не смог сделать выбор.

В воспитательных целях или просто забавы ради детей пугают историями про смерть и прочие ужасы. Насколько прочно такие истории западают детям в память, можно судить по

следующей истории, рассказанной в ходе ТАТ одним молодым человеком:

> *На этом рисунке изображена смерть — в том виде, в каком ее описывали нам в детстве, чтобы напугать... И, кстати, вот что случилось с одним моим другом. Как-то вечером разговор шел про смерть, про то, как она безобразна, и про то, что иногда, перед тем как навсегда забрать человека, она является ему в зримом образе. Тот мальчик очень испугался смерти. А ночью ему приснилось, что смерть явилась ему, чтобы забрать его с собой. Он так перепугался, что потерял сознание, а потом два дня болел (15).*

Детей безоговорочно принято считать существами наглыми, своевольными, эгоистичными, неблагодарными и охочими до злых проделок. За шалости их, конечно же, следует наказывать побоями, и тогда в конечном итоге ребенок скажет родителям спасибо за то, что они стольким ради него пожертвовали и наставили его на верный путь.

Излагая историю своей жизни, Паоло Вителло с огромным удовольствием описывает многочисленные детские проделки в духе Пиноккио. Он рассказывает, как в пять лет чуть не подпалил младшую сестру, когда попытался раскурить соломинку, как сигарету; как подговорил дядю зарезать барашка, принадлежавшего его отцу, а потом спрятал тушу под кроватью; как отец послал его в лавку за гвоздями, а он вместо них купил курительную трубку; как вместо травы, которую обычно ели кролики, он нарвал им ядовитых сорняков... За свои шалости Вителло бывал бит, но из его рассказа понятно, что и ему самому, и родителям они казались забавными и, более того, говорящими о живости и предприимчивости натуры.

Здесь уместно было бы отметить, что подобные детские проделки обычно не обходятся без обмана. На родителях ребенок учится быть хитрым (furbo). Они же подхватывают игру, наказывая его (без риска игры не бывает!), но в то же время, так сказать, со зрительских трибун аплодируя его смышлености.

Любое недомогание вызывает у жителей Монтеграно большое беспокойство, а больного ребенка принято нещадно баловать. Большинство родителей считают своих детей «болезненными». Вителло, переболев корью, целый год не ходил в школу, и это было полностью в порядке вещей.

Наказание, пусть и назначается с легкостью, никоим образом не означает, что родитель стал меньше любить ребенка, и зачастую никак не связано с представлением о том, что хорошо, а что плохо. В своем жизнеописании Прато говорит, что в раннем детстве он ходил в любимчиках у молодого священника, на какое-то время приехавшего в Монтеграно из Неаполя.

Однажды [рассказывает Прато] я пошел на площадь и там какие-то честные люди сказали, что, если я сделаю десять сальто, они дадут мне денег. Я тут же сделал все десять, и мне заплатили 40 чентезимо. Эти деньги я отнес матери, которая при виде их очень удивилась, но я объяснил, откуда их взял. Она рассказала об этом тому священнику, и он очень рассердился, потому что, делая сальто, я мог покалечиться. В наказание он связал мне руки за спиной и за целые сутки дал только кусок хлеба и стакан воды.

Священник в этом эпизоде демонстрирует типичную для южан повышенную чувствительность к вопросам здоровья, типичную строгость в выборе наказания и типичную же неспособность связать между собой наказание и предшествовавший ему проступок. Маленький Прато был наказан не потому, что делать сальто — это плохо; его наказали для того, чтобы он понял, что делать сальто — опасно. (При этом, разумеется, не имеет значения, верно ли Прато описал случившееся; важно, что такую реакцию священника он сейчас считает логичной.) Плохое поведение мальчика постарше связывают с «дурной компанией». Вителло рассказывает в продолжение своего жизнеописания:

Паоло уже хуже себя вел и был непослушным. А тут еще сдружился с двумя другими мальчишками, от которых перенял еще больше дурных

привычек. Паоло, хотя и не был уже маленьким, всего стеснялся, а эти мальчишки везде таскали его с собой и так отучили стесняться. Они научили его танцевать и играть на мандолине, и они все вместе ходили повсюду и пели серенады.

Проделки и наказания за них шли нескончаемой чередой. Одной из проделок стало любовное похождение:

Так Паоло начал заниматься любовью, и как-то раз, когда они с девицей были вместе в каком-то сарае, их там застукал ее отец. Но Паоло сумел тогда отвертеться и на ней не женился.

В шестнадцать лет он по-прежнему оставался озорником и теперь, оглядываясь назад, явно этим гордится:

Паоло было шестнадцать, когда как-то вечером за какую-то провинность отец запретил ему выходить из дома. Но он узнал от друзей, что в Ф. тем вечером были танцы, и нашел способ выбраться из дому. На танцах они все хорошенько выпили, так что по пути домой то и дело роняли на землю свои инструменты. Дома Паоло уже поджидал отец и, как обычно, поколотил. Как мы видим, Паоло, невзирая на сыпавшиеся на него градом удары, всегда оставался верным себе.

В представлении жителей Монтеграно, только усердные старания родителей могут преодолеть природную леность и легкомыслие ребенка. Родители обязаны силой подталкивать отпрыска на верный путь. Характерный образец отношений между поколениями представляют собой Джеппетто и Пиноккио: отец терпелив и отходчив, ребенок беззастенчиво пользуется его любовью, но в конце концов в этом раскаивается. В том или ином виде эта схема повторяется из раза в раз. Вот, например, история, которую, проходя ТАТ, рассказал Вителло:

У матери с отцом был единственный сын, и они во всем себе отказывали, лишь бы он выучился делу лучше того, каким всю жизнь занимались они.

Но сын не ценил их жертв. Учиться он не хотел, а все больше развлекался и заводил себе сомнительных приятелей. Чего только родители ни перепробовали. Они его много раз наказывали, но проку от этого не получалось, потому что он был слишком упрямым. Они запирали его в комнате, но там он, вместо того чтобы учиться, ложился спать. Прошли годы, и мальчик вырос. Когда он наконец решил загладить вину перед родителями, было уже слишком поздно. Они стали совсем старыми, и ему пришлось пойти работать, чтобы прокормить себя и их. И тут он очень, очень пожалел, что ничего не умеет и ему остается только мотыжить землю (1).

Неудивительно, что и повзрослев такой Пиноккио по-прежнему считает себя ребенком, который обязан радовать мать, делая все так, как хочет она. Следующую историю Вителло рассказал в ходе ТАТ, описывая рисунок, на котором пожилая женщина стоит спиной к высокому молодому человеку:

Одна бедная женщина, вдова, во всем себе отказывала ради единственного сына, но этот парень, когда ему исполнилось 18, полюбил девушку, которая, прежде всего, была ему не пара. А кроме того, мать хотела, чтобы он сначала закончил учебу, а он собирался бросить школу и жениться. Оттого, что мать ему это запрещала, он в один прекрасный день сбежал из дома и уехал в далекие края. Бедняжка мать осталась жить в одиночестве и не знала, как ей быть дальше. Но ее сын, который на самом-то деле был хорошим, через какое-то время понял, что, оставив мать одну, он поступил дурно, потому что это она его вырастила, а он теперь ее бросил. Прошло несколько дней, и он вернулся домой, упал перед матерью на колени и, заливаясь слезами, молил ее о прощении. Мать на радостях его простила. С тех пор они зажили счастливо (6 ВМ).

Даже наконец женившись, Пиноккио с трудом расстается с образом непослушного мальчишки. Ему хочется сбежать от жены точно так же, как он прежде сбегал от матери, а потом хочется на коленях приползти домой и смиренно просить о прощении. Вот еще одна история, рассказанная Вителло в ходе тестирования:

У одного человека была жена и много детей, но сам он был человеком нехорошим, предавался дурным привычкам и не хотел работать. Он проиграл все свои деньги в карты, и поэтому его семья едва не умирала от голода. В конце концов он разругался с женой и ушел из дома искать по миру счастья. Но скоро он начал об этом жалеть. Он все время думал о детях и жене, которых он бросил в нищете, и в один прекрасный день набрался храбрости и вернулся домой. С того дня он работает и кормит семью (15).

В нашем рассказе о детстве в Монтеграно особенно важны два момента:

1. Снисходительность родителей к детям и та готовность, с какой родители позволяют им оставаться эгоистичными и безответственными — как здесь говорят, «беспечными» — до тех пор пока сразу же после женитьбы повзрослевшему ребенку не приходится взвалить на себя заботу о собственной семье[6]. По-видимому, не будет преувеличением сказать, что жители Монтеграно ведут себя, как эгоистичные дети, именно потому, что эгоистичными детьми их и воспитывают.

2. Уверенность, что побои — лучшее средство воспитания, и непоследовательность, с какой детей подвергают наказанию. Оно, как уже было отмечено, никак не связано с «принципом долженствования»; родитель ребенка целует, а в следующий момент уже его колотит. Когда вознаграждение и возмездие — «хорошее» и «плохое» — целиком отданы на усмотрение того, кто сильнее, никакие внешние принципы не могут стать внутренними, иначе говоря, совестью. Человек не удивляется, если,

---

[6] Родители-крестьяне во всем потакают и мальчикам и девочкам, но девочкам не позволяется быть беспечными. Девочка в крестьянской семье очень рано начинает выполнять работу по дому и нянчить младших братьев и сестер. Ближе к шестнадцати годам она принимается готовить себе приданое, *corredo* — связанное с его подготовкой шитье и вышивание занимает у нее многие годы. Приличия требуют, чтобы до свадьбы она сидела дома под присмотром родителей и старших братьев. То, что дочь может противиться родительской власти — не выходя при этом за рамки приличий, — более или менее в порядке вещей.

попытавшись угодить власть имущему, он несет наказание, вместо того чтобы получить заслуженную награду. Наказание всего лишь означает, что ему «не повезло», а награда — что «повезло». Ни то ни другое, естественно, не имеет никакого отношения к представлению о должном и недолжном. Не имея внутренних принципов, индивид в своих поступках ориентируется на вероятность наказания или награды. Наказание при этом играет ту же роль, какую при наличии у него совести играло бы чувство вины. Отношения со всеми носителями власти — будь то с государством или с Богом — складываются у него по заложенному родителями образцу.

Глава 9

Будущее

Сосредоточенный на семье этос, который сковывает жителей Монтеграно, не позволяя им действовать согласованно или в интересах общего блага, — основное препятствие как для экономического, так и вообще для любого развития коммуны. Разумеется, существуют и другие факторы, серьезно мешающие ее развитию, — в том числе бедность, невежество и жесткая социальная иерархия, из-за которой крестьянин остается на обочине итальянского общества. Глупо было бы считать основной причиной отсталости какую-то одну из составляющих системы; названные элементы тесно связаны между собой и наверняка еще со множеством других, причем каждый одновременно является и причиной, и следствием всех остальных. Мы исходим из того, что для целей анализа и выработки практических мер в качестве стратегического (или ограничивающего) фактора полезнее всего рассматривать моральные основы общества. Иначе говоря, для понимания и, возможно, последующего изменения ситуации эта точка зрения подходит лучше, чем любая другая[1].

---

[1] Обсуждение понятия «стратегического (ограничивающего) фактора» см. в работе: *Barnard Ch.* The Functions of the Executive. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1938. P. 202–205.

Аморальный фамилизм — не нормальное состояние общества. Он не мог бы существовать сколько-нибудь продолжительное время, если бы внешняя сила — в лице государства — не поддерживала правопорядок и другими способами не смягчала результаты его воздействия. Без вмешательства со стороны государства война всех против всех рано или поздно неминуемо вылилась бы в прямое насилие, в результате чего местное сообщество либо прекратило бы существование, либо выработало бы культурные формы — к примеру, авторитетное религиозное учение, — способные выполнять функцию «общественного договора», о котором когда-то так много писали философы[2]. Поскольку итальянское общество не позволяет коммуне выработать такие особые формы и при этом не создает условий для полной ассимиляции местной культуры, этос Монтеграно продолжает свое существование как явление промежуточное и потому неестественное.

Очевидно, что этос не может поменяться благодаря тому, что его решат изменить сами жители Монтеграно. Ведь в том-то и проблема, что они не способны сообща действовать в общественных интересах. И кроме того, разве может группа людей «выбрать» себе ту или иную мораль? Если бы они могли ее выбрать, это значило бы, что она у них уже есть.

Для целенаправленного изменения этоса необходимо наличие «внешней» группы, которая хотела бы и была бы способна его произвести. Если бы все итальянцы были аморальными фамилистами, такой группы не существовало бы. Между тем и на левом политическом фланге, и в Церкви, и на промышленном севере страны есть силы, которые могли бы вдохновить и поддержать перемены на юге[3].

---

[2] Напрашивается сравнение этоса жителей Монтеграно с этосом их дальних предков, описанным в «Древнем городе» Фюстеля де Куланжа. Древние индоевропейцы тоже были аморальными фамилистами, но только семьи у них насчитывали по несколько тысяч членов, а внутрисемейные связи были чрезвычайно крепки.

[3] При этом следует признать и опасность распространения южного аморального фамилизма на всю страну. Дж.С. Макдональд пишет мне в частном письме: «Имеются

И тем не менее желаемые преобразования могут оказаться неосуществимыми. Возможность целенаправленно изменить этос группы людей пока ничем не подтверждена. Добиться от людей согласия на что-либо, используя методы манипуляции массовым сознанием, — это одно дело. Совсем другое — изменить основы их мировоззрения, особенно когда речь идет о сдвиге в сторону более сложной и требовательной морали.

Кроме того, необходимо признать, что даже если жители Монтеграно станут трудиться дружно, как пчелы, стремительного экономического роста в коммуне не начнется; так, например, создание службы скорой медицинской помощи, вероятно, сделает жизнь в Монтеграно менее невыносимой, но при этом почти никак не поспособствует развитию местной экономики. И хотя глупо отрицать, что при наличии в обществе навыка самоорганизации талантливый предприниматель способен добиться, казалось бы, невозможного, труднодоступность Монтеграно и дефицит ресурсов ставят коммуну в настолько невыгодное положение, что его недостатки не компенсирует никакое сотрудничество. Сельскохозяйственному кооперативу, к примеру, под силу построить простейшие ирригационные сооружения, благодаря которым появится возможность открыть небольшую консервную фабрику; но бедняки коммуны едва ли заживут от этого ощутимо лучше. Тем не менее способность

некоторые основания полагать, что этос Монтеграно может получить распространение в Италии. Доля южан в многочисленном приезжем населении Рима неуклонно растет. Скорее всего, они не изменят принципы организации жизни в городе, ведь и жители Монтеграно не разрушают того, что делается для их коммуны государством. Тем не менее увеличение числа южан на вершине итальянской административной иерархии и в среде элиты общества может иметь плачевные последствия. С другой стороны, опыт моих исследований показывает, что выходцы из Венето благотворно влияют на выходцев из Калабрии: по результатам наблюдений в двух австралийских поселениях первые верховодят вторыми в рамках формальных и неформальных объединений, как экономических, так и досуговых. Южане, как мне кажется, относятся к северянам намного менее критично, чем те — к южанам; более того, южане часто бывают очень высокого мнения о северянах. Такое отношение обещает удачную ассимиляцию южной Италии с северной в случае, если между ними наладятся тесные связи, а северяне в процессе не утратят своих моральных основ».

к согласованным действиям — в случае если она тут появится — может принести важные экономические результаты, которые, однако, дадут о себе знать не в самой коммуне, а далеко за ее пределами. Например, если в результате коллективных усилий будет улучшена ситуация со школами, это в перспективе позволит местной молодежи выйти на более широкий рынок рабочей силы и занять на нем более выгодную стартовую позицию. Коллективные усилия могут со временем увеличить эмиграцию в Америку, тем самым облегчив демографическую нагрузку на местные ресурсы. В сравнении с этими косвенными последствиями прямые и сразу заметные жителям коммуны будут, скорее всего, крайне незначительны.

Для того чтобы в Монтеграно и других подобных местах стали возможны согласованные действия и, соответственно, экономическое развитие, аморальный фамилизм отнюдь не обязательно должен уступить место альтруизму. Более того, индивидуализм (или фамилизм) с точки зрения экономики очень полезен — если только не доходит до крайности и не исключает возможности сотрудничества. В некоторых отсталых странах экономическое развитие начнется только после того, как станут слабеть и рваться узы обычаев и традиций, мешающие человеку осознанно действовать в собственных интересах. Такие общества ставят перед реформаторами еще более трудные задачи, чем общество, члены которого — подобно жителям Монтеграно — полагаются в своем поведении на рациональный расчет. Их стремление подняться по социальной лестнице и готовность приспособиться — в том числе в моральном плане — ко всему, что обещает пойти на пользу их материальному благосостоянию, является в этом контексте важным преимуществом.

И все же, для того чтобы появилась возможность организации и, соответственно, экономического и политического прогресса, аморальный фамилизм должен быть усовершенствован по меньшей мере в трех отношениях:

1. Член общества не должен сводить понимание собственного и семейного интереса исключительно к краткосрочной матери-

альной выгоде. Пусть он по-прежнему заботится в первую очередь о пользе для себя и своей семьи, но при этом хотя бы часть времени посвящает преследованию «более высокой» корысти. Он может, например, иногда получать выгоду не в материальной форме, а в виде хорошей репутации или удовлетворения от социальных взаимодействий, воспринимаемых как «игра». Или жертвовать сиюминутной выгодой ради того, чтобы выиграть в будущем, например прослыв надежным деловым партнером. По минимуму от него не потребуется ничего сверх того, что принято называть «просвещенным» эгоизмом. «Говоря в целом, я не думаю, что у нас эгоизма больше, чем в Америке, — замечает Токвиль. — Единственное различие заключается в том, что там эгоизм носит просвещенный характер, а здесь — нет. Каждый американец умеет жертвовать частью своих личных интересов, чтобы спасти остальное. Мы хотим сохранить все и часто все теряем»[4].

2. По крайней мере некоторые жители коммуны должны обладать моральными качествами, позволяющими взять на себя роль лидера. При этом им также не обязательно руководствоваться альтруистическими соображениями; они могут быть лидерами потому, что им за это платят. Но независимо от того, безвозмездно их лидерство или нет, они должны уметь ответственно исполнять организационные функции, формировать и поддерживать моральный дух в организации[5].

3. Избиратели или все прочие не должны разрушать сложившуюся организацию — ни просто так, без причины, ни со злости, ни из зависти; иначе говоря, от людей требуется готовность терпеть ее, пока она не становится для них помехой.

К созданию этих минимальных условий возможны два общих подхода. Один заключается в том, чтобы ликвидировать при-

---

[4] *Tocqueville A. de.* Democracy in America. New York: Knopf, 1945. Vol. II. P. 123 [*Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. Т. 2. С. 388].

[5] См. обсуждение моральных функций руководителя в работе: *Barnard Ch.* Op. cit., особенно в главе XVII.

чины возникновения нежелательных черт этоса аморального фамилизма и создать предпосылки для «естественного» — то есть не требующего последующего вмешательства со стороны реформаторов — формирования этоса, который отвечал бы основополагающим требованиям экономического и политического развития. Осуществимость такого подхода всецело зависит от возможности — или невозможности — идентифицировать и изменить ключевые элементы системы причинно-следственных связей.

Воздействовать на эти элементы трудно, в частности, из-за их изменчивости. Очевидно, что комплекс причин, формирующих этос аморального фамилизма, переживает быстрые и глубокие перемены. В соответствии с изложенным здесь представлением решающую роль в возникновении этоса Монтеграно сыграли высокая смертность и связанный с ней страх сиротства. Однако теперь, благодаря антибиотикам, смертность заметно снизилась. Если несколько лет назад у редкого ребенка были родные мать и отец, то сейчас трудно встретить такого, у кого умер кто-то из родителей. Одновременно со смертностью, но менее стремительно, снижается и рождаемость. Большинство молодых крестьянских пар стараются заводить не больше двух детей. Если им это удастся, психология и этос нового поколения, безусловно, будут отличаться от нынешнего. Ребенок, который растет одним из двух детей с родными отцом и матерью, приобретает опыт, не похожий на опыт сироты или ребенка, выросшего среди нескольких сводных братьев и сестер.

На этосе жителей Монтеграно сказалась также их ужасающая бедность. В наши дни бедности меньше не стало, и, судя по всему, в обозримом будущем этого тоже не произойдет. Даже напротив, по объективным показателям — таким, например, как среднедушевое потребление белка — большинство обитателей коммуны живут несколько беднее, чем жили их деды, при которых эрозия и истощение почв еще не снизили урожайность. Впрочем, в какую бы сторону ни менялся уровень потребления, *по ощущениям* жителей Монтеграно он снижается, поскольку

их запросы с течением времени значительно возросли: того, чем довольствовались отцы и деды, им теперь решительно недостаточно.

Это особенно касается вопроса общественного статуса, поскольку, как было показано выше, униженным положением крестьянина *la miseria* обусловлена в не меньшей, а то и в большей мере, чем голодом, хронической усталостью и тревогами. В наше время высший класс относится к крестьянам, по-видимому, несколько менее пренебрежительно, чем два или три десятилетия назад. Об этом трудно судить наверняка. Но очевидно, что за последние двадцать лет крестьянин стал болезненнее воспринимать неравенство; похоже, что впредь его чувствительность в этом вопросе будет быстро расти, а пренебрежение к нему со стороны других слоев — постепенно уменьшаться[6].

Названные перемены не приведут к немедленному возникновению нового этоса. Нынешний просуществует еще долго, даже если многие из сформировавших его факторов исчезнут или больше не будут работать, как прежде. Устоявшийся образ мышления и оценки реальности живет своей собственной жизнью независимо от конкретных условий, которые его породили. Это явление называется «культурным отставанием».

Таким образом, реформатору недостаточно изменить положение дел, приведшее к возникновению ныне существующего этоса. Он должен оценить природу и скорость развития того этоса, который зародится, когда новые обстоятельства наконец полностью вступят в силу. Оценки эти ему, разумеется, придется строить по большей части на догадках и предположениях.

---

[6] Исследования, проведенные во время Второй мировой войны, показывают, что наибольшее недовольство своим званием американские военные испытывали в тех частях, где было больше возможностей для продвижения по службе. У автора сложилось впечатление, что то же явление можно наблюдать среди американских негров. Чем больше у чернокожего крестьянина возможностей улучшить свое социальное положение, тем обычно враждебнее и агрессивнее он себя ведет и тем более обездоленным себя ощущает.

Кое-что, однако, можно предположить довольно уверенно. Значительное увеличение среднедушевого дохода рано или поздно приведет к тому, что в своих поступках люди станут руководствоваться более широким пониманием личной выгоды[7]. Иначе говоря, с ростом доходов материальное вознаграждение будет все больше заменяться нематериальным — таким, как укрепление репутации и удовлетворение от сделанной работы. Вместе с тем возрастет число и значимость оплачиваемых (деньгами или как-то иначе) общественно полезных ролей. Существенное укрепление контактов юга Италии с остальной страной — и, соответственно, со всем миром — приведет к скорому распространению на южные сельские коммуны принятых там социальных норм. Если будет поощряться свободный выбор трудящимися профессии и места жительства, южные нормы и обычаи быстро изменятся. Если физический труд перестанет считаться зазорным, а крестьянин станет уважаемым членом общества, располагающим всеми возможностями для социальной мобильности, вскоре наступят совсем другие времена.

Понятно, что все это вряд ли случится. Как, даже с учетом значительного улучшения экономической ситуации в Италии, добиться внушительного роста доходов на юге страны? Как, если не в ходе массовой миграции — которую северяне сочтут катастрофой, — южному крестьянину усвоить северное отношение к жизни? И каким образом можно облегчить униженное положение крестьянина, пока он остается беспросветно бедным?

Целенаправленное изменение этоса, если оно вообще возможно, связано с определенным риском. Устранение причин, обусловивших характерные особенности существующего этоса, не гарантирует, что этос, который его сменит, не будет еще

---

[7] Коммуна Пейран на юге Франции, описанная Лоренсом Уайли (*Wylie L.* Village in the Vaucluse. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1957), может, вероятно, служить примером адаптации этоса аморального фамилизма к улучшившейся экономической ситуации. Среднедушевой доход там приблизительно в два раза выше, чем в Монтеграно.

хуже. Что хорошего, если расслабленных фашистов реформаторам удастся превратить в пламенных нацистов? Кроме того, нежелательные черты существующего этоса могут играть чрезвычайно важную, но не очевидную на первый взгляд роль. Так, например, понятие *interesse* может исполнять скрытую символическую функцию, далеко выходящую за пределы той, что у всех на виду. Не исключено, что обесценив идею *interesse*, мы вместе с тем принизим институт семьи.

Другой доступный реформаторам общий подход предполагает воздействие не на причины, приведшие к возникновению нынешней ситуации, а непосредственно на людей. По сути, он сводится к «старомодному» просветительству. Возможно, для просвещения жителей Монтеграно полезнее всего было бы на двадцать или тридцать лет поселить в коммуне два десятка семей, принадлежащих к среднему и высшему классу, обладающих чувством гражданской ответственности и готовых взять на себя функции учителей и общественных лидеров. Но сделать это невозможно. Даже если найдется достаточное число подходящих людей и все они согласятся поселиться в таком захолустье, как Монтеграно, им там попросту не хватит рабочих мест, соответствующих их профессии и квалификации.

Необходимые перемены в мировоззрении могли бы оказаться побочным результатом широкой проповеди протестантизма[8]. Но протестантский прозелитизм на юге Италии католики едва ли когда-нибудь допустят.

Более исполнимым (или, лучше сказать, менее неисполнимым) вариантом могла бы стать организация просветительской

---

[8] Как сообщается, с распространением в Бразилии протестантизма его последователи стали на редкость активно участвовать в коллективных начинаниях; параллельно сократилась безграмотность, а мошенничества и азартных игр стало гораздо меньше. См.: *Willems E.* Protestantism as a Factor of Culture Change in Brazil // Economic Development and Cultural Change. 1955. Vol. III. № 4 (July). P. 321–333. Если бы католическая церковь поручила миссионерскую работу на юге Италии священникам с севера Европы и из Соединенных Штатов, их проповедь могла бы дать очень похожий результат. Но и об этом, очевидно, не может быть и речи.

деятельности, осуществляемой из провинциальных центров силами специальных государственных служащих, которым вменено в обязанность воспитывать в людях чувство ответственности перед местным сообществом. Крайняя концентрация власти в руках префекта, мешающая развитию нормальной политической жизни в сельских коммунах, может пойти на пользу такой просветительской программе. Вместо того чтобы, как сейчас, поддерживать или отвергать местные инициативы, исходя из сугубо бюрократических соображений, префект может сделать условием своей поддержки их соответствие интересам общественного блага. Сейчас жителям Монтеграно бессмысленно отправлять к префекту делегацию с проектом организации службы скорой медицинской помощи. Для решения этого вопроса ему не хватит полномочий, а если и хватит, он не захочет ими делиться. Это одна из причин, по которым жители Монтеграно с подобными предложениями к префекту и не обращаются. Но если префект будет нацелен на решение задач просвещения, он даст знать должностным лицам и видным жителям подведомственных ему городов, что если у них появится осуществимый план, он его одобрит и поможет воплотить в жизнь. Иными словами, централизованную провинциальную власть, используемую сейчас для срыва местных инициатив, можно использовать для их продвижения. Пытаться ограничить полномочия префекта, когда есть возможность изменить цель их применения, было бы неразумно.

Сделанное выше предложение предусматривает быструю передачу как можно большего числа функций сначала от столичных министерств провинциальным префектам, а затем от префектов — местным органам власти, способным принимать самостоятельные решения. Префектам в этом процессе отводится двойная роль: а) поддерживать местные инициативы и поощрять их, используя имеющиеся у них ресурсы и полномочия; б) предотвращать коррупцию — а затем и циничные разговоры о том, что она якобы все равно есть, — пристально следя за исполнением должностными лицами их обязанностей.

Первоочередная задача при такого рода реорганизации управления — улучшение ситуации со школами. Гарантированный конституцией минимум школьного образования должен быть доступен действительно повсеместно, а любой одаренный ребенок независимо от социального происхождения должен иметь возможность продолжить обучение вне родной коммуны за государственный счет. Чрезвычайные усилия следует приложить к тому, чтобы в сельские коммуны приезжали работать преданные своему делу учителя; привлечь их помог бы план кадровой ротации, который обеспечивал бы им стимулы для работы в отдаленных поселениях и гарантировал возвращение в город. Во всяком случае, необходимо дать почувствовать таким учителям, что они объединены в общенациональную сеть и что никому из них не дадут интеллектуально и карьерно «пропасть» в сельской глуши. Также широко доступным следует сделать среднее профессиональное образование, причем оно должно прививать навыки, необходимые для работы в промышленности, а не в сельском хозяйстве. (Современное механизированное производство сельскохозяйственных товаров невозможно на большей части итальянского юга до тех пор, пока крестьяне в значительной мере не выдавлены с земли, а их наделы не объединены в крупные хозяйства.)

Меры по совершенствованию школьного образования наверняка вызовут интерес и поддержку сельского населения. Формальное образование всегда служило путем, причем единственным, к улучшению положения в обществе. Увидев, что этот путь открыт и для него, крестьянин наконец ощутит себя уважаемым членом итальянского общества. Индивидуалистический характер этоса будет при этом способствовать, а не мешать распространению просвещения: когда образование дает реальный шанс обойти соседа, оно исключительно востребовано.

Как показывает пример Пуэрто-Рико, общественное телевидение также можно использовать для просвещения взрослых, но в долгосрочной перспективе больше пользы скорее принесет издание независимых еженедельных газет — по одной на

две-три коммуны. Местная газета не просто даст крестьянину стимул выучиться читать (зачем уметь читать, если там, где ты живешь, читать нечего?), но и обеспечит множество иных преимуществ. Она создаст чувство общности, сформирует представление об общем благе и повестку действий в интересах всего общества.

Полная децентрализация управления делами на местном уровне уже сама по себе может привести к спонтанному возникновению независимой местной прессы. Когда локальное общественное мнение влияет на принятие важных решений, кто-то обязательно захочет это мнение формировать. Токвиль писал: «Чем больше институтов имеет местная власть... тем быстрее возрастает число газет»[9].

Учителя и другие местные лидеры должны помогать жителям в простых совместных начинаниях. Лучшим началом могло бы стать создание в коммуне футбольной команды. Хотя почти никто из жителей Монтеграно настоящего футбола не видел, они очень им интересуются. (Когда по радио объявляют результаты важных матчей, даже крестьяне собираются в баре их послушать. Недавно мальчишки организовали в городке несколько команд, но провели всего одну игру, потому что мэр Спомо запретил им играть на единственной пригодной для этого площадке.) В футбольной команде сколько-то людей получат опыт сотрудничества, при этом их способность к совместным действиям не будет подвергнута чрезмерному испытанию. Кроме того, футбол сведет вместе представителей высшего и низшего классов: в южных странах, как и в США, хорошего спортсмена ценят независимо от его происхождения, поэтому мальчишки из разных общественных классов в Монтеграно будут играть на равных. Если господа и крестьяне станут играть в одной команде, им будет о чем поговорить друг с другом и вне футбольного поля. Это поможет возникно-

---

9 *Tocqueville A. de.* Op. cit. P. 112 [*Токвиль А. де.* Указ. соч. С. 382].

вению чувства общности. Матчи между соседними коммунами заложат основу для местного патриотизма, а участие чемпиона провинции в общенациональном первенстве заставит жителей коммуны так или иначе отождествлять себя с Луканией или даже со всей страной.

Успех одного подобного начинания может привести к появлению новых, имеющих более осязаемую материальную ценность — вроде создания кредитного союза или кооперативных коммерческих организаций.

Членов высшего класса следует поощрять к тому, чтобы они брали на себя ведущую роль в местных делах. Итальянские наблюдатели склонны утверждать, что представители южной знати настолько ненавидят и равных себе, и низшие классы, что ничего хорошего от них ждать не приходится. Однако на примере Монтеграно видно, что это — либо преувеличение, либо правило, из которого есть много исключений. Высший класс не заботится об общественном благе не по причине классового антагонизма, а в силу общего для всех классов представления об *interesse*, которому он, хотя и печется о собственной корысти, следует менее прямолинейно, чем остальные слои общества. Благодаря тому что они лучше образованы господа более других расположены к здравой дискуссии и восприятию новых взглядов. Возможно даже, что кто-то из них прочитает книгу вроде этой и под влиянием прочитанного несколько изменит свой взгляд на местное общество и на свое место в нем.

***

К сожалению, закончить придется на безрадостной ноте. Активное и успешное проведение в жизнь предложенных выше мер не приведет к решительному улучшению экономической ситуации в Монтеграно. Возможно, благодаря им тяготящий крестьянина груз унижений сделается немного легче, и в результате этого развеется мрачная меланхолия — *la miseria*, — испокон века одолевающая жителей коммуны. Но даже если унижения кончатся, останутся голод, усталость и тревоги. Как бы удачно ни

складывались впредь обстоятельства, пройдет еще очень много времени, прежде чем у всех в Монтеграно будет вдоволь еды.

Не произойдет благодаря этим мерам и радикального изменения этоса Монтеграно. Даже при самом благоприятном развитии событий, для естественного восстановления и оживления социальных связей, которые более чем столетие только чахли и сохли, должны смениться два, три или четыре поколения.

И наконец, необходимо признать, что эти меры вообще вряд ли когда-нибудь будут приняты. Даже если бы имелась гарантия — а ее, разумеется, нет, — что они принесут результат, их, скорее всего, все равно бы никто не стал осуществлять. Народы не больше отдельных коммун способны к целенаправленным коренным переменам.

Приложение А
Образование и неграмотность, землепользование, уровень жизни, продолжительность жизни

Таблица 1. Уровень образования (последняя оконченная ступень), жители Монтеграно в возрасте 21 года и старше, 1954

	Неполное начальное		Начальное (5 классов)		Среднее (6–8 классов)		Высшее (университет и т.п.)		Всего	
	Чел.	**%**	**Чел.**	**%**	**Чел.**	**%**	**Чел.**	**%**	**Чел.**	**%**
Мужчины	*299*	*32,7*	*568*	*62,1*	*21*	*2,3*	*27*	*2,9*	*915*	*100*
Женщины	*681*	*62,4*	*393*	*36,0*	*3*	*0,3*	*14*	*1,3*	*1091*	*100*
Все население	*989*	*48,9*	*961*	*47,9*	*24*	*1,2*	*41*	*2,0*	*2006*	*100*

Источник: данные мэрии.

Таблица 2. Неграмотность по социальным группам, жители Монтеграно в возрасте 10–39 лет, 1951

Группа[1]	**%**[2]
Сельскохозяйственные работники	*30*
Сельские хозяева (живущие вне города)	*44*
Сельские хозяева (живущие в городе)	*18*
Ремесленники	*8*
Коммерсанты	*9*
Служащие	*12*
Специалисты	*10*
Землевладельцы	*19*
Средний показатель	*29*

Примечания: 1) Человек относится к той группе, к которой принадлежит глава домохозяйства, в котором он живет. Все неграмотные среди служащих и специалистов — женщины. 2) Не вполне понятно, насколько можно доверять этим данным. Очевидно, что все окончившие пять классов *ipso facto* отнесены здесь к числу грамотных; между тем многие через несколько лет после окончания школы могут прочитать и написать лишь несколько слов. По всей видимости, действительная неграмотность выше, чем следует из этой таблицы.
Источник: данные переписи.

Таблица 3. Землепользование в Монтеграно, 1954

Тип землепользования	**Акры**	**%**
Непродуктивная земля	*2028*	*12*
Леса	*3280*	*19*
Пастбища	*4834*	*27*
Сады	*916*	*5*
Возделываемая земля	*5735*	*33*
Под паром	*640*	*4*
Итого	*17 433*	*100*

Источник: данные местной налоговой службы.

Таблица 4. Использование возделываемой земли в Монтеграно, 1954

Использование	**Акры**	**Доля, %**
Овощные культуры	*170*	*3*
Бобовые без мелиорации	*74*	
Овощи на орошаемых участках	*96*	
Плодовые деревья и виноград	*598*	*10*
Оливы	*129*	
Виноград	*363*	
Инжир	*106*	
Зерновые культуры	*2816*	*50*
Пшеница	*2516*	
Ячмень и овес	*247*	
Кукуруза	*48*	
Кормовые культуры	*2149*	*37*
Итого	*5735*	*100*

Источник: данные местной налоговой службы.

Таблица 5. Распределение хозяйств по размеру и распределение возделываемой земли по хозяйствам разного размера, Монтеграно, 1951

Площадь хозяйства, акры	**Количество хозяйств**	**Общая площадь, акры**	**Доля возделываемой земли, %**
Меньше 2,5	*114*	*148*	*2,6*
2,5–7	*235*	*1257*	*22,1*
7,5–14	*108*	*980*	*17,3*
15–24	*56*	*1111*	*19,5*
25–50	*23*	*942*	*16,6*
Больше 50	*14*	*1247*	*21,9*
Все коммерческие хозяйства (15 акров и больше)	*93*	*3300*	*58,0*
Все хозяйства	*550*	*5685*	*100,0*

Источник: данные местной налоговой службы.

Таблица 6. Доходы семьи сельскохозяйственного работника в Монтеграно за год с 1 ноября 1954 по 31 октября 1955 года (в долларах США)

	Отработано, дней	Оплата наличными	Оплата натурой		Всего заработано	Чистая стоимость продукции семейного хозяйства[1]	Полученные подарки[2]
			Питание	**Иное**			
Отец	*180*	*114,30*	*62,33*	*28,06*	*204,69*		
Мать	*38*	*8,87*	*14,11*	*2,42*	*25,40*		
Дочь	*116*	*42,66*	*28,06*	*0,48*	*71,20*		
Сын	*51*	*10,61*	*20,24*	*0,32*	*31,17*		
Итого	*385*	*176,44*	*124,74*	*31,28*	*332,46*	*107,25*	*14,51*

Общий доход[3] — *482,22*

Примечания: 1) В том числе 9 бушелей пшеницы общей стоимостью 29 долларов, овощи общей стоимостью 10 долларов и домашнее мясо стоимостью 90 долларов, за вычетом 21,75 доллара затрат на содержание хозяйства. Стоимость вложенного труда не учитывается. 2) В том числе 12,09 доллара, подаренные дочери ее бабушкой на приданое. 3) В течение года семья получила заработанные ранее 28 долларов, кроме того 38,25 доллара ей за различные услуги заплатил американский исследователь. Эта последняя сумма не включена в таблицу, поскольку не входит в обычный доход — если бы в Монтеграно не приехал иностранец, семья бы ее не заработала.

Таблица 7. Расходы семьи сельскохозяйственного работника в Монтеграно за год с 1 ноября 1954 по 31 октября 1955 года (в долларах США)

Продукты	
Зерно (641 фунт)	*37,63*
Макароны и спагетти (153 фунта)	*16,85*
Мука (61 фунт)	*4,51*
Соль (87 фунтов)	*3,20*
Вино (3 галлона)	*3,16*
Картофель (272 фунта)	*2,00*
Мясо (5,5 фунта)	*2,00*
Оливковое масло (2 кварты)	*1,29*
Сахар (2,6 фунта)	*0,59*
Рыба (1,5 фунта)	*0,45*
Уксус	*0,35*
Лук	*0,16*
Помол зерна	*0,89*
Итого	*73,08*
Потребительские товары длительного пользования	
Обувь (покупка и починка)	*18,91*
Постельное белье	*9,70*
Приданое	*74,41*
Другое	*15,79*
Итого	*118,81*
Домашнее хозяйство	
Мыло	*4,51*
Дрова	*0,98*
Будильник	*4,83*
Цирюльник	*0,69*
Краска	*1,45*
Разное	*5,20*
Итого	*17,66*

Продолжение табл. 7

Выплата долгов	*10,48*
Медицина	*0,08*
Сельское хозяйство	
Ягненок	*5,32*
Налоги	*3,76*
Удобрения	*0,32*
Аренда бороны	*1,60*
Кузнец	*3,00*
Корзины	*1,28*
Кирка	*0,96*
Проволочная сетка	*0,96*
Разное	*4,55*
Итого	*21,75*
Общая сумма	*241,86*

Таблица 8. Минимальное приданое (corredo) дочери сельскохозяйственного работника (в долларах США)

12 простыней	*38,90*
24 наволочки	*11,28*
12 ночных сорочек	*9,67*
8 нижних юбок	*9,02*
8 комплектов столового белья на 6 персон	*25,79*
4 комплекта столового белья на 12 персон	*58,03*
1 легкое одеяло	*12,90*
1 шерстяное одеяло	*22,56*
3 покрывала	*14,51*
1 стеганое одеяло	*8,06*
кастрюли и сковородки	*24,18*
1 бельевой сундук	*8,06*

Продолжение табл. 8

1 ларь для зерна	*16,12*
4 матраса	*32,24*
1 соломенный матрас	*8,06*
12 полотенец	*9,07*
4 мешка для зерна	*3,22*
посуда и столовые приборы	*4,83*
корзины	*4,83*
12 пар чулок	*5,80*
3 пары обуви	*11,00*
5 платьев	*24,18*
Общая стоимость	*362,10*

Таблица 9. Возрастное распределение смертей крестьян и остальных жителей Монтеграно, 1948–1953, %

Возраст смерти	**Крестьяне**	**Остальные**
1 год и младше	*20,8*	*8,1*
13 месяцев — 7 лет	*6,2*	–
8–30	*4,2*	*8,1*
31–60	*15,6*	*14,3*
61–80	*37,6*	*28,7*
Старше 80	*15,6*	*40,9*
Итого	*100,0*	*100,0*

Источник: данные мэрии.

Таблица 10. Расходы семьи ремесленника в Монтеграно за год с 30 ноября 1954 по 1 декабря 1955 года (в долларах США)

Продукты	
Зерно (110 фунтов)	6,40
Помол зерна	3,00
Макароны и спагетти (212 фунтов)	22,08
Соль (40 фунтов)	1,16
Вино (6,5 кварты)	1,68
Мясо (17,5 фунта)	6,37
Рыба (29,7 фунта)	8,71
Сыр (5 фунтов)	3,80
Оливковое масло (1 литр)	0,61
Конфеты	2,12
Фрукты и овощи	10,61
Яйца (11 дюжин)	4,00
Сахар (8,5 фунта)	1,87
Другое	2,40
Итого	74,81
Потребительские товары длительного пользования	
Обувь (покупка и починка)	26,30
Постельное белье	6,09
Зонтик	1,76
Другое	29,47
Итого	63,62
Домашнее хозяйство	
Мыло	3,18
Керосин и электричество	12,03
Цирюльник	0,61
Ремонт дома	53,33
Свадебный подарок	2,40
Детский сад	2,90
Разное	9,40
Итого	83,35

Продолжение табл. 10

Выплата долгов	*2,40*
Медицина	
Гонорар врача	*6,40*
Лекарства	*40,93*
Итого	*47,33*
Сельское хозяйство	
Обмолот и помол	*3,47*
Свинья	*14,40*
Налоги	*5,42*
Наемные работники	*8,12*
Удобрения	*16,16*
Свиной корм	*6,42*
Аренда волов	*1,92*
Разное	*1,54*
Итого	*57,45*
Общая сумма	*329,46*

Таблица 11. Состав домохозяйств у разных социальных групп, Монтеграно, 1951, число человек

	Работники	Сельские хозяева	Ремесленники и коммерсанты	Высший класс	Другие	Все группы
Категория I						
А. Нуклеарная семья (отец, мать, дети)	*128*	*192*	*63*	*27*	*21*	*431*
Б. Неполная нуклеарная семья (вдова/вдовец, дети)	*16*	*33*	*1*	*5*	*14*	*69*
В. Расширенная семья (муж, жена, дети, один или несколько родственников)	*13*	*29*	*7*	*11*	*7*	*67*
Итого	*157*	*254*	*71*	*43*	*42*	*567 (70,1 %)*
Категория II						
А. Родовая семья (муж, жена, неженатые и незамужние дети, женатый сын и его семья)	*2*	*23*	*1*	*1*	*–*	*27*
Б. Неполная родовая семья (вдова/вдовец, неженатые и незамужние дети, женатый сын и его семья)	*–*	*3*	*–*	*–*	*3*	*6*

	Работники	Сельские хозяева	Ремесленники и коммерсанты	Высший класс	Другие	Все группы
В. Братская семья (женатые братья со своими семьями)	–	–	–	–	–	–
Г. Женатые братья и замужние сестры со своими семьями	–	–	–	–	–	–
Итого	*2*	*26*	*1*	*1*	*3*	*33 (4,1 %)*
Категория III						
А. Бездетные супруги	*19*	*21*	*7*	*5*	*20*	*72*
Б. Братья и сестры	*2*	*1*	–	*3*	*1*	*7*
В. Люди, не связанные родством	*2*	–	–	–	–	*2*
Г. Прочие разновидности	*26*	*21*	*7*	*16*	*58*	*128*
Итого	*49*	*43*	*14*	*24*	*79*	*209 (25,8 %)*
Общая сумма:	*208*	*323*	*86*	*68*	*124*	*809 (100,0 %)*

Примечание: деление на категории основано на исследовании: *Pitkin D.S.* Land Tenure and Family Organization in an Italian Village. Cambridge, MA: Harvard University, 1954. PhD thesis. P. 111.

Приложение Б
Ответы на задания тематического апперцептивного теста: южная Италия, северная Италия и сельские районы Канзаса

В этом разделе приведены истории, придуманные испытуемыми — итальянцами и несколькими типичными жителями штата Канзас — в ходе тематического апперцептивного теста. Все они рассказаны про одну и ту же картинку, на которой мальчик смотрит на лежащую перед ним на столе скрипку. Все итальянские испытуемые — сельскохозяйственные работники или сельские хозяева; северяне — образованнее и зажиточнее южан. Все северяне и все взрослые южане женаты или замужем и имеют детей. Жители сельских районов Канзаса также состоят в браке. За проведение ТАТ в Канзасе автор благодарен профессору Берту Каплану из Канзасского университета. Результаты ТАТ, полученные в Канзасе, не рассматриваются в качестве показательных для этоса сельской Америки; они приведены с единственной целью создать контраст, чтобы подчеркнуть характерные особенности ответов итальянских респондентов.

Южная Италия (Монтеграно)

1. *Мужчина, 47 лет.* Жил бедный мальчик, у которого родители умерли и не оставили ему никакого наследства. Ему было не на что жить, и, чтобы прокормиться, он целыми днями играл на гитаре и этим немного зарабатывал. Но однажды злые мальчишки стали над ним насмехаться, а когда он не смолчал и ответил

им, они разбили его гитару, и бедный мальчик совсем отчаялся, потому что он потерял все, что у него было, и теперь у него не осталось ничего, кроме самого черного отчаяния. Но один из мальчишек усовестился, пожалел о своем поступке и отвел маленького мальчика к себе домой, где ему дали работу, и он смог зарабатывать себе на жизнь.

2. *Женщина, 34 года.* Маленький мальчик остался сиротой и был очень грустным и несчастным. Он решил, что все для него уже кончено. Он же был таким маленьким, что не мог ни учиться, ни работать, и поэтому будущее его ждало самое печальное, потому что ему не оставалось ничего, кроме как пойти на улицу просить милостыню, чем он и занялся.

3. *Женщина, 41 год.* Маленький мальчик остался сиротой, просил подаяние, жил милостью добрых людей и немного зарабатывал, играя на гитаре. Однажды гитара, его единственное сокровище, сломалась, и он горько заплакал, потому что не знал, что ему теперь делать. Но его увидел добрый господин и подарил ему новую гитару.

4. *Мужчина, 32 года.* У матери с отцом был единственный сын, и они во всем себе отказывали, лишь бы он выучился делу лучше того, каким всю жизнь занимались они. Но сын не ценил их жертв. Учиться он не хотел, а все больше развлекался и заводил себе сомнительных приятелей. Чего только родители ни перепробовали. Они его много раз наказывали, но проку от этого не получалось, потому что он был слишком упрямым. Они запирали его в комнате, но там он, вместо того чтобы учиться, ложился спать. Прошли годы, и мальчик вырос. Когда он наконец решил загладить вину перед родителями, было уже слишком поздно. Они стали совсем старыми, и ему пришлось пойти работать, чтобы прокормить себя и их. И тут он очень, очень пожалел, что ничего не умеет и ему остается только мотыжить землю.

5. *Мужчина, 30 лет.* Один маленький мальчик остался круглым сиротой и кормился только тем, что подадут люди. Однажды кто-то отдал ему гитару. Она была не очень новая. Мальчик подумал, что если он научится хорошо на ней играть, он потом сможет разбогатеть. И вот он стал с утра до вечера учиться, забывая об усталости и ни на миг не прерываясь. Один благородный господин, когда увидел мальчика, всей душой его пожалел. Этот благородный господин поселил мальчика у себя дома и дал ему заниматься, сколько нужно. Мальчик сумел правильно использовать такое везение и, когда вырос, стал настоящим маэстро.

6. *Женщина, 37 лет.* Один маленький мальчик все время плакал, потому что у него никак не получалось научиться играть, и он очень из-за этого переживал. Но он не бросал занятий, и в конце концов ценою огромных трудов и бесконечных стараний все у него пошло на лад, и он сделался хорошим музыкантом.

7. *Женщина, 29 лет.* У бедного мальчика умерли и отец, и мать, и он остался совсем бедным. Он долго думал, что ему делать, и наконец решил, что ему не остается ничего, кроме как бродить по свету, играть на гитаре и просить милостыню. Так получилось, что этим он потом всю жизнь и занимался.

8. *Мужчина, 40 лет.* Один мальчик так любил музыку, что с самых ранних лет делал маленькие музыкальные инструменты из бумаги. Пойти учиться музыке он не мог, потому что у его родителей не было денег. Но он все равно понемногу сам по себе учился тому и этому. Сколько раз он плакал, оттого что у ничего не получалось! Но в конце концов он сумел попасть в небольшой оркестр и там очень скоро оказалось, что у него настоящий талант. Он выучился великолепно играть и стал прославленным музыкантом.

9. *Женщина, 30 лет.* В одной бедной семье рос мальчик, который очень хотел учиться, но такой возможности у него не было,

потому что ему приходилось работать. Но даже в перерывах во время работы он всегда старался чему-нибудь научиться. И наконец ему повезло: его дядя из Америки прислал ему денег, он на них выучился, и теперь у него есть хорошая профессия.

10. *Женщина, 36 лет.* Парень из бедной семьи остался круглым сиротой, потому что и отец, и мать у него умерли. Больше родных у него не было, и поэтому он совсем обнищал. Целыми днями он играл на гитаре и просил подаяния. Спать он ложился там, где его заставала ночь. Как-то он целый день играл, но не заработал ни гроша, и к вечеру совсем выбился из сил. А когда наступила ночь, он очутился около железнодорожных путей. Он не подумал, что может пойти поезд, и сел прямо на рельсы. Его тут же сморил сон, а потом произошло страшное несчастье. Налетел поезд и разметал бедное дитя в мелкие кусочки.

11. *Мужчина, 58 лет.* Тут на картинке нарисован мальчик, он смотрит на гитару и выглядит очень печальным. Наверно, он остался без родителей и теперь решает, как заработать себе на кусок хлеба. Он думает, что, пока не подвернется какая-нибудь работа, ему придется играть на гитаре и просить подаяния.

12. *Юноша, 18 лет.* У этого мальчика умерла мать, и сейчас ему очень грустно, потому что он не знает, как ему теперь быть, ведь он незаконнорожденный, и у него не осталось родных. Он печально думает, что ему придется жить в нищете, но в нищете он не окажется, потому что о нем позаботится отец, который раньше не обращал на него внимания. Он отправит его в школу и наставит на верный путь.

13. *Девушка, 18 лет.* Тут нарисован бедный ребенок, который остался без отца и матери и сейчас умирает с голоду. В один прекрасный день ему подарили гитару, и он решил, что будет играть на ней на улицах городка, и так он зарабатывал какие-то крохи себе на жизнь. Но потом он вырос и нашел работу,

и жить ему стало спокойнее. Потом он женился и теперь у его все хорошо.

14. *Девушка, 17 лет.* Одна семья жила богато и счастливо до тех пор, пока один за другим не умерли отец и мать. У них остался мальчик девяти лет, которого отдали на воспитание дяде, который должен был позаботиться, чтобы мальчик ни в чем не знал нужды. Но дядя был скрягой и с мальчиком обращался очень плохо. Мальчик часто плакал от горя и одиночества, но дядя на его слезы внимания не обращал. И так мальчик жил все время, пока не стал взрослым и не освободился от дядиной опеки. После ему жилось намного лучше.

15. *Юноша, 18 лет.* Это несчастный маленький мальчик. Его родители — богатые люди. Он очень дорожил своей маленькой гитарой, которую любил больше всех остальных игрушек. Но однажды, когда он наслаждался игрой на гитаре, она упала на пол и сломалась. Мальчик рыдал в три ручья, несмотря на то что родители пообещали купить ему точно такую же. Если бы свою любимую гитару сломал мальчик из крестьянской семьи, ему бы точно новой не купили.

16. *Мужчина, 42 года.* Этот маленький мальчик явно хлебнул много горя. Сначала у него умерла мать. Потом умер отец, и он остался совсем один. Чтобы прокормиться, он играл на улицах на гитаре, но однажды его гитара, которая, можно сказать, была для него единственным средством пропитания, сломалась и стала ни на что не годна. Поэтому-то ребенок такой несчастный — он думает, что явился в этот мир, только чтобы терпеть невзгоды, которые не кончатся никогда. Но в один прекрасный день его жизнь переменилась, потому что некий благородный господин озаботился его судьбой, забрал с улицы и отправил учиться. Когда мальчик вырос, он нашел себе хорошую работу.

Северная Италия (Ровиго)

1. *Мужчина, 37 лет.* У одного мальчика родители были не богатые, но на жизнь им хватало. С самого раннего детства мальчик был слабым и болезненным, он часто болел так, что несколько раз чуть не умер. Родители было отправили его учиться в школу, но он слишком уставал от уроков и очень переживал, что не может успевать за остальными детьми. Поэтому он сидел дома, целыми днями слушал по радио музыку и очень ее полюбил. Когда в поселок приезжали музыканты, он не пропускал ни одного их выступления, а потом родители слышали, как он дома напевает услышанные мелодии. Однажды мальчик услышал, как нищий играл на скрипке, и его поразило, на что способен этот инструмент. С тех пор он не мог думать ни о чем другом и решил, что здорово было бы тоже научиться играть на скрипке. Родителям он долго ничего об этом не говорил. Наверно, думал, что они не смогут ему помочь, потому что инструмент стоит очень дорого. Но родители заметили, что он погрустнел и стал задумчивее, чем всегда, и спросили, что с ним происходит. Тогда мальчик рассказал им о своей мечте. Родителям пришлось чем-то пожертвовать, но они купили сыну скрипку, потому что хотели, чтобы он был счастлив. Они даже отправили его учиться музыке у преподавателя. Мальчик старается изо всех сил, потому что обожает музыку. Он занимается по многу часов каждый день, чтобы стать, когда вырастет, хорошим скрипачом и отплатить родителям за все их жертвы и затраты. Он и в самом деле станет хорошим скрипачом и очень осчастливит родителей, которые для него столько сделали и стольким пожертвовали.

2. *Женщина, 28 лет.* У великого музыканта, у скрипача, был сын. Он очень любил отца и старался не пропустить ни одного его выступления. Однажды великий музыкант во время концерта в театре плохо себя почувствовал, но все равно продолжал играть. Мальчик заметил, что отцу нехорошо, и, как только отец

доиграл свой номер, побежал в комнату, куда его отнесли лишившегося сил. Когда мальчик увидел отца, тот умирал от внезапного паралича. Увидев сына, отец сказал, что умрет счастливым, если он пообещает ему научиться играть на скрипке, и мальчик сказал, что обязательно научится. Когда отец умер, он долго не находил себе места. Но несмотря на то что он хотел научиться играть, взять в руки скрипку у него не хватало духа... потому что он ненавидел этот инструмент, отобравший у него отца. Наконец ему удалось победить свою печаль, и он со всей страстью взялся за учебу, во-первых, потому что обещал отцу, а во-вторых, потому что сам всей душой стремился научиться играть. Как и отец, он наверняка станет великим музыкантом.

3. *Мужчина, 32 года.* Маленький мальчик с головой погружен в свои мысли. Он сидит за небольшим столом, на котором развернута иллюстрированная газета. Мальчик смотрит на фотоснимок оружия. В мире происходят исторические события, и мальчик узнал из газеты, что творится в Венгрии, где народ восстал против рабства. Он смотрит на изображенное на снимке оружие и размышляет, как бы превратить его в настоящее, чтобы из него можно было стрелять. До сих пор мальчик жил, не зная забот, но теперь рассказы о событиях в Венгрии и фотоснимки оттуда разбудили его воображение. Он хочет прийти на помощь страдающему народу, но не знает, что для этого надо делать, потому что он еще слишком мал. Мальчик не знает, что делать, но все равно стремится как-нибудь помочь. Он ненавидит тех, кто довел до этого народ, и сохранит это чувство в зрелые годы. Он никогда не забудет об ужасных вещах, о которых узнал, и уже взрослым мужчиной часто будет обращаться мыслями к стране, где страдает так много людей. Он всегда будет проклинать и ненавидеть всех тех, кто так бесчеловечно обошелся с венгерским народом.

4. *Женщина, 34 года.* Маленькая девочка погружена в свои мысли, потому что она оказалась вдали от своей семьи. Она

думает о матери, которая сейчас далеко и которой она уже очень давно не видела. Мать оставила девочку одну, но та постоянно думает о матери и мечтает как можно скорее ее увидеть. Мать девочки — женщина очень капризная, она любит дочь, но тем не менее отправила ее в интернат, потому что захотела свободы, а дочь своим присутствием мешала ей делать все, что заблагорассудится. Отец не стал противиться капризам матери, и вот теперь маленькая девочка живет в интернате. Ей здесь не нравится, потому что она хочет домой к матери, но мать от нее избавилась, и чтобы ей не мешать, девочка проведет в интернате еще много лет. Когда девочка вырастет, она точно не сможет простить мать за то, что та отослала ее от себя и пренебрегла ею ради своих капризов.

5. *Мужчина, 36 лет.* Мальчик думает о том, как сильно ему хочется научиться играть на гитаре, но пока он не то чтобы не научился, а даже еще и не понял, что надо делать, чтобы научиться. Перед ним лежит книга, по которой можно научиться игре на инструменте самостоятельно, без преподавателя — мальчик пытался учиться по этой книге, но без всякого толку. Это и заставило его задуматься, но он все равно будет продолжать занятия, потому что очень хочет стать настоящим гитаристом. Он хочет заниматься, чтобы облегчить свое положение, а со временем и зажить лучше. Мальчик очень умный. Родители у него крестьяне, но они видят, как увлеченно он занимается музыкой, и поэтому стараются порадовать его и позволить учиться игре на гитаре, чтобы когда-нибудь самим порадоваться, увидев, что он добился того, к чему стремился. У мальчика обязательно получится стать настоящим гитаристом, потому что на это направлены все его мысли. Полностью освоив инструмент, он заживет отдельно от отца с матерью, будет играть в оркестре на танцах и хорошо устроит свою жизнь. Родители нарадоваться не смогут на сына и на его работу, но всегда будут помнить, как тяжело им пришлось трудиться, чтобы проложить ему дорогу к лучшей жизни.

6. *Женщина, 41 год.* Мальчик сидит у стола, на котором лежит скрипка и несколько листов с нотами. Он погружен в размышления, потому что у него не ладятся занятия музыкой, но ведь начинать всегда трудно. Учитель дал ему ноты, чтобы он научился по ним играть, но сколько мальчик ни старался, у него не получалось как надо, поэтому сейчас он расстроен. Он устал, отложил инструмент и грустно смотрит на него. Но мальчик очень старательный, и пусть на первых порах у него выходит плохо, со временем он научится хорошо играть и сделается великим музыкантом. Родители позволили ему учиться, потому что сами не знали, кем они хотят, чтобы он стал, когда вырастет. Когда мальчик сказал, что хочет учиться игре на скрипке, родители не стали возражать, потому что хотели, чтобы ребенок сам решил, кем ему быть.

7. *Мужчина, 50 лет.* Мальчик остался дома один. Родители оставили его одного, потому что им надо было уйти, и, уходя, они велели ему хорошо себя вести и сделать домашнее задание. Когда родители ушли, мальчик сел заниматься, но скоро устал и начал бродить по дому и заглядывать во все ящики и шкафы. В одном из них он нашел пистолет и сразу задумал сделать то, чего делать не следовало. Мальчик решил, что теперь он сильнее всех других мальчишек, и захотел выйти на улицу показать им свое оружие. На улице он встретил других детей и начал с ними играть, а потом, чтобы напугать, стал целиться в них из пистолета. Вдруг пистолет выстрелил и ранил одного из мальчишек. Раненый так закричал, что все разбежались, а сам он спасся каким-то чудом. Мальчик перепугался, вернулся домой, спрятал пистолет на место и сел за стол заниматься, понадеявшись, что родители ничего не узнают. Но они все узнали еще прежде, чем вернулись домой, а дома строго отчитали мальчика, хотя сами при этом чувствовали себя отчасти виноватыми в случившемся и радовались, что все обошлось без серьезных последствий.

8. *Мужчина, 27 лет.* Мальчик сидит у стола, обхватив голову руками, и думает. Он думает о том, кем он хочет стать, когда

вырастет, и мысли его связаны со скрипкой, которая лежит перед ним. Скрипка появилась в доме давным-давно, отец играет на ней для своего удовольствия в свободные часы после работы и по воскресеньям. Семья у мальчика бедная, поэтому он никогда не получает всего, чего ему хочется. Скрипку ему дал отец, чтобы она помогла ему развлечься. Мальчик смотрит на инструмент не потому, что умеет на нем играть или собирается этому научиться, а потому, что она кажется ему очень красивой и он думает, как хорошо было бы уметь делать такие же красивые вещи. Мальчик хочет стать мастером и делать скрипки, гитары, мандолины и другие музыкальные инструменты. Об этом он и думает, и скоро расскажет о своих мыслях родителям. Они сделают все, чтобы мальчик смог заняться тем, чем он хочет заниматься, и отправят его в учебное заведение, где он сможет научиться выбранному им мастерству. Мальчик проучится там много лет, станет прекрасным мастером и обеспечит себе скромную, но безбедную жизнь.

9. *Женщина, 32 года.* Мальчик смотрит на скрипку и думает, как бы научиться на ней играть. Он знает, что обучение музыке стоит денег, но надеется, что, заручившись помощью родителей и некоторых родственников, он сможет пойти учиться. Дядья очень его любят и вполне могут дать немного денег на уроки музыки. Но родителей его желание учиться играть на скрипке совсем не радует, потому что им важнее, чтобы он работал с ними в поле, где им без него трудно обходиться. Мальчик несколько раз видел музыкантов в кино, и с тех пор его одолевает страстное желание играть на скрипке. Инструмент родители ему купили, но позволить ему посвятить все время занятиям не могут, так как он нужен им в поле. Чтобы не перечить родителям, мальчик занимается только в свободные от крестьянской работы часы вместо того, чтобы идти развлекаться вместе с другими детьми. Он станет прекрасным скрипачом и поступит в оркестр, который играет на танцах, но по-прежнему будет жить с родителями и даже иногда помогать им в работе.

10. *Женщина, 36 лет.* Маленький мальчик хочет научиться играть на скрипке и после школы все свободное время пытается что-нибудь на ней сыграть. Но у него ничего не получается, потому что он не учился музыке и обращению с инструментом, так что он только понапрасну тратит время. Родители мальчика не хотят, чтобы он был лентяем. В первый раз, когда они увидели его со скрипкой в руках, они решили, что он просто дурачится. Но потом они стали замечать, что ради того, чтобы повозиться со скрипкой, мальчик начал запускать учебу и перестал делать домашнее задание, хотя никаких успехов в игре он не делал, потому что, на самом деле, у него не было большого желания учиться играть. Тогда родители сказали, что ему придется выбирать: или он сейчас же серьезно возьмется за занятия музыкой, или пусть забавляется со скрипкой только после того, как сделает все уроки. Сейчас мальчик обдумывает их слова, но никак не может сделать выбор. Скрипка для него — простая прихоть, и учиться играть на ней он особенно не стремится. Поэтому он будет делать так, как с самого начала думали родители. Придя из школы, он сначала будет делать заданное на дом, а потом, если будет время и желание, сможет поиграться со скрипкой.

Сельские районы Канзаса

1. *Мужчина, около 30 лет.* Похоже на то, что парнишку заставляют учиться играть на скрипке, а для него это страшная скука. Похоже на то, что он представляет, что другие мальчишки сейчас делают на улице — может, в футбол играют, или, не знаю, еще что-нибудь такое делают. Мать, наверно, хочет, чтобы он стал профессиональным скрипачом, но ему это совсем не интересно. Мать, скорее всего, сумела настоять на своем: парнишке пришлось остаться дома и заниматься скрипкой. Но в конце концов он все равно станет знаменитым футболистом.

2. *Женщина, около 30 лет.* В маленькой деревне в Германии жила большая семья. У детей из этой семьи было мало надежды

пойти в школу, потому что их в семье было слишком много. Но этот маленький мальчик твердо решил стать великим музыкантом. Возможностей заработать денег у него было мало, но он старался сэкономить каждый цент, чтобы заплатить за учебу и купить скрипку. Братья и сестры высмеивали его честолюбивый план, но он отвечал: «Я вам докажу!» Он каждый день трудился до изнеможения, а по ночам репетировал. Когда мальчик достаточно подрос, он уехал в колледж. Это ему далось нелегко. Но теперь вся его семья может по праву им гордиться, потому что мальчик стал одним из лучших в стране дирижеров.

3. *Мужчина, 35–40 лет.* Мальчик смотрит на скрипку. Ему, наверно, велено учиться на ней играть. Он раздумывает, пытаясь понять, хочется ему на самом деле этого или нет. Мне кажется, как только он возьмет скрипку в руки и заиграет на ней, она ему сразу понравится, но пока он не может решить, хочет он это сделать или не хочет. Но кроме того, мальчик думает о том, что если он будет заниматься и научится хорошо играть, то, возможно, со временем станет знаменитым, будет выступать в больших залах, радовать публику и сильно разбогатеет. Вот-вот он примет решение начать учиться игре на скрипке и стать великим музыкантом.

4. *Женщина, 35–40 лет.* Этот маленький мальчик занимался на скрипке и устал. Он хочет пойти гулять. Но мать велит ему заниматься дальше, и он, скорее всего, ее послушается. Со временем он научится играть по-настоящему хорошо и, возможно, полюбит это занятие. У него есть собака, которая, когда слышит его игру, всегда начинает выть. Когда мальчик вырастет, он достигнет совершенства и будет играть в оркестре.

5. *Мужчина, 35–40 лет.* Мальчик думает о своей скрипке. Может быть, ему противно от того, что его заставляют учиться на ней играть. Кажется, он смотрит на нее как-то недобро. А больше про эту картинку ничего и не скажешь. [Что на ней происходит?] Не знаю. Он просто не играет на своей скрипке.

Элла Панеях

Общество, которого нет

Автор «Моральных основ отсталого общества» — один из самых известных американских интеллектуалов своего поколения. Эдвард Бэнфилд несколько десятилетий преподавал в Гарвардском и Чикагском университетах, был другом Милтона Фридмана и Лео Штрауса, работал советником Ричарда Никсона и Рональда Рейгана, написал множество книг, не раз становившихся предметов бурных дискуссий. Его биография могла бы послужить материалом для фильма про американскую *success story*: будущий ученый вырос на ферме около Хартфорда, после школы пошел учиться в местный колледж на агронома, но еще во время учебы начал заниматься журналистикой. В выпускной 1938 год Бэнфилд женился на Лоре Фазано — позже она фактически станет соавтором «Моральных основ». После колледжа Бэнфилд стал работать в газете — нет, не писать статьи, а продавать рекламу, — но вскоре перешел на государственную службу. Он работал в нескольких федеральных агентствах, порожденных идеями «нового курса» — политики энергичного государственного вмешательства в экономику, необходимого, по мнению его сторонников, для предотвращения экономических кризисов, подобных Великой депрессии.

Первое место работы Бэнфилда в качестве чиновника — Отдел Министерства сельского хозяйства США по спасению

лесных ресурсов на Северо-Востоке, временная организация, созданная для ликвидации последствий урагана 1938 года, уничтожившего значительные объемы леса в восьми штатах. Агентство скупало поваленный лес и пыталось организовать его хранение и переработку за государственный счет — чтобы уберечь от банкротства частные лесные хозяйства, избежать потери коммерчески ценной древесины и предупредить лесные пожары, которые должны были возникнуть из-за поваленных деревьев, — а заодно поддержать затронутые бедствием комьюнити и спасти сам рынок леса. Закончилось дело потерями на миллион с лишним тогдашних долларов, хотя кое-что действительно удалось спасти. Следующие места работы Бэнфилда — Фермерское управление Нью-Гэмпшира и Федеральное управление по защите фермерских хозяйств, задачей которых являлась государственная поддержка фермерства. Там Бэнфилд занимался тем, что станет неизменным предметом его научного интереса: государственными программами борьбы с бедностью. Попытки возрождения сельского хозяйства в проблемных районах, поддержка беднеющих фермеров и разоряющихся предпринимателей, создание «сверху» рабочих мест для сельскохозяйственных рабочих — об этом написаны многие из его книг. В 1946 году, разочаровавшись в идеях «нового курса», Бэнфилд поступил в аспирантуру Чикагского университета. Диссертация была посвящена провалу правительственного эксперимента по организации кооперативной фермы в Аризоне и была издана под заглавием «Государственный проект» в 1951-м. После защиты Бэнфилд остался работать и преподавать в том же университете, и вскоре была напечатана его вторая книга, «Политика, планирование и общественные интересы» (1955; в соавторстве с Мартином Мейерсоном), открывшая серию его работ о провалах городского планирования в деле помощи бедным, в особенности там, где это касалось строительства субсидированного жилья.

В 1959 году, после выхода «Моральных основ отсталого общества», о которых речь пойдет ниже, Бэнфилда приглашают работать в Гарвард. Опубликованная через десять лет книга

«Град ненебесный» стала настоящим бестселлером и навлекла на себя не только шквал академической критики, но и волну общественного возмущения — настолько серьезную, что через четыре года автор выпустил новую, пересмотренную версию книги. Обвинения в адрес автора включали расизм, перекладывание на бедных ответственности за их бедственное положение, отрицание роли дискриминации и исключения в воспроизводстве неравенства — и во всех случаях эти обвинения не до конца справедливы. Бэнфилд не отрицает существования и значения разнообразных общественных зол (но констатирует, что их влияние на положение бедных неуклонно снижается), никогда не опускается до примитивного эссенциализма в объяснении социальных явлений и приписывает воспроизводство городской бедности — и сложностей в борьбе с ней — исключительно культурным факторам как он их понимает, то есть психологическим особенностям и ценностям бедных горожан.

О влиянии идей Бэнфилда на умы современников говорит, например, такой факт: именно ему посвящен знаменитый сборник «Культура имеет значение», изданный Сэмюэлом Хантингтоном и Лоуренсом Харрисоном в 2000 году. Первый из составителей не нуждается в представлении, другой прославился книгой с красноречивым названием «Отсталость в голове: случай Латинской Америки» (1985). Собственно, в этих двух заголовках и заключен главный пафос работ Бэнфилда. Культура имеет значение, и отсталость является проблемой сферы ценностей и установок, а не материального мира. Отсталость для Бэнфилда — это рутинизированный образ действий, короткий, как мы бы сейчас сказали, горизонт планирования и собственно «отсталые» ценности, которые могут быть усвоены с традиционным образом жизни, а могут быть приобретены в условиях нестабильности и скудного существования, особенно когда люди, попавшие в столь невыгодные обстоятельства, скучены и предоставлены друг другу. Худший способ помочь им выбраться из бедности — это собрать их в одном месте (как это делается в городских проектах строительства субсидированного жилья

или само собой происходит в различных гетто) и оказывать им финансовую поддержку, исходя из свойственных чиновникам и политикам представлений о прекрасном. Эта мысль приводит Бэнфилда к сомнениям в эффективности правительственных программ борьбы с бедностью и порождает интерес к городскому планированию и городской политике, весьма критические и спорные работы о которых и составляют основной корпус его исследований. Досталось также и международной помощи развивающимся странам, и вообще централизованному планированию как способу подстегнуть развитие общества.

В 1955 году, задумавшись о причинах провалов правительственных программ, Бэнфилд отправляется в южную Италию (под вымышленным для книги названием Монтеграно скрывается коммуна Кьяромонте в Базиликате), чтобы своими глазами увидеть и изучить общество, обладающее чертами «отсталости» — теми же чертами, которые он находил прежде и неизменно будет находить впоследствии в тех людях и сообществах, чьи культурные особенности не позволяют внедрить в них прогресс и цивилизацию «сверху». Это единственная книга автора, написанная на иностранном материале, самая насыщенная эмпирикой и, возможно, самая интересная современному читателю.

По всей вероятности, именно в ходе работы над «Моральными основами отсталого общества» окончательно оформилась основная мысль Бэнфилда: отсталость — идет ли речь о стране, городском сообществе или о социальной группе — является продуктом особых культурных паттернов, которые ее консервируют и воспроизводят. Разобщенность, отсутствие норм и ценностей, способных обеспечить доверие и сотрудничество, склонность жить сегодняшним днем и неумение/нежелание действовать коллективно сначала становятся последствиями, а затем и причинами стесненных условий существования.

На юге Италии Бэнфилд видит перед собой общество, не похожее на то, которое он считает естественным и нормальным, и ничем не напоминающее высокоиндустриализированную Америку больших городов, университетов, американского среднего

класса, к которому он сам принадлежит, но, видимо, весьма напоминающее ему депрессивные сельские сообщества, малоэффективной помощью которым он занимался на ранних этапах своей карьеры. Он видит общество, которое руководствуется совершенно другими ценностями и которое, что может быть еще важнее, имеет совершенно другую картину мира. И еще одно существенное обстоятельство — перед ним фасад этого общества, за который не так-то легко проникнуть. В фокус его интерпретации попадает только то, что рассказывают местные крестьяне иностранцам, представителям среднего класса, приезжим, чужакам, и в этих интервью — благо, автор щедр на цитаты — социологу нетрудно увидеть, что они разговаривают с человеком, который смотрит на них сверху вниз с высоты своего образования, дохода, городского воспитания и принадлежности к более продвинутому, развитому обществу, а также, не исключено, с позиции победителя в войне — симптоматично, что поражение Италии во Второй мировой никто из респондентов Бэнфилда практически не упоминает.

Бэнфилду представляется, что он наблюдает устоявшийся уклад, ту самую традиционность, отсталость, которая воспроизводит сама себя, — что делает подобное общество столь трудным объектом для рационального реформирования. Однако знакомому с контекстом современному читателю представляется, что он видит уклад распадающийся. Процесс фундаментальной трансформации общества происходит на его глазах, оставаясь, в основном, незамеченным; он видит момент, когда бывшая традиционная община, прошедшая через потрясения, настолько глубокие, что о них не говорят, трансформируется в сообщество, пусть провинциальное, но уже организующееся по образцу современного модерного массового общества. Приход индустриального уклада, рост пространственной мобильности, урбанизация, современная партийная система — все это стучится в дверь Монтеграно.

Наиболее наглядно это проявляется в рассуждениях Бэнфилда о специфике местной семьи. Он вводит понятие аморального

фамилизма и видит в нем главную характеристику пресловутой отсталости южных итальянцев. Что же это такое? Готовность ориентироваться на благо семьи, даже в ущерб себе и определенно в ущерб всем остальным. Подозрительность к чужакам. Отсутствие прочных связей с соседями и даже кумовьями и дальними родственниками. Оппортунизм в отношении ко всем, кроме членов собственной нуклеарной семьи. Похоже ли это на стабильное, самовоспроизводящееся традиционное общество?

Фактически Бэнфилд застает переломный момент, когда большая традиционная многопоколенческая семья преобразовывается в нуклеарную, еще сохраняя ценности и картину мира, характерные для жизни в расширенной семье. К примеру, его удивляет, что у семьи нет прочных дружеских связей. Хорошие отношения с соседями налаживаются ситуативно, по необходимости, но если соседи переезжают в другую часть города и больше не нужны, то и отношения больше не поддерживаются, люди фактически перестают быть знакомы и даже не здороваются. Все это не похоже на привычную семейно-клановую систему традиционного малого сообщества. Человек, для которого еще естественно жить внутри большой сети родственников, внутри традиционной расширенной многопоколенческой семьи, где люди живут в разных домах, но сохраняют связи и опираются на родственников, то есть человек, существующий в условиях по-настоящему традиционного малого сообщества, оказывается в новой для себя ситуации. Семейные кланы уже распались, и та лояльность, преданность и внутригрупповой альтруизм, которые предназначались большому клану и служили полноценной сеткой безопасности и полноценным кругом общения в прошлых поколениях, теперь достаются маленькой нуклеарной семье из жены и все еще не одного-двух, но уже и не пяти-десяти детей.

В интервью часто упоминается, что интервьюируемые сами были пятыми, шестыми детьми в семье. В прежних условиях низкая продолжительность жизни сочеталась с большим количеством детей, и родители респондентов (тот из них, кто жил

дольше) успевали не по одному разу выйти замуж или жениться: Бэнфилд обращает внимание на то, что каждый второй воспитан мачехой или отчимом, и с этим связаны разнообразные травматические воспоминания детства. Для американской семьи 1950-х это уже давно не так, продолжительность жизни начинает приближаться к современной, а родители, как правило, еще не разводятся, так что обычно успевают вдвоем вырастить общих детей. Характерно, что уже у детей самих интервьюируемых, как правило, двое родителей или одна мать, но чаще нет почти обязательной в прошлом мачехи или отчима. В этой разнице между отцами и детьми заключается важное поколенческое различие, и такое неустойчивое, переходное состояние семьи порождает те ценности и стратегии, которые Бэнфилд трактует как отсталость.

Бэнфилд фиксирует состояние кризиса, но сам интерпретирует его не как кризис, а как устойчивое и воспроизводимое ущербное состояние, слабость организации общества. В южноитальянской глубинке он видит черты традиционного общества — недоверие к чужакам, готовность этих чужаков обманывать, предполагающая, что ты можешь встретить человека один раз в жизни и эти однократные отношения с ним не нуждаются в опоре на твою репутацию. Но Бэнфилд не замечает, что в рассматриваемый период, когда мобильность в обществе повышается, а традиционные семейные связи распадаются, чужаками становятся практически все, с кем ты живешь в одном поселении. Система соседских связей, структура малого сообщества переживает кризис, и в ответ на это изрядную часть функций по поддержанию порядка берут на себя внешние государственные институты. Так, например, в Монтеграно присутствует полиция, которая постоянно следит за порядком — с любого угла этого города можно докричаться до патруля карабинеров. При этом такого рода новые механизмы пока слишком чужеродны — особенно те, что связаны с отдаленной центральной властью, — и люди, только что вышедшие из традиционной общины, не испытывают по отношению к ним достаточного до-

верия, чтобы этим механизмам удалось заменить старые, распадающиеся «скрепы». Таким образом, мы можем констатировать недостаток институтов, обеспечивающих неоппортунистическое поведение и, соответственно, расцвет оппортунизма в отношениях со всеми, с кем взаимодействие не носит повторяющегося характера. Мы видим город, слишком разросшийся для того, чтобы все, кто живет в нем, считали друг друга полноценными земляками, которых нельзя обманывать. Это уже современная жизнь и современный город, многие из него, как это видно по интервью, уезжают и появляется большой стимул относиться к землякам не как к соседям, а как к чужакам. А с другой стороны, многие в этот город, наоборот, приезжают, и даже если вы по-прежнему готовы вести себя по правилам традиционного сообщества с его высоким уровнем доверия, вокруг слишком много чужаков, чтобы ваша готовность не подвергалась непрерывному испытанию.

На город, можно сказать, надвигается структура современного индустриального общества с партиями, с профессиональными ассоциациями, с политиками, которые приходят со стороны. По отношению к этой структуре необходимо как-то определяться, в то время как у людей еще не сформировались ни новые ценности, ни новые представления о мире и способах взаимодействия с ним, а старые в новых условиях ни на что не годятся. Кроме того, это общество находится в ситуации двойного экономического кризиса: это послевоенный экономический кризис, который к тому же в этой конкретной местности усугубляется тем обстоятельством, что традиционный сельскохозяйственный образ жизни просто переживает упадок в процессе индустриализации. Сельское хозяйство, в котором заняты жители городка, из флагмана становится самым отсталым сектором экономики, привычные экономические стратегии перестают кормить.

Трудно сказать, встроены ли концентрация на выживании, оппортунизм и импульсивность в структуру ценностей описываемого общества так глубоко, как об этом пишет Бэнфилд, —

может быть, это просто следствие очень длительного периода экономических трудностей, военного и послевоенного, и слома довоенной структуры общества. Автор говорит о страхе перед соседской завистью, приводя этому яркие примеры: люди прячутся от соседей, когда проносят в дом куриное яйцо или кусок колбасы. Учитывая, что речь идет о семьях с детьми, эти примеры могут многое сказать нам о том, в каком экономическом положении находятся эти люди. Эта бедность такова, что в обществе просто нет горизонта ценностей, нет, образно говоря, доступа к следующим уровням пирамиды Маслоу.

При всех ограничениях, значение подхода Бэнфилда в качестве исследователя институтов заключается в том, что он рассматривает их как общественные структуры, способствующие координации между людьми. Он понимает социальный капитал весьма современным образом: как, с одной стороны, рутинные практики, нормы, ценностные установки, взгляд на мир, которые способствуют кооперации «ради общего блага», а с другой — как достаточное количество продуктивных связей между людьми, чтобы эта кооперация стала возможной. Среди причин «отсталости» Бэнфилд называет неспособность институтов этого общества обеспечить достаточный уровень сотрудничества и координации. Если люди не доверяют друг другу, завидуют и боятся зависти окружающих, склонны к обману в отношении практически всех, сосредоточены на благе исключительно собственной семьи — это приводит к глубокой стагнации. Бэнфилд оказался прав если не в диагнозе, то в прогнозе: отставание южной Италии не преодолено до сих пор.

Перед нами влиятельная книга и новое слово в институциональной теории, а кроме того, это фактически антропологическая работа — пусть и выполненная не антропологом, со всеми ограничениями авторского подхода, — сохранившая для нас картину жизни в итальянском городе 50-х годов прошлого века глазами институционалиста с системным и острым взглядом. И все-таки эта книга незаслуженно льстит нам, потому что мы гораздо больше похожи на автора, чем на его респонден-

тов. «Ах вот почему они настолько хуже меня!» — радостно воскликнет университетский читатель, который увидит их «моральную отсталость». Но собственно сделанное Бэнфилдом антропологическое описание не теряет своего значения, даже если вы не соглашаетесь ни с его интерпретацией, ни с несколько высокомерной общей позицией автора. Сегодня, когда институциональный подход к осмыслению реальности стал общим местом, главная ценность этой книги заключается в собранном в ней богатейшем эмпирическом материале. Автор щедро делится цитатами из интервью, подробнейшим образом описывает то, что ему удается узнать. И современный читатель получает возможность как будто под микроскопом увидеть общество, которое уже давно перестало существовать.

Автор — доцент Высшей школы экономики,
Санкт-Петербург

Указатель

Эдвард Бэнфилд
Моральные основы отсталого общества

Выпускающий редактор **Татьяна Григорьева**
Корректор **Светлана Крючкова**
Верстка **Тамара Донскова**
Производство **Семен Дымант**

Новое издательство
123022, Москва
Столярный переулок, дом 3, корпус 1
e-mail: sales@novizdat.ru

Подписано в печать 30 сентября 2019 года
Формат 84x108/32
Гарнитуры Scotch Micro, Figgins Sans
Объем 11,34 условного печатного листа
Бумага офсетная. Печать офсетная
Заказ № 402-10/19

Отпечатано в ООО «Центр полиграфических услуг Радуга»
117105, Москва, Варшавское шоссе, дом 28А

ISBN 978-5-98379-242-5

Одна из самых влиятельных книг о связях повседневной культуры, социального уклада и устройства экономики, «Моральные основы отсталого общества» детально описывают и анализируют жизнь небольшого города на юге Италии середины 1950-х — именно там американский политолог Эдвард Бэнфилд попытался найти ответ на вопрос, откуда в некоторых обществах берется неспособность объединяться и координировать свои действия — неспособность, которая приводит к отсутствию политических институтов и экономического развития.